



Виолетта Трофимова

*За гранью
грядущего*

Роман

Виолетта Трофимова

За гранью грядущего. Роман

«Издательские решения»

Трофимова В.

За гранью грядущего. Роман / В. Трофимова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836450-1

Могущественная тайная организация, наподобие масонской, стремится захватить власть во всем мире. Должен ли честный человек предпринимать активные действия для разрушения коррумпированной общественной системы, или ему следует от них воздержаться, так как они могут привести к катастрофическим последствиям? Существует ли однозначный ответ на этот вопрос?

ISBN 978-5-44-836450-1

© Трофимова В.
© Издательские решения

Содержание

Дейзи, которая погубила мир	7
Часть I	7
Часть II	44
Конец ознакомительного фрагмента.	84

За гранью грядущего Роман

Виолетта Трофимова

Дизайнер обложки Питер Брейгель Старший

© Виолетта Трофимова, 2019

© Питер Брейгель Старший, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4483-6450-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Джуд сидела на диване, скрестив ноги, и перебирала старые газеты десятилетней давности. Она устала от постоянного чтения с мониторов, поэтому с удовольствием рассматривала эти выцветшие листы бумаги с новостями, которые уже вряд ли кому-то были интересны. Неожиданно девушка наткнулась на заметку всего в несколько слов: «Сегодня исполнилось ровно сто лет с того дня, как Дейзи Миллан выступила по мировому телевидению со своим разоблачением эггнистов». Джуд вздрогнула, снова взглянула на заголовок, встала и прошла по комнате. Дейзи Миллан! Это была, вероятно, какая-то знаменитая история. Но она, Джуд, об этой Дейзи явно ничего не слышала. Правда, с тех пор прошло сто лет! Это намного дольше, чем было во времена Дейзи. И все же... и все же это очень интересно.

Джуд включила компьютер и набрала «Дейзи Миллан». Информация нашлась сразу, но весьма краткая. Дейзи, оказывается, была знаменитой певицей и, к тому же, ученым-культурологом. «Удивительно! – подумала Джуд. – Почему я о ней не знаю?» Она выключила устройство и взяла распечатку с библиографией. Сначала шел довольно длинный список работ самой Дейзи, а затем книги о ней, среди которых Джуд заинтересовала биография под названием «Дейзи, которая погубила мир». Девушка снова включила компьютер, проверила, есть ли книга в сети, но там ее не оказалось. Тогда Джуд открыла каталог ближайшей библиотеки. Есть! Джуд взглянула на часы. У нее целых тридцать минут. Ей как раз хватит этого времени, чтобы пойти до библиотеки и обратно.

– Мама! – крикнула Джуд. – Я выйду на полчаса.

– Куда ты?

– В библиотеку. Туда и обратно. Хочу взять одну книгу.

Джуд вышла на улицу. Ей было восемнадцать, она была симпатичной и раскованной девушкой с пышными каштановыми волосами, красивыми карими глазами и стройной фигурой, к тому же умной и развитой. Джуд и сама таковой себя считала. Почему же она все-таки не знает Дейзи Миллан? Может, потому, что та жила в Америке, а она, Джуд, в Париже? Париж! Положительно, по сути своей Париж не меняется. Как часто говаривала мама Джуд, «Париж всегда Париж». Джуд шла пешком, и над ее головой тихонько жужжали аэромобили. С этими машинами была целая история. Мама рассказывала Джуд, что, когда их только вводили, страшно было выходить на улицу – вдруг голову снесет. Но теперь все привыкли, и девушка сама с удовольствием пользовалась аэромобилями.

Погода была прекрасная: яркое солнце, голубое небо без единой тучки. И чистый воздух, что немаловажно. Джуд не могла себе представить, что раньше в Париже дышать было невозможно из-за... как же это называлось?... выхлопных газов. Теперь ничего подобного, к счастью, нет: оставшиеся автомобили давно уже превратились в электромобили, а, что касается аэромобилей, то они абсолютно безвредны. Джуд неожиданно подумала о том, что эта неделя

была очень удачной. Было ли за последние дни вообще что-нибудь плохое? Ссора с Майком. Ну, это не удивительно, Джуд следовало бы знать, что у него тяжелый характер, когда она позволила ему стать ее парнем. А что еще? Спор с мамой по поводу того, куда ей поступать – в университет или идти в консерваторию учиться вокалу. Кстати о пении! Теперь Джуд начала кое-что припоминать насчет Дейзи. Ну, разумеется, Дейзи была очень знаменитой, есть даже такое выражение – «стиль Дейзи»: простая, ясная мелодия, отсутствие диссонансов, но вместе с тем очень экспрессивное исполнение. Говорят, люди плакали на концертах Дейзи... Джуд ведь тоже поет, и весьма неплохо. Но кто будет плакать на ее концертах? Может быть, Майк? Ну уж нет, он будет играть роль железного парня. С юриспруденцией все намного понятнее, да и ум у Джуд приспособлен к изучению законов. В общем, об этом надо еще подумать.

Джуд вошла в библиотеку и попросила книгу русской писательницы Евдокии Максимовой «Дейзи, которая погубила мир».

– А Вы ее еще не читали? – удивилась библиотекарь.

– Увы, нет.

– Это очень хорошая книга. К тому же, сама Дейзи в последнем интервью сказала, что все было именно так, как там написано.

– А что случилось с Дейзи? Где она сейчас?

– Расскажу, когда прочитаете книгу.

– Но все-таки?

– Я же сказала: прочитаете – расскажу. Или ищите сами.

– Ладно, сама выясню, если захочу.

Джуд шла по улице, рассматривая книгу и думая о том, сможет ли она понять Дейзи. Их разъединили страшные войны прошлого века. И все же она попытается. Джуд пришла домой и села читать.

Дейзи, которая погубила мир

Часть I

И здесь-то лежит пренебрегаемый нами, самый простой, самый доступный ключ к нашему освобождению: личное участие во лжи! Пусть ложь всё покрыла, пусть ложь всем владеет, но в самом малом упрёмся: пусть владеет не через меня!

А. И. Солженицын. «Жить не по лжи!»

Глава 1

Эта история начиналась как волшебная сказка в стране, в которой так любят сказки – в Америке. Дейзи и Лайм Милланы жили в пригороде Бостона в небольшом уютном доме. Дейзи было двадцать два. Стройная, красивая девушка с пушистыми золотыми волосами до плеч и серыми глазами с карими прожилками, она была начинающей эстрадной певицей «с будущим». Ее считали тонкой и нежной. Она и была такой. Она была ко всем очень доброжелательной.

Лайму было тридцать семь, он тоже был красив, но другой, южной красотой: брюнет с карими глазами, на полголовы выше Дейзи, несколько склонен к полноте, однако удивительно пропорционально сложен. Его мать была индианкой, а отец – американцем с шотландскими корнями. Его родители умерли задолго до его женитьбы на Дейзи. Лайм заведовал кафедрой восточной философии в Гарвардском университете. Он был необыкновенно обаятельным, и редко кого не притягивали его темные завораживающие глаза.

Они были женаты полтора года, и оба считали это время лучшим в своей жизни. Они любили друг друга самозабвенно и практически не ссорились. У них были схожие вкусы: им нравились одни и те же книги, одна и та же музыка, одни и те же спектакли. Они хорошо понимали друг друга.

Их роман был коротким – они поженились в течение недели. Они отдались своему чувству раз и навсегда, и оттого их любовь как будто возрастала день ото дня. До брака Дейзи пришлось многое претерпеть, и в душе она была скептиком, но Лайму доверяла полностью. Она считала его самым искренним человеком на свете.

Их совместная жизнь протекала под знаком сказочной истории, которая произошла с Лаймом лет десять тому назад. Из начинающего, хотя и перспективного ученого благодаря выступлению на одной из конференций он превратился в настоящую звезду. Его рвали на части ведущие университеты страны, и он выбрал Гарвард. Дейзи была знакома с людьми, которые помогли Лайму попасть на ту конференцию. Это были милые, интеллигентные мужчины и женщины, по большей части, профессора Гарвардского и Колумбийского университетов. Они с симпатией относились к Дейзи, отмечали ее талант. Девушка отвечала им уважением, хотя и не слишком любила принимать их всех разом в своем доме.

Дейзи считала себя нерешительной. Она почти не выступала на сцене до замужества. Знакомые Лайма и знакомые его знакомых помогали ей находить залы, а один из его приятелей договорился с владельцем известной студии звукозаписи, чтобы Дейзи записала там дебютный альбом. Девушка была благодарна мужу за столь активную помощь, хотя в глубине души надеялась, что всего сможет достичь сама, без чьей-либо поддержки.

Каждое утро Дейзи отправлялась на машине на студию. Лайм обычно вставал раньше и уезжал на работу на своем джипе, благо у них у каждого был собственный автомобиль. Дейзи

поднималась с постели позднее и после легкого завтрака садилась в маленькую спортивную машину редкого розового цвета. Она водила хорошо – она все делала на высшем уровне.

Была зима, теплая и совсем без снега. Дейзи ехала на большой скорости по автобану, думая о тех песнях, которые ей предстояло записать в ближайшие дни. Некоторые из них она сочинила на стихи Лайма. Он был талантливым поэтом-любителем. Большую часть стихов Лайм написал до брака, однако Дейзи казалось, что все они посвящались именно ей. Она любила его стихи, его умные книги по философии. Она любила все, что он делал.

За окном машины завывал ветер, и впереди уже показались первые бостонские небоскребы. Дейзи нравился этот город, хотя, когда она впервые сюда приехала, ее ждало разочарование. Вместо старинного городка с маленькими домиками и узкими улочками девушка попала в большой современный город с небоскребами и лишь редкими вкраплениями старых зданий. Теперь Дейзи привыкла к Бостону и никуда уезжать отсюда не хотела.

Звукорежиссер был приятным молодым человеком. Дейзи нравилась деловая атмосфера, которую он создавал в студии – никаких заигрываний, никаких лишних слов. Запись была непростой: сначала аккомпанемент на фортепиано, потом включение других инструментов и, наконец, голос. Работа была, прямо скажем, рутинная, но Дейзи не жаловалась. Самой трудной была партия фортепиано, которую девушка исполняла сама. С другими инструментами особых проблем не было, а вот, что касается голоса... Здесь было когда как. Иногда Дейзи удавалось сделать отличную запись с первого дубля, иногда – только с десятого-одиннадцатого. Диск обещал быть большим – песен двадцать пять – тридцать. Это были сплошь композиции Дейзи, примерно половина того, что уже было ею написано. Альбому прочили большой успех, судя по тому, как принимали Дейзи на ее концертах. Конечно, девушка была пока только *известной* певицей, а не *знаменитой*. Дейзи мечтала о Карнеги-холле, но вынуждена была довольствоваться небольшими залами в Бостоне и других городах восточного побережья. Она с успехом выступила в зале Колумбийского университета на Рождество, о ней стали говорить и даже писать в газетах. Дейзи вспоминала, как пыталась пробиться на сцену до замужества. Слушателям-непрофессионалам она нравилась, а вот профессиональные музыканты критиковали ее за не должным образом поставленный голос и слишком простой аккомпанемент. Теперь статьи были неизменно доброжелательными и порой даже откровенно хвалебными. Заслуживала ли этого Дейзи? Она считала, что да. Она много работала и стала профессиональной певицей, а талант и актерские способности были даны ей природой. Да, она пока выступала в маленьких залах, но у нее все было впереди. Как сказал один из знакомых ей журналистов, пишущих об искусстве, «Ты станешь звездой международного масштаба, но сначала нужно приучить людей к твоей не укладывающейся ни в какие рамки манере исполнения. Однажды перед тобой откроются двери лучших залов страны, но нужно еще немного подождать. Ты еще молодая». Дейзи знала, что в этих словах есть доля правды. А пока она, практически не вступая в дискуссию с режиссером, записывала дубль за дублем. Девушка никак не могла привыкнуть к оторванности партии фортепиано от голоса. На концертах она всегда сама себе аккомпанировала и чувствовала, что руки, горло, все тело находятся в единстве. То, что происходило в студии, Дейзи про себя в шутку называла «раздвоением личности».

На улице пошел снег. Запись песни подошла к концу.

– Как же ты пойдешь без зонта? – спросил звукорежиссер.

– Все в порядке, – с улыбкой ответила Дейзи. – Моя машина недалеко.

Режиссер минуты две колдовал над пультом, затем встал и сказал:

– На сегодня план выполнен. Ты молодец.

– Да, на сегодня план выполнен, – эхом отозвалась Дейзи. – Спасибо.

Она тоже встала, чувствуя усталость в ногах. Во время записи ей почти не удалось посидеть. Дейзи оставалась собой во всем – от одежды до собственных мелодий. Она могла показаться несколько старомодной – шерстяные брюки в клетку, классический пиджак. Она была

изящной, и, возможно, ей недоставало лишь одного – величественности. Дейзи выглядела очень молодо, и в этом, вероятно, таилась тому причина. Девушка была тонкой, легкой и почти эфемерной.

Дейзи пожала руку режиссеру, распрощалась с ним и вышла на улицу. Валил снег, она быстро добежала до машины и села за руль. В салоне было тепло и уютно. Дейзи чувствовала удовлетворение. Она подумала о том, дома ли уже Лайм. Иногда он возвращался с работы раньше нее. Девушке пришло на ум, что их жизнь похожа на солнечные мелодии в стиле кантри, которые она записывала на днях. Единственное, что ее беспокоило, – это странные приступы отчаяния, которые иногда охватывали Лайма. Не так давно она видела его в таком состоянии. Он стоял, прижавшись лицом к стене, и, когда обернулся, на его лице было выражение такого горя, что девушке стало страшно. Лайм довольно быстро пришел в себя, изо всех сил успокаивал ее, говоря, что нет ничего страшного и ей не о чем беспокоиться. Дейзи также не раз замечала слезы в его глазах, когда сообщали о каких-то бедствиях. Она знала, что у него большое, доброе сердце. Иногда девушка просто боялась его реакции на те или иные печальные события и сама рассказывала о них как можно спокойнее. Но, несмотря на это, Дейзи чувствовала себя за ним как за каменной спиной.

Когда она приехала домой, ужин уже стоял на столе, а Лайм принимал ванну. Дейзи быстро скинула с себя одежду, надела купальный халат и вошла в ванную комнату. Дверь была не заперта.

– Привет, Лайм.

– Здравствуй, Дейзи.

Девушка сбросила халат и забралась в ванну к мужу. Он притянул ее к себе, она с удовольствием ощутила его гладкое тело под своими пальцами. Дейзи не собиралась заниматься с Лаймом любовью в ванне, но ей доставляло наслаждение ласкать его.

– Ты устала? – спросил он. – Хочешь есть?

– Да нет, не устала, – отозвалась Дейзи, откинув назад голову, рискуя замочить волосы. – А есть хочу.

Девушка вышла из ванны и завернулась в полотенце. Лайм невольно залюбовался ее красивыми икрами. Она выпорхнула в коридор и отправилась в столовую, где ее ждал ужин, приготовленный мужем. Дейзи обожала всевозможные салаты, и сама их великолепно готовила. Лайм любил сладкое, пек восхитительные торты и пирожные, а также делал чудеса из риса, который девушка в чистом виде терпеть не могла.

Он сел напротив нее. Белая рубашка удачно оттеняла его смуглую кожу. Он был красив, и Дейзи невольно подумала о том, что у них до сих пор нет детей. Раньше, когда она была девочкой, она считала, что ребенок должен появиться через год после свадьбы. Но жизнь распорядилась по-своему. Дейзи была занята, и ей некогда было бы заниматься ребенком. Она должна стать знаменитой, а потом у нее будут дети, обязательно будут дети.

– Как дела на работе? – спросила Дейзи мужа.

– Все по-прежнему. По-моему, ты читала мои последние книги.

– Да, очень интересно. Индийская философия очень глубокая и вместе с тем красочная. Но, честно говоря, мне больше всего нравятся «Беседы Маркандей» из «Махабхараты». Прочитаешь – прямо мурашки по коже.

Лайм улыбнулся.

– Я тоже люблю это произведение. В одной из своих статей я назвал его Упанишадой. Может, мне стоит написать о нем отдельную работу?

– Может быть.

– А как твоя запись?

– Хорошо.

– Кстати, что говорят на студии по поводу съемок клипа на «Песню тебе»?

– Пока ничего вразумительного.

– Слушай, я говорил сегодня с миссис Браун. Ее сын – известный клипмейкер, и он готов помочь тебе, раз на студии, как ты говоришь, никаких изменений.

– Именно так. Ты знаешь, мне нравится работать с Питером, он деловой и профессиональный, но, что касается клипа... А сын миссис Браун, он действительно готов мною заняться?

– Да, действительно. Он готов снять клип на «Песню тебе». Это ведь едва ли не лучшее твое произведение.

– Наше. Ведь это ты – автор слов.

– Но именно ты сделала из него чудо.

– Но во что это обойдется?

– Он сказал, что готов снимать практически без денег.

– Как это?

– Он уверен в успехе и в хорошей прибыли. У него свои расчеты, я в них не вдавался.

– Это просто здорово. Но как насчет сценария? Я ведь уже все продумала, вплоть до костюмов. У меня все в голове. Я должна играть принцессу, которая живет в замке, вдали от своего рыцаря, и поет эту песню, и ее единственное желание – быть с ним. На ней должно быть белое платье, струящееся белое платье.

– Почему белое?

– Потому что... Потому что это мой любимый цвет. Кстати, ты не согласился бы сыграть рыцаря?

– Нет, – наотрез отказался Лайм. – Я не буду играть. Я уверен, мы сможем подобрать хороших актеров.

– Ты думаешь, все это реально?

– А почему нет?

– Слушай, – задумчиво произнесла Дейзи. – Разве так бывает, чтобы у человека все-все получалось?

– Но я же не обещаю тебе завтра Карнеги-холл, а в «Мете» ты и сама выступать не хочешь!

– Я не хочу быть оперной певицей. А вот насчет Карнеги-холла... Когда он, кстати, будет?

– После выхода твоего альбома.

– Честно?

– Честно.

Дейзи счастливо улыбнулась и потянулась блаженно. Она подумала, что, должно быть, похожа на свою любимую актрису Вивьен Ли в «Унесенных ветром».

– Ты не хочешь немного отдохнуть от студии? Я мог бы выкроить дня два-три, мы могли бы вместе куда-нибудь поехать...

– Нет, ты знаешь, я не хочу прерывать запись. Я только вошла в ритм. А вот насчет выходных у меня предложение – поехали в Нью-Йорк. По правде говоря, я просто хочу походить по магазинам.

– На моем джипе.

– Но...

– Это была неудачная мысль – заводить два автомобиля. Мы вечно спорим, на чьей машине ехать. Мы могли бы обойтись и одной – я бы сам возил тебя на студию.

– Нет, спасибо. Ладно, поехали на твоей, но давай договоримся – в следующие выходные я тебя повезу. По рукам?

– По рукам.

Они рассмеялись.

– Да здравствует равенство во всем.

Когда Дейзи уже засыпала, она подумала, что большего счастья, чем в ее жизни, просто не бывает. В полусне она представила себя на сцене Карнеги—холла. Ее красивое белое платье, годится ли оно для этого зала? Наверное.

С этой мыслью девушка заснула.

Глава 2

На следующий день Дейзи проснулась поздно и пожалела, что не завела будильник. Она быстро позавтракала и стала искать телефон студии. В компьютере его не оказалось, видно, она забыла его туда включить. Девушка перерыла всю свою сумку и записную книжку – телефон как сквозь землю провалился. Она принялась за письменный стол в кабинете, где обычно работал Лайм, а затем за ящики. Неожиданно Дейзи наткнулась на клочок бумаги, на котором было написано «Эггнистский купол №4» и телефон, показавшийся девушке знакомым. Она вздрогнула и застыла на месте. «Эггнисты... – мучительно вспоминала девушка. – Это какая-то тайная организация...» Но при чем тут Лайм?

Дейзи села на стул, забыв о студии и о том, что туда нужно позвонить. Она вертела в руках листок бумаги, на вид довольно старый. Что-то зловещее веяло от написанных на нем слов... Дейзи сидела, вроде бы задумавшись, хотя в действительности в голове у нее не было ни одной мысли. «Эггнизм», – почти вслух повторила она. Она чувствовала физическое неприятие, когда произносила это слово. Поборов это ощущение, девушка подошла к книжным полкам и взяла энциклопедию.

«Эггнизм – религиозно-этическое течение. Происхождение точно не установлено. Первые эггнистские купола появились в Европе еще в Средние века. Эггнистами были...»

Далее следовал длинный список фамилий писателей, композиторов, политических деятелей, знакомых Дейзи с детства.

«На начало века в мире насчитывалось 10—12 млн. эггнистов...»

Эггнисты верят, что весь мир возник из яйца...»

Общие слова... Дейзи взглянула на список литературы в конце статьи. Наверняка эти книги трудно достать, так обычно бывает, когда имеешь дело с энциклопедией. Она поставила том на место. Кажется, несколько лет назад она видела большую книгу об эггнистах, альбомного формата. Надо будет ее найти... Но все-таки, при чем здесь Лайм?

Телефон студии... О нем Дейзи вспомнила неожиданно и почему-то сразу же нашла его в том же ящике.

– Алло, Питер? Здравствуй, Питер, это Дейзи. Извини меня, пожалуйста, я опаздываю, но я уже выхожу.

Она говорила нервно и очень громко.

– Дейзи, с тобой все в порядке? У тебя что-то произошло?

– Нет-нет, у меня все в порядке. Я просто проспала. Я выезжаю, буду через полчаса.

– Будь осторожна, Дейзи.

Она положила клочок бумаги обратно в ящик и побежала на улицу. Было очень холодно, во всяком случае, так ей показалось. Девушка вернулась за курткой, села в машину и постаралась взять себя в руки. Эггнисты. Ну и что? Десять-двенадцать миллионов в мире на начало века. Много это или мало? Сейчас 2045 год, в этом году будут праздновать столетие со времени окончания Второй мировой войны... Дейзи стала вспоминать цифры потерь: 9 млн. евреев, 20 млн. русских... Это ужасные цифры. Но как их сопоставить с числом эггнистов? Дейзи отказалась от этой затеи. На Земле сейчас живет около семи миллиардов людей, в начале века было шесть. Десять-двенадцать миллионов – это не так уж много, но и не так уж мало. Нужно спросить Лайма об этой бумажке. Почему она раньше никогда ее не видела? Все это очень странно.

Когда Дейзи приехала на студию, Питер выглядел очень обеспокоенным.

– С тобой точно все в порядке? Ты хорошо себя чувствуешь? Может, я позвоню Лайму?

– Нет-нет, не надо, – сказала девушка, выдавив из себя улыбку. – Я злюсь на себя за это опоздание.

– Ничего страшного. Правда, сегодня пятница, и мы с женой собирались вечером за город.

– Мы можем пораньше закончить. А мы с Лаймом завтра поедем в Нью-Йорк.

– В Нью-Йорк? Надо же. Тебе не надоел Бостон за всю неделю?

– Отдыхать можно по-разному. Знаешь, меня не прельщает хождение с рюкзаком по лесу. Я городской житель. Ното urbanus. Тьфу, никогда хорошо не знала латыни.

Они рассмеялись и приступили к работе.

Дейзи удалось сосредоточиться, и запись пошла быстро. В перерыве девушка решила поговорить насчет клипа.

– Питер, ты помнишь, мы обсуждали с тобой «Песню тебе»?

– Ты имеешь в виду клип?

– Да.

– Помню.

– И что?

– Не знаю, кто бы взялся его снимать.

– Мистер Браун берется.

– Мистер Браун?

– Он сын миссис Браун, благодетельницы Лайма. Она профессор в Колумбийском.

– Пожилая дама в очках?

– Вроде того.

– Браун, Браун, Браун... Кажется, что-то припоминаю. И сколько он берет?

– Ты знаешь, практически даром. Я иногда думаю, что Лайм просто волшебник.

– Да, Лайм действительно волшебник, – отозвался Питер, и Дейзи на мгновение показала, что он знает, почему Лайм волшебник.

– Слушай, Питер, ты бы взялся сделать запись звука здесь, на студии?

– Для клипа?

– Да.

– Почему бы нет? Правда, Браун, он часом, не из Нью-Йорка?

– Очень возможно.

– Здесь может быть проблема. Студии в разных городах.

– Но ведь не так уж далеко. Опять же, по сети можно передать все что угодно, даже видео.

– Ладно, согласен, но в таком случае тебе нужно меня с ним связать.

– Я это сделаю. Кстати, я уже придумала сценарий и даже баловалась на компьютере костюмами и декорациями. Сюжет, разумеется, сказочный: прекрасная принцесса в неприступном замке поет песню о любви к рыцарю, который странствует в дальних краях. В конце они должны встретиться. Мне сейчас пришла в голову идея насчет замка – он заколдован... Что ты по этому поводу думаешь?

– Сюжет несложный, романтический, из тебя выйдет замечательная принцесса, если будут хорошие костюмы и эффектный замок, то вместе с твоей великолепной музыкой все будет отлично. Единственное, что меня беспокоит – это твое стремление все делать самой. Ведь у тебя будет и режиссер, и костюмеры.

– Но ведь это моя песня, и я чувствую ее лучше кого угодно другого.

– А мистер Браун согласен на твои условия?

– Лайм сказал, что согласен.

– Тебе везет. Ты не пробовала подвигнуть Лайма на съемки в клипе?

- Пробовала, но он отказался. Сказал, что подберет хороших актеров.
- Тогда договорились – ты сведешь меня с Брауном, и мы будем работать вместе. Но сначала нам нужно записать «Песню тебе». По-моему, мы этого еще не сделали.
- Ты говорил, там хорошая аранжировка.
- Верно.
- Ладно, пойдем работать, мы же собирались пораньше закончить.
- Пойдем.

Дейзи и Лайм вернулись домой практически одновременно. Лайм был в приподнятом настроении, предвкушая завтрашнюю поездку. Дейзи старалась выглядеть веселой, хотя эггнистский купол не выходил у нее из головы, и она горела желанием спросить мужа об обнаруженной ею утром записке, но не решалась. Спать они оба легли довольно рано, сразу после просмотра новостей. Дейзи в этот вечер даже не подошла к компьютеру, чтобы узнать о сетевых новинках. На сердце у нее было тревожно, и она долго не могла заснуть.

Глава 3

Следующий день выдался солнечным. Лайм встал, как всегда, раньше Дейзи и делал упражнения на свежем воздухе. Девушка поднялась с постели, подошла к окну и увидела мужа в спортивном костюме. «Надо сделать зарядку», – подумала она, и вдруг ее как током ударило. Эггнистская записка! Дейзи совсем забыла про нее за ночь. Нужно спросить Лайма.

Она натянула спортивные штаны и куртку и вышла на улицу.

– С добрым утром, Лайм!

– С добрым утром, любимая.

Он был без шапки, утреннее солнце играло в его черных волнистых волосах.

– Удивительно, я никак не могу приучить тебя к йоге, – заметил Лайм.

– Ты же знаешь, что я занимаюсь каратэ, – ответила Дейзи. Она действительно каждый день вместо обычной утренней зарядки выполняла разминку для каратэ. Сами курсы девушка закончила еще года два назад, но старалась поддерживать форму.

Они завтракали на кухне. Дейзи старалась сидеть прямо, как учил ее муж. Он всегда повторял, что ни одна стоящая мысль не придет в голову, если сидеть скрючившись. У самого Лайма была великолепная, поистине царственная осанка. Дейзи старалась ему подражать, и ей это в основном удавалось. Она наблюдала за мужем, который будто бы и не замечал ее настояренности. Впереди был чудесный день, Лайм повторил это раз пять. Девушка не возражала и молча улыбалась. Вопрос о записке вертелся у нее на языке, но она все еще его не задала. Он застревал где-то в горле, и тогда дежурная улыбка сходила с ее губ. Она почувствовала некоторое облегчение, когда они наконец-то сели в машину.

Они ехали на большой скорости, километров двести. За рулем был Лайм. Дейзи сидела на переднем сидении, пристегнув ремень. Она была в толстом сером свитере, расшитом красными цветочками, и черной длинной юбке. Ее красное зимнее полупальто лежало на заднем сидении. Она нетерпеливо постукивала правой ногой. Вопрос, который она собиралась задать Лайму, уже не раз звучал у нее в голове. Наконец Дейзи решилась и, повернувшись лицом к мужу, выпалила, как ей показалось, не своим голосом:

– Лайм, что у тебя общего с эггнистами? Дело в том, что, пока я вчера искала телефон Питера, я наткнулась на старую бумажку. На ней было написано, сейчас скажу, «эггнистский купол номер четыре». Что это значит, Лайм?

Он не остановился, нет, только, может быть, чуть-чуть притормозил.

Ответ был простым:

– Я был эггнистом.

– Как? – вырвалось у Дейзи. – Почему я об этом ничего не знаю?

– Это было давно, задолго до нашего знакомства, лет пятнадцать назад. Мы были бедны. Мой отец умер, мама не работала, очень болела. Я был бедным студентом.

Он говорил медленно и внятно.

– Купол «Мировое яйцо»...

– Тот самый?

– Тот самый, это была благотворительная организация, она оказывала помощь своим членам. А мы нуждались в помощи. Ты знаешь, мы привыкли жить красиво, а после смерти отец оставил огромные долги. Бедность – это ужасно, Дейзи.

– Я знаю. Почему ты раньше мне не сказал?

– Как-то не пришлось к слову. Я не особенно вдавался в эггностские ритуалы и философию. Я давно не имею с ними никаких дел. Эта бумажка, должно быть, очень старая.

Дейзи кивнула. Лайм говорил, не смотря на нее, крепко вцепившись в руль. Девушка накрыла его руку своей и сказала мягко:

– Прости, если я причинила тебе боль.

Лайм обернулся и взглянул на нее с несколько грустной улыбкой.

– Ничего страшного. Я сам должен был тебе рассказать. Я заметил, что ты чем-то обеспокоена, но не решался спросить, в чем дело.

Он говорил вроде бы искренне, но Дейзи поймала себя на том, что впервые усомнилась в его словах. Однако она не могла полностью сомневаться в его правдивости. Дейзи знала, что его отец умер, когда ему было года двадцать два. Мать Лайма никогда не работала, он был единственным ребенком в семье, и ему трудно пришлось, когда он остался единственным кормильцем. История, которую рассказал Лайм, была вполне правдоподобной, но что-то продолжало мучить Дейзи, какая-то неудовлетворенность. Телефон, почему он показался ей знакомым?

Некоторое время они ехали молча. Дейзи сидела, как будто съездившись, засунув руки в широкие рукава теплого свитера. Она подумала о том, что уже несколько дней не звонила матери. Мать Дейзи жила далеко, в Европе. Забавно, что Европа все еще была «далеко», несмотря на прекрасную связь. В Америке ее мать была довольно давно, зять ей понравился, и она более или менее успокоилась. У них с Дейзи были сложные отношения, хотя они и были как подруги. Мать девушки всегда мечтала видеть дочь на сцене и была счастлива, что карьера Дейзи развивается довольно быстро под чутким руководством Лайма. У каждой из них была своя жизнь, хотя они и переписывались по электронной почте почти каждый день и всегда были рады поговорить друг с другом по телефону.

На подъезде к Нью-Йорку Лайм прервал затянувшееся молчание.

– Я могу позвонить миссис Браун, и, если она пригласит нас на ужин, мы можем сходить к ней. Ты могла бы поговорить с ее сыном насчет клипа.

– Согласна, – отозвалась Дейзи и улыбнулась, кажется, впервые за всю поездку. – Я бы только не хотела, чтобы он что-нибудь менял в моем сценарии.

– Знаю, – сказал Лайм. – Я говорил Брауну, что ты все привыкла делать сама.

– И как он к этому отнесся?

– Ему же лучше – меньше делать надо! А если серьезно, Браун посмотрит сценарий с точки зрения зрителей. Если все подойдет, он ничего менять не будет.

– Ладно, пока что я хочу в магазин. Кстати, кто из нас будет платить за всю ту белиберду, которую я куплю?

– Моя машина, – сказал Лайм с улыбкой, – и моя кредитная карточка.

Они направились в новый огромный торговый центр, внешне напоминавший небоскребы-близнецы Центра Международной торговли на Манхэттене. Дейзи никогда не смогла бы объяснить, почему ей нравилось ходить по магазинам. Это увлечение не принимало у нее форму болезни, как у других. Девушка вполне могла обойтись без «шопинга». Она не расстраивалась, когда не могла позволить себе купить слишком дорогое платье. Но разгля-

дывать и мерить одежду Дейзи любила. С другой стороны, она обожала всякие безделушки: заколки, ленточки, разную бижутерию. То, что девушка все это покупала, не означало, что она это носила, ведь одевалась она обычно весьма скромно. Серег Дейзи для себя не признавала, еще в юности отказавшись прокалывать уши, но иногда надевала клипсы. Кроме одежды и бижутерии было еще два отдела, к которым она питала особое пристрастие. Во-первых, это были товары для дома. Правда, сейчас девушка их редко покупала. Но зато, когда они с Лаймом въехали в новое жилище, каким удовольствием было для Дейзи выбирать по своему вкусу шторы и занавеси, обои и ковровые покрытия! Девушка всегда мечтала, чтобы по всему дому можно было ходить босиком, и добилась этого, хотя сама так и не смогла полностью отказаться от тапок. Другим ее увлечением были книги, особенно, альбомы по искусству. Еще задолго до брака Дейзи хотела собрать коллекцию альбомов с хорошими репродукциями картин любимых художников: Энгра, Гейнсборо, Карла Брюллова, русских передвижников, Рафаэля, Тициана, Леонардо да Винчи, Веласкеса. Ей также нравились работы Боттичелли своим удивительным внутренним светом. К импрессионистам девушка относилась спокойно, как и к прерафаэлитам, хотя и любила отдельные их картины. Дали она ценила как великого мастера, имела дома хороший альбом «Мир сюрреализма», но он не был в числе ее любимых художников. Среди более редких вещей в ее коллекции присутствовали «Английский портрет XVII века» и «Английские и французские художницы XVII—XVIII веков». В своих художественных пристрастиях Дейзи была консерватором. Современное искусство она переносила с трудом. Раньше, в детстве девушка питала страсть к старинным вещам – от книг до экипажей, но со временем несколько охладела к антиквариату и ограничилась покупкой мебели под старину для своего дома.

Припарковав машину на подземной стоянке, Лайм отдал Дейзи свою кредитную карточку и отправился дожидаться ее в кафе, которое находилось двумя этажами выше отдела женской одежды. Девушка предложила мужу пойти вместе с ней, но он отказался, сказав, что обязательно посмотрит все ее покупки в отделе. В отделе Дейзи интересовали, прежде всего, платья, юбки и блузки, несмотря на то, что обычно она носила брюки. На сей раз, она присмотрела себе пару деловых костюмов, шикарную выходную блузку с длинными манжетами и юбку в стиле кантри. Продавщицы не переставали восхищаться ее отличной фигурой. Дейзи шла по галерее в своей длинной юбке, толстом сером свитере и белых полуботинках, неся пакеты с покупками в обеих руках. Ей нравился этот огромный универмаг с его бесконечными этажами, эскалаторами, обилием иллюминации, правда, не раздражающей, фонтанами в центре зала почти на каждом этаже. Она проходила мимо страшно дорогих автомобилей, которые она и за обычную цену никогда бы не купила. Дейзи зашла в стеклянный лифт вместе с какой-то пожилой женщиной. Она обожала такие лифты. Ее соседка внимательно посмотрела на нее и вдруг воскликнула:

– Дейзи Миллан! Вы ведь Дейзи Миллан!

– Да, – с улыбкой ответила девушка.

– Ну надо же! Вы знаете, я была на Вашем концерте в Колумбийском университете. Мой внук там учится и взял меня с собой.

– Я очень рада.

– Как же Вы, такая звезда, ходите по магазинам одна, без охраны?

– Я пока не такая уж и звезда, а, что касается охраны, то у меня есть муж.

С этими словами Дейзи, кивнув даме на прощание, вышла из лифта и направилась в кафе. Лайм сидел один за столиком и пил апельсиновый сок. Девушка опустилась на стул рядом с ним и поставила пакеты.

– Ну вот, меня уже начали узнавать в лицо, – сказала она весело.

– Правда? Это забавно. Хочешь соку?

– Да, мультивитаминный, пожалуйста.

Лайм сходил к стойке и принес ей стакан.

– Спасибо, дорогой.

Дейзи тянула сок и болтала с мужем об универмаге, о даме в лифте и о других мелочах. Она уже чувствовала, что отдохнула.

На ужин к миссис Браун Лайм и Дейзи явились около семи вечера. Лайм был в элегантном черном костюме, белой рубашке и галстук. Дейзи надела розовое платье из дорогого ситца в фольклорном стиле с юбкой-солнцем и рукавами-колокольчиками. Ее шикарные золотые волосы были распущены, она улыбалась вежливо и несколько отстраненно. Это был прекрасный старый дом в центре Нью-Йорка с великолепной обстановкой: антикварной мебелью, старинными картинами и серебром на столе. Дейзи могла бы кусать локти от зависти, глядя на эту красоту, не будь она начисто лишена этого постыдного чувства. Миссис Браун была интеллигентной женщиной небольшого роста, с ослепительной улыбкой и внимательным, ястребиным взглядом маленьких голубых глаз. Ее сын, молодой человек лет тридцати, тоже был интеллигентным, несмотря на свою профессию. Они вместе сели за стол. Дейзи держалась свободно и с достоинством, она была образцом вежливости и соблюдения приличий. Лайм ею гордился. В доме Браунов ценили французскую кухню, поэтому на стол подали жареных лягушек, улиток, луковый суп и яичный десерт. Дейзи очень любила все эти блюда, как и Лайм.

Ее нельзя было назвать «душой компании». Она вела себя скромно и за столом больше молчала. Но если Дейзи начинала говорить, то слушать ее было одно удовольствие. Обычно она быстро приспосабливалась к манере собеседника. Так и на этот раз, в сверхинтеллигентном доме Дейзи говорила негромко, не спеша, умеренно жестикулируя.

После обеда девушка отправилась смотреть другие комнаты, а миссис Браун сказала Лайму:

– Ваша жена прелестна, но так удивительно несовременна. С нее могли бы писать картины художники прошлых веков. Вы были в Эрмитаже, Лайм? Там есть портрет датчанина Енсена «Дама в голубом». Ваша жена на нее похожа.

– Может быть. Я был в Эрмитаже несколько лет назад, но этого портрета не помню.

– Я бы Вам показала, но не помню, где лежит альбом.

– Не надо, не утруждайте себя, миссис Браун. Я посмотрю в сети.

Дейзи тем временем подошла к молодому хозяину дома.

– Мистер Браун, я бы хотела поговорить с Вами насчет своего клипа.

– Я к Вашим услугам, миссис Миллан.

– Зовите меня Дейзи.

– Хорошо, Дейзи. Лайм мне что-то рассказывал о Вашем сценарии. Если Вам не трудно, напомните мне его, пожалуйста.

– Ладно, только кратко. Она – прекрасная принцесса, которая живет в заколдованном замке. Он – доблестный рыцарь, скитающийся вдали от нее. Она не может выйти из своего замка.

– Почему?

– Потому что он заколдован. И она поет эту песню, поет ее своему рыцарю. В конце они встречаются.

– В каком жанре Вы все это видите – сказки, готического романа или фильма ужасов?

– Точно не фильма ужасов. Готический роман – очень возможно, но и рыцарский роман, и сказка. Кстати, я уже делала кое-какие эскизы на компьютере.

– Правда? Было бы интересно взглянуть.

– Я не помню, оставила ли я их в сети.

– Давайте посмотрим. Пойдемте к компьютеру.

Они вместе подошли к машине, и Дейзи села за стол.

– Вы помните адрес? – спросил ее Браун.

– Да, конечно.

Она сходу набрала его.

– Занимаетесь компьютерным дизайном?

– Балуясь. Попалась под руку неплохая программа. Там должны быть интерьеры замка, замок снаружи и платье принцессы. На костюм рыцаря у меня фантазии не хватило. Здание, конечно, получилось не совсем таким, как я хотела, – возможностей программы не хватило. А я не программист, я только пользователь, и модернизировать программы я не умею.

– Нет-нет, весьма любопытно, особенно костюм принцессы.

– Я старалась. Мистер Браун, я знаю, что все это может показаться малооригинальным, меня всегда обвиняли в штампах. Но у меня традиционное мышление, мистер Браун, и я весьма консервативный человек.

– Вы очень необычная, Дейзи, – медленно произнес Браун, выразительно взглянув на нее. – Вы как будто с другой планеты. Не подумайте ничего дурного, Дейзи. Вы самая привлекательная девушка, которую я видел в последнее время.

– Вы делаете мне комплимент в присутствии моего мужа, – с улыбкой заметила Дейзи.

– Я сказал только то, что сам вижу. Искать у Вас штампы – это просто глупо. Я сохраню Ваши наброски у себя на компьютере, с Вашего позволения.

– Да, пожалуйста. Совсем забыла Вас спросить – как Вы отнесетесь к тому, чтобы звук записывался у Питера Сандерса? Я готовлю свой первый альбом на его студии. Он мой звуко-режиссер.

– Я слышал о нем, у него хорошая студия. Почему бы и нет? Он-то согласен?

– Разумеется.

– Тогда я тоже согласен.

– Отлично.

– Надеюсь, мы с ним сработаемся. Как мне с ним связаться?

– Я дам Вам его телефон.

Дейзи подошла к своей сумочке, порылась в ней и, наконец, нашла координаты Питера.

– Вот, пожалуйста.

– Спасибо, Дейзи. Вы не очень торопитесь с клипом?

– Нет, не очень.

– Боюсь, мы сможем начать снимать месяца через полтора. Мне нужно заняться компьютерной подготовкой клипа.

– Замечательно. Я думаю, мы с Вами поладим, мистер Браун.

Дейзи кивнула в знак прощанья, вежливо, старомодно, ее собеседник ответил ей тем же.

Не успела девушка расстаться с мистером Брауном, как к ней подошла его мать. Она взяла Дейзи под руку и произнесла елейным тоном:

– Дитя мое, Вы так много работаете. Не пора ли подумать о ребенке?

Этот вопрос, эта манера напомнили девушке заискивающие голоса из ее доамериканской жизни. «Дейзи, тебе уже почти двадцать, как у тебя с мальчиками? Собираешься ли ты замуж? Ты же знаешь, время идет, надо обязательно иметь кого-то на примете». Немолодые женщины, старающиеся найти у нее какой-нибудь изъян, задающиеся вопросом, почему у нее нет жениха... Дейзи ненавидела эти сцены, эти лица, свои отговорки. И сейчас это прошлое всплыло наружу в образе любезной, но несколько неприятной миссис Браун. Именно в этот момент девушка поняла, что эта интеллигентная дама ей не нравится.

– Я хочу, чтобы мои дети гордились мною, – ответила Дейзи с достоинством.

– Вы все-таки хотите иметь ребенка?

– Да, двоих – мальчика и девочку.

– Это очень мило с Вашей стороны. Я надеюсь, Вы скоро всех нас очастливите.

Миссис Браун отпустила ее, продолжая улыбаться. Дейзи тоже выдавила из себя улыбку. Она терпеть не могла подобных разговоров. Доколе люди будут выискивать, что с ней не так? Сначала камнем преткновения были мальчишки, теперь, когда она замужем, – дети. Да, она хотела иметь детей, она не мыслила себе брак без детей. Но она должна была стать той, кем решила, – певицей с мировым именем. Дейзи знала, что она не бесплодна, и Лайм тоже. У них все в порядке. Когда супруги только начали жить вместе, они ходили на консультации к врачам, причем Лайм сопровождал жену к гинекологу, а Дейзи мужа – к урологу. Оказалось, что они совершенно здоровы. То, что у них не было детей, был ее выбор.

Дейзи сидела на диване в своем розовом платье. Она была очаровательна, но ее нельзя было назвать «куколкой». Девушка думала о том, что миссис Браун и прочие их знакомые, вероятно, весьма удивились бы, если бы знали, что в интимном плане у них с Лаймом всегда все было хорошо. Он никогда не рассказывал Дейзи, с какими женщинами у него была связь до нее, а она не спрашивала. Она знала, что не была его первой партнершей. Лайм говорил, что долгое время у него был страх перед близостью, весьма странный, как казалось Дейзи, для человека, чья мать принадлежала к народу, создавшему Камасутру. Возможно, у него и были раньше проблемы по этой части, но не с ней. Внешне Лайм казался строгим, но Дейзи знала, что он из тех, кто «всегда готов». Эта мысль ее рассмешила, и она прыснула.

– Что случилось? – спросил Лайм. Он стоял у окна и смотрел какую-то книгу.

– Ничего. Просто вспомнила смешную историю.

– Какую?

В этом сверхинтеллигентном доме Дейзи не могла сказать правду.

– Притчу о змее и брамине.

– Но это же печальная история, – заметил Лайм с улыбкой. – Мальчишки ведь избили змею до полусмерти после того, как она стала доброй.

– Да, это так, но конец бесподобен. Как там сказал брамин: «Я не разрешил тебе кусаться, но шипеть-то я тебе не запрещал!»

Лайм рассмеялся. Похоже, ее маленькая ложь удалась.

Они ехали на машине по ночному Нью-Йорку. Лайм сидел за рулем, а Дейзи, как всегда, рядом с ним.

– Скажи, мистер Браун женат?

– Нет. Сейчас это не так просто. Ты же знаешь, мода на матерей-одиночек все еще не прошла.

– Это не мода, Лайм. Я видела много женщин, которых мужья били, всячески издевались над ними и просто были их недостойны.

– Ты знаешь мое мнение по этому вопросу, – произнес Лайм. – Нет такого скота, которого не могла бы перевоспитать добрая и чистая женщина.

– А почему она должна этим заниматься? И кто сказал, что у нее получится? Всю жизнь тянуть на себе пьяницу или наркомана – это ужасно. У тебя какие-то идеальные представления, Лайм. В жизни все совсем не так.

– Ты не первая, кто так считает. Когда-то мне сказали, что я говорю вещи, которым уже пять тысяч лет. И, вероятно, были правы. Наверное, я старомоден. Я вырос в счастливой семье. Мой отец относился к маме с удивительной нежностью. Она не заканчивала университетов, но в ней жил дух Индии. Мама была очень красивой и всегда вела себя с достоинством. Они с отцом были совсем разные, но я не помню ни одной их ссоры. Вот в такой семье я вырос. Я не знал, что бывает по-другому.

– Моя семья тоже была счастливой. Правда, мы никогда не жили с отцом. Поверишь ли ты, что я до самой его смерти называла его по имени! Я никогда не звала его «папой». Когда он умер, я ничего не почувствовала. Он был историком. Наверное, как ученый он мог добиться большего. Он был странным человеком. Может, именно от него я унаследовала ту «нездеш-

ность», о которой не далее как сегодня говорил мистер Браун. Я действительно иногда чувствую себя чужой в этом мире.

– Не говори так, – оборвал ее Лайм. – Со мной ты не должна этого чувствовать. Ты здесь.

– Да, с тобой я здесь, – согласилась Дейзи. – Выходит, удивительно, что мы вообще нашли друг друга, – добавила она задумчиво.

– Выходит, что так.

Лайм положил руку ей на колено. Дейзи инстинктивно отодвинулась и произнесла с некоторым усилием:

– Не сейчас. В отеле.

Она подумала о том, что они никогда не занимались любовью в машине. Они вообще занимались любовью только на кровати, дома или в гостинице. Дейзи не любила спонтанности. Ей нужна была прелюдия. Ей нравилась изысканная обстановка, свечи, создающие романтическое настроение. Лайм знал об этом. Он был с ней очень чутким. Дейзи с нежностью вспоминала их первую близость: свой легкий страх, его сильную руку, обнявшую ее, его слова: «Не бойся, все будет хорошо». И все действительно было хорошо, лучше, чем то, как пишут в романах или показывают в фильмах. С тех пор она многому научилась: научилась начинать первой (хотя инициатива всегда принадлежала Лайму), быть более раскованной. Дейзи оказалась очень чувственной женщиной – она могла возбуждаться не только от прикосновения, но и от звука голоса, необычно произнесенного слова. Она никому не рассказывала о своей первой брачной ночи, кроме матери. Дейзи вообще была скрытной, да и подруг у нее практически не было. Но у нее был Лайм, и она была с ним счастлива.

На следующий день они встали довольно поздно, позавтракали в ресторане отеля и отправились гулять. За ночь выпал снег, но сейчас опять светило солнце. Настроение людей было праздничным. В Центральном парке дети и взрослые лепили снеговиков. Некоторые подростки катались на коньках, а другие просто сидели на спинках скамеек, обсуждая свои проблемы. Курил мало кто, а с наркоманией ближе к середине века и вовсе удалось справиться на национальном уровне. Дейзи думала об этом, глядя на ребят, которые были всего на три-четыре года младше нее. Она никогда не держала во рту сигареты, не пила даже по праздникам крепких напитков, кроме сухого вина, в общем, вела здоровый образ жизни. Лайму тоже нужно отдать должное – он не употреблял спиртного и не курил со времени женитьбы на Дейзи. Они казались необычной парой среди других – маленькая белокожая Дейзи и ее высокий смуглый муж. Именно это бросалось в глаза, а не их разница в возрасте.

Дейзи и Лайм играли в снежки, веселясь, как дети. Девушка в своем красном полупальто, синих теплых штанах и забавной белой шапочке выглядела очень молодо и, как всегда, несколько старомодно. Правда, когда она носилась по парку и валялась в снегу, она не казалась такой «нездешней», как в другое время. Они оба порезвились на славу и вернулись домой, отменно отдохнувшие, уже поздно вечером.

Глава 4

В понедельник после работы на студии Дейзи отправилась в городскую библиотеку. Одетая она была скромно и старалась не привлекать к себе внимания. Девушка разделась в гардеробе и подошла к отделу информации.

– Вы не подскажете, у вас есть альбом, который называется не то «Эггнисты», не то «Эггнизм»? – спросила Дейзи невинным тоном.

Библиограф с минуту колдовала над компьютером и ответила любезно, но вполне равнодушно:

– Да, есть двухтомник «Эггнизм». Сектор 15 А.

– Спасибо.

Дейзи была не единственной, кто интересовался эггнистами. Пока она искала шкаф с пометкой «15 А», она заметила девушку студенческого вида, перед которой лежали три книги по эггнизму, и пожилого мужчину, вероятно, преподавателя колледжа, тоже с книгой такого рода. Дейзи взяла два тома «Эггнизма» и заняла свободное место.

Книга была красивая, добротная, богато иллюстрированная. Дейзи перелистывала страницы, рассматривала картинки. Перед ее глазами чередой проходили знакомые и незнакомые имена. К сожалению, повествование обрывалось на начале двадцатого века, о более поздних временах не говорилось ничего. Дейзи прочитала вступительные главы, нейтральные по своему содержанию, взглянула на часы, встала, поставила двухтомник на место и поехала домой.

Посещать библиотеку часто Дейзи не удавалось, только раза три в неделю. Брать книги на дом девушка не хотела. Удивительно, что она не стала искать информацию в сети, а обратилась к книгам. Она сама с трудом понимала свой странный выбор. С одной стороны, Дейзи уже когда-то видела двухтомник «Эггнизм» и поэтому решила, прежде всего, ознакомиться с ним. С другой стороны, и это было важнее, девушка не желала, чтобы Лайм заметил, что она обращалась к эггнистским сайтам, ведь у них был один компьютер на двоих. По той же причине, то есть, во избежание подозрений мужа, Дейзи не принесла домой книги по эггнизму. О ее визитах в библиотеку не знал никто, ни Питер, ни тем более Лайм.

В следующие выходные они отправились на машине Дейзи в Род-Айленд. Девушка старалась казаться счастливой, хотя поездка не была такой яркой, как предыдущая в Нью-Йорк. Род-Айленд выбрал Лайм, знакомых у них там не было, так что они прогулялись днем по Провиденсу, поужинали в маленьком ресторанчике, а вечер провели в мотеле на окраине города. Дейзи и Лайм, как всегда, посмотрели новости, а затем принялись обсуждать будущий клип на «Песню тебе». Девушка выглядела веселой, и, на сей раз, Лайму и в голову не пришло, что ее что-то тревожит.

По прошествии трех недель посещения библиотеки Дейзи уже неплохо разбиралась в эггнистских ритуалах, знала, что Марсилио Фичино питался одними только яйцами, а епископ Бернет считал, что Вселенная первоначально представляла собой гигантское яйцо. Надо отдать должное девушке – если о Бернете она что-то слышала, то о Фичино – вообще ничего. Но эти знания не слишком прояснили для нее суть эггнизма. Книга намекала на могущество эггнистов в политике и искусстве, но конкретных примеров не давала. Дейзи вернула двухтомник на место и стала изучать содержимое полки. Она нашла откровенно антиэггнистскую книгу где-то двадцатилетней давности, в которой описывались события и начала века в том числе. Если верить словам автора, а у Дейзи не было причин в них сомневаться, эггнисты были причастны к экономическому кризису нулевых и к Балканским войнам рубежа веков. Высшие чины ЕС и ООН состояли в этой организации.

Дейзи было неприятно, она была подавлена и растеряна. К эггнистским куполам издавна принадлежали лучшие люди – писатели, философы, музыканты – и вместе с ними – политики с дурной славой, дельцы, которых сопровождала цепь кровавых преступлений. Лайм тоже был эггнистом и, разумеется, имел с ними дело. А что, если он и до сих пор с ними связан? Эта мысль, несмотря на все усилия Дейзи, пробивала себе дорогу в ее мозгу. Она гнала эту идею как преждевременную. Девушка решила сначала узнать как можно больше об эггнизме, а потом уже делать выводы.

Следующей книгой, которая попала Дейзи, была история Балканских войн последнего десятилетия двадцатого – первых лет двадцать первого века. Это была череда псевдоборьбы за псевдонезависимость, вложений огромных денег, разделов сфер влияния и, конечно, грандиозных преступлений: торговля наркотиками, оружием, человеческими органами, подготовка террористов и т. п. Дейзи встречала многие имена из этой книги и раньше, только не знала, что большинство их владельцев было эггнистами. В своих воспоминаниях, в своих рассказах о том времени эти люди старались оправдаться с помощью якобы высоких целей эггнизма, заботы

о благе человечества и прочих красивых слов. Сколько жертв было в тех войнах – вряд ли кто-то считал. Главные действующие лица книги старались показать себя миротворцами, а эггнизм – панацеей от мирового зла. Представители купола, специально созданного для работы на Балканах, говорили о себе как о людях честных, хоть и прагматичных. Дейзи им не верила, и авторам исследования, которые рассматривали эггнизм как одну из сил, участвовавших в тех событиях, тоже. Правда, на ее взгляд, не лежала на поверхности. Дейзи должна была ее найти. Фамилий знакомых Лайма в этой книге она не встретила, да и не могла встретить. Но зато она уверилась в могуществе эггнизма. Вместе с тем, эта книга не произвела на девушку столь гнетущего впечатления, как предыдущая, антиэггнистская.

Затем в поле зрения Дейзи попала работа, посвященная кризису нулевых. Она уже когда-то слышала о тех событиях: загадочные убийства, странные совпадения, связи, подобные паутине. Среди главных героев той истории были крупные банкиры, нефтебароны и, конечно, владельцы информационных сетевых империй. Спустя несколько лет случился первый серьезный кризис виртуальных предприятий, которые вели торговлю в сети. Но за фасадом закономерного падения сверхприбыльных компаний стояла борьба интересов, которую вели не на жизнь, а на смерть. А смертей было много. Большая часть фактов, относящихся к событиям нулевых и 10-х годов, не стала для Дейзи открытием, кроме одного – важнейшие участники той истории, те, кто вышли сухими из воды, были эггнистами. Прямых доказательств их причастности к убийствам и прочим преступлениям найдено не было, но косвенных – сколько угодно.

Дейзи стало по-настоящему страшно. Она решила сделать перерыв, чтобы переварить информацию. Тем более, что уже наступил март и пару раз звонил мистер Браун насчет начала съемок клипа. Они договорились встретиться в середине месяца. Пятнадцатого числа Дейзи приехала в Нью-Йорк на студию Брауна. Там собрались практически все участники будущих съемок, включая оператора, костюмершу, осветителей и других. Из партнеров Дейзи выделялся Роберт, или попросту Боб, этакий современный «красавчик» с присущей такому типу парней печатью разврата на лице – исполнитель роли рыцаря, и Кейт – хорошенькая актриса с Бродвея, которой предстояло играть служанку принцессы. Оба были одеты невесть во что. Кейт сидела на полу, Боб – на каком-то немислимом столе. Вся компания с интересом разглядывала Дейзи, которая в своих клетчатых штанах и белоснежной кружевной блузке стояла рядом с Брауном. Они с любопытством смотрели на ее дивные золотые волосы и красивое, хоть и не совсем правильное лицо. Браун представил ее как известную певицу и жену доктора Миллана.

– Насколько мне известно, Дейзи впервые будет работать с камерой, – сказал он.

Девушка кивнула.

– Так что помогите ей.

Дейзи не любила такие фразы. В них было что-то снисходительное. Однако Кейт со свойственной ей простотой ответила:

– Поможем. Иди сюда, Дейзи, – добавила она. – Кажется, мистер Браун собирается читать сценарий.

– Верно, Кейт.

В целом, сценарий был близок к замыслу Дейзи. Но, услышав о сцене бала, на котором знакомятся принцесса и рыцарь, девушка попыталась возразить:

– У меня этого не было.

– Но подумай сама, Дейзи, – ответил Браун, – где еще они могли встретиться?

Девушка вздохнула. Похоже, он был прав. В остальном сценарий ей понравился.

Так как все участники были очень заняты, договорились снимать три раза в неделю – в понедельник, среду и пятницу – часа по два-три. После этого Браун предложил посмотреть костюмы и поработать над первой сценой.

Платье принцессы было двойным, в стиле Раннего Возрождения: нижнее платье из белого шелка или похожего фантастического материала с длинными широкими от локтя рукавами и верхнее парчовое, тоже белое, без рукавов, с небольшой отделкой. Для рыцаря приготовили внушительные доспехи и костюм для бала, в котором перемешали самые различные стили средневековой мужской одежды.

Дейзи сразу облачили в платье принцессы, сделали легкий макияж, красиво причесали и положили на голову белый венок. Под специальным освещением ее распущенные волосы сверкали как чистое золото.

– Сначала потренируемся, – сказал Браун. – Дейзи, смотри в камеру и иди ко мне. Теперь повернись. Продолжай двигаться. Остановись. Сделай реверанс. Улыбнись. Покажи, что ты обращаешься к служанке. Теперь покажи, что ты встретила возлюбленного. Бросайся ему навстречу. Жди его. Ну все, молодец.

– Все по местам! – скомандовал он. – Сцена первая. Принцесса идет по коридору, поворачивается налево, зовет служанку, служанка подходит к ней, они проходят вместе несколько шагов, затем входят в комнату принцессы. Все понятно?

– Да.

– Тогда начали. Дубль первый. Мотор.

Декорации были очень красивыми, хотя их не всегда было видно, так как в основном действие должно было происходить ночью. Дейзи двигалась медленно, чуть опустив глаза.

– Слушай музыку. Я специально включил запись, чтобы тебе было проще, – раздался голос Брауна. Это был проигрыш к неокончательному варианту «Песни тебе», который Дейзи отправила ему еще в конце января.

– Теперь Кейт. Дейзи, поворачивайся и зови ее. Так, хорошо. Кейт, подходи к принцессе. Не делай лишних движений, это не американская сказка. Реверанс госпоже. О господи, это что, реверанс? Ты бы ей еще рукой помахала! Ладно, иди рядом с ней, опустив глаза. Входи в комнату, кланяйся принцессе. Дейзи, входи тоже. Снято.

Дейзи выдохнула и чуть было не дотронулась до лба рукой. Дама-визажист подошла к ней и поправила ее макияж.

– Сколько дублей мы будем делать? – спросила Кейт.

– Не больше пяти.

– Ну и ну. И вообще, мы что, снимаем исторический фильм? Что за придирки к реверансам?

– Кейт, я же давал тебе слушать песню Дейзи, – ответил Браун. – Разве в этом клипе уместны твои развязные манеры?

– У меня не развязные манеры, – возразила Кейт. – Я профессиональная актриса.

– Я это знаю, но здесь ты будешь слушаться меня, – твердо сказал Браун. – Давайте еще раз. Да, кстати, Боб, ты можешь идти.

– Я подожду. Я хочу переговорить насчет съемок тех сцен, где присутствует один рыцарь.

– Хорошо.

После пятого дубля Дейзи чувствовала себя вымотанной. Она сидела на стуле, тяжело дыша и обмахиваясь копией сценария. Кейт стояла неподалеку и причесывала короткие черные волосы. Когда мистер Браун проходил мимо, она спросила его:

– Я что-то не поняла, принцесса не может выйти из замка, а ее служанка?

– Может, конечно. Она отправляет письма рыцарю.

– Понятно. Ну ладно, я побежала. Всем пока. Дейзи, это было классно.

Девушка отдышалась, выпила воды и тоже стала собираться.

– Ты очень красивая, – сказал ей Боб на выходе. – Настоящая принцесса. Я и не знал, что такие еще бывают.

– Спасибо, – ответила Дейзи и усмехнулась про себя.

С мистером Брауном они расстались очень мило.

– Ты молодец. Тебе очень подходит эта роль, – заметил он.

– Я уже говорила, что мы сработаемся.

Пока Дейзи стояла в пробке, пытаясь выбраться из города, она посмотрела сценарий. В конце принцесса выходила на крыльцо, рыцарь дотрагивался мечом до невидимой стены, которая исчезала, и принцесса бросалась к нему в объятия. Про поцелуй ничего сказано не было. Дейзи заметила про себя, что было бы отвратно целоваться с Бобом, у которого печать разврата была особенно видна около рта. Она содрогнулась и подумала о чувственных губах Лайма и об эггнистах. Тревога сжала ее сердце. Правильно, что она сделала перерыв. Дейзи слишком пропиталась антиэггнистским настроением. Нужно почитать что-нибудь проэггнистское. На следующей неделе.

В пятницу снимали наиболее простые сцены – принцесса и служанка в спальне, принцесса пишет письмо рыцарю. Было решено к Пасхе снять все, кроме моносцен принцессы. После этого уйти на каникулы, дать возможность Дейзи сделать запись «Песни тебе» на студии Питера и к лету постараться полностью закончить и выпустить в прокат клип. Идея всем понравилась, правда, Боб попробовал обратить внимание на слишком большую длительность съемок, на что Браун ответил, что, если бы они могли работать не по два часа, а дольше, закончили бы раньше. Этот клип должен стать произведением искусства, а не дешевкой, сделанной за одну ночь.

После съемок Дейзи и Кейт решили перекусить в соседнем кафе.

– Ты веришь в реинкарнацию? – спросила молодая актриса. – Мне кажется, ты жила тогда. Иначе как у тебя получается играть так естественно? По-моему, это неспроста.

– Средние века никогда не были мне близки, – заметила Дейзи с улыбкой.

– Все равно, ты как будто пришла из прошлого. Ты наверняка не смотрела ни одного авангардного спектакля, из тех, какие мы ставим в театре.

– По правде говоря, нет. Но я могу прийти.

– Приходи лучше на Шекспира. Мы его ставим вполне классически.

– Ну да, в старинных костюмах конца двадцатого века, – прыснула Дейзи.

– Ничего подобного. В костюмах елизаветинской эпохи, но с современными декорациями.

– Тогда точно приду.

– Удивительно, что Браун согласился снимать такой, как бы это выразиться, консервативный клип, – заметила Кейт. – Ни тебе эротики, ни тебе пикантных сцен. Вот, понимаю, если бы ты показала, как женщины носили тогда пояса верности.

– Тогда бы это была порнуха, – отозвалась Дейзи.

– Нет, все равно интересно. И какой у них тогда был секс.

– Секс – это еще не все.

– Секс, – мечтательно произнесла Кейт и как-то хищно облизнулась. – Я хочу попробовать виртуальный секс на новой установке. Говорят, очень классно. Ты не пробовала?

– Зачем он мне? – удивилась Дейзи. – У меня есть муж.

– А, ну да... Муж... Это сейчас такая редкость. И ты его любишь... Такого, по-моему, вообще не бывает. Все живут поодиночке, иногда занимаются сексом и очень боятся потерять свою независимость. И так с юности.

– Я выросла не в Америке, – заметила Дейзи.

– А что, там, где ты выросла, нравы такие, как в девятнадцатом веке?

– Нет, конечно, нет. Там тоже большинство не хочет выходить замуж.

– Вот видишь. А на тебя я надвиться не могу. Такая музыка, почти классическая! Текст – ни одного бранного слова! Похоже, вы с Брауном друг друга нашли. Он тоже несовременный, живет во дворце со своей мамашей-профессором.

Дейзи рассмеялась.

– У меня нет дворца, просто хороший дом. Кстати, приглашаю в гости. Лайм готовит лучше, чем в ресторане.

– Спасибо. Может, как-нибудь заеду.

Они распрощались и разошлись по своим делам.

Они не стали подругами, но работали вместе легко. Поссориться с обладательницей такого характера, как у Кейт, было практически невозможно. Она еще пар раз вспомнила про пояс верности, ратовала за включение поцелуя в конец клипа, на что Дейзи поморщилась, а мистер Браун пожал плечами и сказал «посмотрим», и на этом успокоилась. В кадре Кейт стала держать себя скромнее, и претензий к ней больше не было.

На следующей неделе Дейзи взяла в библиотеке проэгнистскую книжку, которую прочитала за два захода и от которой ей хотелось плевать. Самое страшное состояло в том, что она встретила там слова, очень похожие на те, которые когда-то произнес Лайм в одном из своих выступлений. Раньше Дейзи всегда радовалась, когда встречала в книгах упоминания о муже. Но не в такой тупой, как эта... Нужно было работать и копать дальше относительно эгнизма, сжав зубы. Нужно было улыбаться Лайму, быть милой с Брауном, любезной с Питером, как ни в чем не бывало. Дейзи считала, что все это сможет. Она старалась не думать все время об эгнистах, но однажды, направляясь на съемки в конце марта, решила составить список людей, помогавших когда-то Лайму и проверить, не являются ли они эгнистами. Она пыталась убедить себя, что таким образом узнает правду и, скорее всего, ответ будет отрицательным. Она удостоверится, что Лайм ей не лгал, и снова будет счастлива.

В тот же день мистер Браун встретил Дейзи с какой-то девушкой азиатского типа.

– Это мисс Ли, – сказал он. – Она будет учить тебя старинным танцам. Договорись с ней, когда и где вы будете встречаться.

«Жаль, что это не Вивьен Ли», – почему-то мелькнуло у Дейзи.

– Очень приятно, – сказала она вслух.

– Мне тоже, – отозвалась преподавательница.

– Мне было бы удобно заниматься тогда, когда я бываю в Нью-Йорке, то есть в понедельник, среду и пятницу, до съемок.

– Я думаю, Вам хватит пары занятий. Я слышала, Вы очень способная.

– Не спешите меня хвалить. Я занималась танцами очень давно.

Но ей действительно оказалось достаточно двух занятий. Сцена бала стала одной из самых красивых в клипе. В гриме и одежде под старину Боб выглядел очень даже прилично, и развращенность практически не проступала на его лице. Он не пытался заигрывать с Дейзи, тем более, что Браун сказал ему, что девушка занята и что доктор Миллан – не книжный червь и от него может и влететь за излишние вольности. Боб принял это к сведению.

Они работали дружно, но в сроки не укладывались. Браун нервничал, но старался не подавать вида. Дейзи тоже стала дерганой, но по другому поводу. В одной из многочисленных книг по эгнизму, которые она заказала из фонда библиотеки, девушка наткнулась на фамилию Петерсон. Миссис Петерсон была одной из тех дам, кто помог Лайму попасть на конференцию, с которой и началась его блестящая карьера. Дейзи ее видела когда-то, и у нее вроде бы был муж. Мистер Петерсон, о котором упоминалось в книге, был «Предводителем второй оболочки» одного из куполов. Девушка уже прилично разбиралась в эгнистской иерархии – этих многочисленных «предводителях», «генералах», «начальниках» «ядра», «1-й, 2-й и т. д. оболочки» и т.п., которая иногда раздражала ее, а порой просто смешила. Почему Лайм, серьезный ученый, имел отношение к этой странной организации? Дейзи могла только предполагать – из-за связей. От такой мысли ее начинало тошнить. Она приходила домой, была раздраженной и тем удивляла мужа. К Пасхе обнаружилось, что еще двое не очень близких знакомых Лайма до сих пор состоят в эгнистских куполах.

Страстная неделя, особенно, Великий Четверг, Великая Пятница и Великая Суббота, всегда была тяжелой для Дейзи. Вот и четырнадцатого, за два дня до Пасхи, вернувшись со съемок довольно поздно, девушка огрызнулась на Лайма довольно грубо и практически без повода.

– Дейзи, что с тобой? – спросил он обеспокоенно. – Что с тобой происходит в последнее время? Ты стала очень нервной. Что у тебя за проблемы? Я должен это знать.

– Можешь быть уверен, у меня нет другого мужчины, – почему-то ответила Дейзи, и это прозвучало грубо.

Лайм чуть сжал зубы, но сказал довольно спокойно:

– Надеюсь, если бы такое случилось, я бы узнал об этом первым.

– Да, конечно. Извини, – девушка подошла к мужу, взмахнув пару раз руками, как будто отмахиваясь от собственных дурацких слов. – Я просто устала. Съемки очень утомительные, обстановка нервная, в сроки не укладываемся.

– Дейзи, я должен знать о твоих проблемах, – сказал Лайм, беря ее за руки и усаживая на стул. – Может, мне приехать на съемки? Я давно хотел, но думал, что без меня тебе работать лучше. Может, мне поговорить с Брауном? Он тебя обидел? Что случилось, в конце концов?

– Да ничего не случилось, Лайм. Не надо никуда приезжать и никому звонить. Я сегодня отдохну, а завтра буду готовиться к пасхальному концерту в Ратуше. Если ты мне поможешь с аккомпанементом, я скажу тебе спасибо.

– Ну конечно, конечно, помогу.

Он обнял ее, и впервые ей это не было приятно.

Праздник Воскресения Христова Дейзи всегда отмечала более пышно, чем другие американцы. Она красила яйца, варила творожную пасху, как всегда делали в ее славянской семье, и даже покупала куличи в православной церкви, куда обычно не ходила. Вечером Дейзи долго разговаривала по телефону с мамой, рассказывала о записи альбома, о съемках клипа и ни словом не обмолвилась об эггнестах и своих внутренних проблемах. Лайм поверил ее объяснениям, хотя и повторил пару раз, что приедет как-нибудь на съемки. Дейзи опять стала его отговаривать, так как знала, что нервозную обстановку создает там сама своими резкими словами и неадекватной реакцией на любое замечание, и не хотела, чтобы он это заметил. Вместе с тем девушка дала себе обещание взять себя в руки и больше не давать мужу повода расспрашивать себя о своих проблемах.

Концерт в Ратуше прошел очень успешно. Правда, у Дейзи было всего два номера – псалом на собственную музыку и религиозная песня, к которой она написала не только мелодию, но и слова. За роялем она казалась маленькой вдохновенной женщиной. Дейзи исполняла все, даже псалом, очень страстно. Наутро в понедельник несколько местных газет пели ей дифирамбы.

На Пасхальной неделе Дейзи и Питер решили сделать специальную запись «Песни тебе» для клипа. Браун прислал целый список собственных замечаний, исходя из предыдущего, альбомного варианта. Правда, так как он слышал неокончательную версию, многие вещи уже были учтены. Просьба Браун усилить скрипку в аккомпанементе заставила Питера и Дейзи найти один из таких вариантов записи, чтобы не разыскивать скрипача, который на праздники уехал из города. В отношении голоса у Брауна замечаний не было.

Запись шла непросто. Питеру не очень нравились эксперименты, которые иногда позволяла себе Дейзи при исполнении «Песни тебе». Она спорила со звукорежиссером, говорила, что это ее сочинение, и она лучше знает, как оно должно звучать. Девушка приходила домой злая и жаловалась мужу на необъективность Питера. После двух таких жалоб Лайм решил послушать Дейзи и сам ей аккомпанировать. Девушке идея понравилась. Он играл совсем не так, как она. Лайм играл техничнее, свободнее и даже более темпераментно. Дейзи быстро приуровнилась к его аккомпанементу и пела без особых проблем.

– Понятно, – сказал Лайм, сняв руки с клавиатуры. – В основном, на мой взгляд, все хорошо. Но вот это место, – он стал подбирать аккомпанемент, – «Только тогда я не знала тебя». Ты делаешь в конце то, что я про себя называю «плач Ярославны». Не следует в конце идти на квинту вниз. Слушай, что у тебя получается.

И Лайм пропел весь отрывок. У него был потрясающий баритон. Дейзи часто спрашивала его, почему он не стал профессиональным певцом, ведь с таким голосом он мог бы даже петь в опере, но внятного ответа не получала. Втайне девушка мечтала когда-нибудь выступить вместе с мужем. Она почему-то больше гордилась его талантом, чем своим.

– Я думаю, нужно остановиться на пятой ступени, – продолжал Лайм. – Разрешать ее не имеет смысла, мелодия продолжается дальше.

– Похоже, ты меня убедил, – с улыбкой сказала Дейзи. – Давай сначала. Я спою еще раз полностью.

У нее, действительно, получилось лучше. Музыка как будто заставила Дейзи забыть о своих догадках относительно Лайма и эггнизма, и их близость в ту ночь была восхитительной, как прежде.

К началу мая были сняты все так называемые «массовые» сцены клипа. Идея поцелуя в конце ушла сама собой, но Дейзи пришлось позволить Бобу поцеловать себя в губы в честь окончания совместной работы, после чего она прополоскала рот водой и сказала себе, что она всего лишь актриса, и роль принцессы – не худшая ее роль. Да и Боб оказался весьма неплохим партнером. Печать разврата – а у кого из парней на студии ее не было? Пожалуй, только у Брауна. Он умудрился сохранить интеллигентность. «Откуда она вообще берется, эта печать? – думала Дейзи. – От беспорядочных сексуальных связей? Но в истории было множество потрясающих мужчин-бабников, у которых ничего подобного не было. Странно». Это было действительно странное явление, которое прогрессировало, по наблюдениям девушки, в течение последних пятидесяти-шестидесяти лет. На лицах женщин печать разврата была не так заметна, но и духовность встречалась редко. Прелестную Дейзи с ее высокой культурой и интеллигентностью не зря считали поразительным исключением.

Для клипа оставалось снять монологи принцессы. Дейзи предложила не менять графика съемок – понедельник, среда, пятница, хотя Браун и хотел сделать их встречи более частыми, чтобы скорее закончить клип. Но у девушки тоже был веский аргумент – ей нужно было доделать альбом, ведь ей осталось записать всего две песни. Конечно, существовала и еще одна причина, о которой Дейзи не могла сказать Брауну – ей надо было тайком ходить в библиотеку. Недавно ей попались две книги – сборник уставов эггнистских куполов, в частности, устав купола-прародителя, и воспоминания бывшего эггниста, написанные в начале века. Среди многочисленных пунктов устава Дейзи поразил один: «За предательство, за разглашение эггнистских тайн – смерть».

В принципе, в этом положении не было ничего особенного – несколько жестоко, но тривиально. Для высокоморальной организации – слишком бесповоротно. Хуже было то, что жертвами этого пункта становились не только так называемые «предатели», но и просто люди, покинувшие организацию. Дейзи помнила несколько таких примеров. Люди, которые выходили из куполов, а потом быстро погибали, умирали от загадочных болезней, кончали с собой... Смерть... Кажется, это был ответ на многие вопросы Дейзи. Лайм не мог выйти из купола «Мировое яйцо», иначе он был бы уже мертв. Он эггнист, в этом нет сомнений. Дейзи охватил страх.

«Смерть», – черными буквами мелькало на лобовом стекле.

«Смерть», – казалось, выл ветер.

«Смерть», – скрипнула входная дверь.

Дейзи поздоровалась с Лаймом, села за стол, начала есть.

«Смерть», – зазвенели тарелки.

Девушка потрясла головой и попыталась улыбнуться.

– Ну вот, мне осталось записать последнюю песню, – сказала она.

– Я рад.

– Я немного устала, скоро пойду спать. Завтра рано поеду на студию. Я лягу в своей комнате, ладно?

– Хорошо, как хочешь.

– Ты не обидишься?

– Конечно, нет.

Дейзи выдавила из себя улыбку.

«Смерть», – как будто раздался хохот у нее за спиной. Она быстро почистила зубы, приняла душ и отправилась спать. Лайм проводил ее до двери. Она поцеловала его и сказала:

– Спокойной ночи, милый.

«Смерть», – словно языком пламени полыхнуло перед глазами Дейзи.

– Спокойной ночи, дорогая.

– Спокойной ночи, – повторила девушка и легла в постель.

Наутро Дейзи больше не тревожило навязчивое слово «смерть». Но страх никуда не исчез. Она приехала на студию нервная и никак не могла сосредоточиться.

– Дейзи, что с тобой сегодня такое? – спросил Питер. – Это же самая простая твоя песня, и ты ее всегда отлично исполняла.

– Все нормально, Питер. Не обращай внимания. Просто еще очень рано для меня.

– Ты сама хотела записываться сегодня в это время.

– Да, пора кончать с альбомом.

Дейзи взяла себя в руки, и работа пошла быстро.

Воспоминания бывшего эггниста прояснили для Дейзи суть этой организации и то, как она работает. Тот человек, автор книги, вступил в купол еще в университете и утверждал, что подобным образом туда попадали абсолютно все. Эти строки Дейзи запомнила почти наизусть:

«На последнем году обучения появились люди, которые предложили мне стать членом организации, имеющей целью всячески способствовать объединению всех стран мира в единое государство, воспитывать в каждом терпимость и уважительное отношение к ближнему и построить, таким образом, на Земле царство истины. Мне импонировали эти идеи, как, наверное, и многим людям моего поколения, и я согласился. Я был им нужен, так как являлся одним из лучших студентов во всем университете. Так я стал эггнистом, и лишь впоследствии узнал настоящее лицо организации, в которую вступил».

Новоиспеченному члену купола была гарантирована блестящая карьера в будущем, но сначала он должен был пройти что-то вроде послушания в течение нескольких лет. На этом этапе ему внушались основные постулаты эггнизма, весьма отличающиеся от того, что ему говорили до вступления в купол: презрение к неэггнистам, фанатичная верность организации, беспрекословное уважение к начальству. Кроме того, вырабатывались главные направления его будущей научной работы (если он был ученым), нужные куполу в данный момент. Выход из организации ни на этом этапе, ни на последующих не представлялся возможным.

Правда, автору «Воспоминаний» это удалось, и в своей книге он попытался рассказать об истинных целях эггнистов, прежде всего, об их стремлении к мировому господству. Однако практически сразу после ее выхода из печати он умер при загадочных обстоятельствах. Никакого разбирательства по факту его смерти не последовало. Официальное заключение гласило: инфаркт.

Итак, история, рассказанная Лаймом, скорее всего, была ложью, начиная с мотивов его вступления в купол и кончая деятельностью самого купола. Ложь! А ведь Дейзи верила ему больше, чем себе! Она считала Лайма самым искренним, самым чистым человеком на свете! Она и в мыслях представить не могла, что он был способен солгать, тем более, ей! Но может,

он не лгал, и его история была исключением? Дейзи хваталась за эту спасительную мысль, как за соломинку. Но как быть с его странным взлетом на той конференции и тем, что муж миссис Петерсон, его благотельницы, был видным эггнистом? Видно, и не было никакой сказки... Нет, это только предположение, ведь среди других его знакомых, кроме одного-двух, не самых близких, Дейзи не встречала эггнистов.

Девушка села за библиотечный компьютер и впервые решила поискать информацию об эггнизме в сети. Ее сразу поразило то, что большая часть статей была откровенно хвалебной. Это навело Дейзи на мысль, что Интернет, или попросту сеть, великое изобретение человеческого ума, финансировалось эггнистскими деньгами. Правда, в потоке похвал всплывали фамилии ныне покойных политических деятелей, деятелей культуры, ученых – от просто известных до очень знаменитых. Дейзи почувствовала себя пойманной в паутину. Ей как будто что-то сверху давило на пищевод. Дейзи нервным движением выключила компьютер. Ее тошнило. Ее никогда так часто не посещало это ощущение. Тошнота. Кажется, у Сартра есть роман с таким названием. Дейзи его не читала. Надо почитать, как-нибудь. Она глубоко вздохнула. Немного полегчало. Можно было ехать домой.

Чувство, что ее кто-то поймал, не покидало Дейзи и на съемках. Сцены, над которыми они с Брауном работали, были самыми сложными в клипе. Дейзи играла принцессу, которая пытается вырваться из замка, но не может. Она подходила к окну, открывала его, высовывалась, и ее руки как будто натыкались на невидимую преграду. Она выходила на балкон, пыталась перегнуться через решетку, но словно ударялась о стену. Дейзи становилась спиной к решетке и продолжала петь о любви. Казалось, ей было душно в замке, тесно в своей прекрасной золотой клетке. Дейзи носилась по площадке с развевающимися золотыми волосами, казалось, она сама стала принцессой в заколдованном замке. А Браун, потрясенный ее игрой, кричал в конце «Браво!» и, обнимая Дейзи, признавался, что ему не хотелось останавливать камеру. Девушка устало улыбалась, благодарила, обещала приехать на следующий день, чтобы скорее закончить клип. Она держала свое обещание, все повторялось снова, и в начале июня съемки были завершены.

Глава 5

Презентация альбома Дейзи «Песня тебе» и премьеры одноименного клипа были очень успешными и многообещающими. Первая неделя продаж превзошла все ожидания. Дейзи становилась настоящей звездой. «Песню тебе» называли лучшим клипом последнего десятилетия. Окрыленный успехом, Браун предложил «экранизировать» еще какую-нибудь песню Дейзи. Девушка обещала подумать. Питер, не менее довольный, чем Браун, звал Дейзи на студию записать несколько песен для ее следующего альбома. Она согласилась заехать к нему через пару дней и обо всем договориться.

Дейзи должна была быть счастлива. Ей пришло приглашение участвовать в великолепном концерте звезд Америки ко Дню Независимости четвертого июля в Радио-Сити Мюзик-холле. Ее звали на гастроли по крупнейшим городам США, от Чикаго до Сан-Диего. Была надежда на контракт с Карнеги-холлом. Ее расхваливали во всех ведущих газетах. Репортеры пытались взять у нее интервью – она отказалась. Дейзи поняла, что весь этот успех, который на нее свалился, оказался ей ни к чему. Ей нужна была правда о муже. Дейзи ходила на презентации своего альбома и клипа, улыбалась в объективы фотокамер, а сама смотрела на окружавших ее людей и задавалась вопросом, кто из них эггнист, а кто нет. Нет, она не была счастлива. Ее мать была счастлива, она звонила Дейзи каждый день, поздравляла ее, рассказывала о своих впечатлениях от альбома и от клипа. Лайм был счастлив, он был горд за жену. На вечеринках он был элегантно одет, излучал море обаяния, отвечал на вопросы, даже дал пару интервью. Журналисты вмиг вспомнили его научные заслуги, и они с Дейзи стали настоящей звездной

парой. А девушка думала о его лжи и скрепя сердце ложилась в постель рядом с ним. Она страшилась того, что еще может узнать об эггнизме. Дейзи как-то пыталась, сжав зубы, найти сайт купола «Мировое яйцо», но для доступа нужно было знать пароль. Девушка продолжала иногда заходить в библиотеку и читать книги по эггнизму, и картина, сложившаяся в ее голове, была просто страшной.

Эггнистская система напоминала Дейзи тоталитарные секты, которые процветали в конце двадцатого века. Из них тоже не было выхода. Кроме жесткой иерархии, беспрекословного подчинения вышестоящим была и еще одна общая черта сект и куполов, о которой Дейзи догадывалась – зомбированность их членов. Среди эггнистов были видные врачи, в том числе и психиатры. Они наверняка производили опыты над сознанием нижестоящих эггнистов, а может, и неэггнистов тоже. Мысль о том, что Лайма могли зомбировать, девушку убивала.

В те июньские дни Дейзи поняла, что ей не к кому идти. У нее не было друзей. Она не могла позвонить подруге и сказать: «Мне очень плохо. Приезжай, мне нужно тебе все рассказать». У нее просто не было такой подруги. Раньше Дейзи обычно шла со своими проблемами к маме, которая понимала, но и подавляла ее. Потом девушка вышла замуж, и все реже обращалась за помощью к матери. Лайм был для нее и подушкой, чтобы поплакаться, и советчиком и всем, всем, всем. Но теперь вопрос касался его самого, и она могла пойти только к себе.

Лайм не замечал подавленного состояния жены. В университете было жаркое время – экзамены, он приходил поздно. Дейзи было тяжело находиться рядом с ним. Самыми приятными для нее становились те вечера, когда Лайм садился за пианино и играл, а она ложилась на диван и старалась забыться. Он фантастически исполнял этюды Шопена. В другие дни, когда Дейзи не очень уставала на студии, она открывала инструмент и пела под собственный аккомпанемент. Тревога отчетливо звучала в ее красивом голосе.

Однажды, в самом конце июня, Дейзи решила после встречи на студии с Питером заехать в университет к Лайму. Она пришла на кафедру и спросила доктора Миллана.

– Он на экзаменах, – ответил молодой человек, единственный, кто там оказался. – Сказать ему, что Вы здесь, миссис Миллан?

– Нет, не надо. Я подожду.

– Хотите кофе?

– Нет, спасибо. Проводите меня в библиотеку. Я посижу там.

Дейзи проходила между столами, смотря на поглощенных учебой студентов.

– Скажите, пожалуйста, где у вас находится архив? – спросила она библиотекаря.

– Вторая дверь направо, мэ.

Дейзи рассматривала стеллажи с материалами, относящимися к истории Гарвардского университета, и вдруг обнаружила полку с отчетами об эггнистских конференциях. Последнее подобное мероприятие проводилось пять лет назад. Дейзи взяла соответствующий том с докладами и открыла оглавление. Лайм Миллан «О пользе философии эггнизма». Ее будто током ударило. Пять лет назад! Конференция! О боже, он лгал, что давно не имеет к эггнизму никакого отношения! Дейзи резким движением открыла сборник на соответствующей странице. Господи, какую чушь плел Лайм в том докладе! Если бы это не значило так много для Дейзи, она бы просто посмеялась. «Философия эггнизма – величайшее достижение человеческого ума», «эггнизм задает единственно верное направление в любом научном исследовании». И такое говорил доктор Миллан, выдающийся американский востоковед, санскритолог с мировым именем! У Дейзи потемнело в глазах. Она поставила отчет на место и вышла из библиотеки. Дейзи не помнила, как добралась до кафедры. Лайма все еще не было.

– Когда доктор Миллан освободится, скажите ему, что я поехала домой.

– Хорошо, миссис Миллан. До свидания.

– До свидания.

Дейзи сидела за рулем, в бешенстве из-за длинной пробки. Ложь! Все, что он говорил, было ложью! Как он мог! Она ведь так верила ему, так его любила! Дейзи из последних сил цеплялась за руль. Ее тошнило, ей не хватало воздуха. «Может, он и меня хотел вовлечь в свой купол? – спрашивала себя девушка. – Нет, не может быть. Не может быть, чтобы он совсем не любил меня. Он расхваливал эггнизм во имя своей карьеры, или из чувства благодарности, но я здесь не при чем. Он не мог покинуть купол, иначе бы его убили, как и других». Если бы тогда, в январе, он бы сказал ей правду, многое могло бы быть по-другому. Они вместе нашли бы выход. Но он лгал, он не хотел и не хочет искать выхода. Лайм, видно, всем доволен: и тем, что его организация тоталитарна по своей сути, и тем, что она стремится к мировому господству, и тем, что многие ее члены причастны к преступлениям огромного масштаба. Дейзи не хотела обо всем этом думать. Ее продолжало тошнить, но слез не было.

Она приехала домой и сразу забралась в душ. Ей стало чуть-чуть лучше. Лайм приехал где-то через полчаса.

– Ты меня не дождалась? – весело спросил он, целуя ее в щеку. Дейзи едва не вздрогнула. – Я был на экзамене. Надо было попросить позвать меня, я бы закончил побыстрее.

– Ничего страшного, Лайм. Я сделала глупость, что приехала к тебе на работу.

– Нет, поверь, мне очень приятно. Я всегда рад видеть свою жену.

Лайм был в прекрасном настроении, несмотря на усталость. Они сели за стол, Дейзи рассказывала о встрече с Питером, об их договоренности записывать ее второй альбом. Лайм был доволен. Он оживленно описывал прошедший экзамен, много шутил. Дейзи с трудом переносила его присутствие. Он олицетворял для нее отныне само лицемерие, которое она так люто ненавидела. Девушка едва терпела его прикосновения.

– Я пороюсь в сети перед сном, – сказала она, выдавив из себя улыбку.

– Хорошо.

Она села за компьютер, Лайм наклонился и поцеловал ее в шею.

– Спокойной ночи, любимая.

Дейзи чуть отпрянула, уставилась на монитор и ответила:

– Спокойной ночи, Лайм.

Она читала новости невидящим взглядом. Она не запомнила ни единого слова. Дейзи слышала, как Лайм ложился, выключила компьютер и пошла в ванную. Она почистила зубы, умылась и легла в постель рядом с мужем. Он уже спал.

Дейзи лежала на самом краю, притянув к подбородку свой край одеяла. Она даже не дотронулась до Лайма. Сколько раз она ласкала его, прежде чем погасить свет! Он казался ей спящим ангелом. Надо же, она была так счастлива! Как быстро все ушло, за какие-то несколько месяцев! Ложь, она все разрушила.

У Дейзи был дар – отключиться от самой себя, почувствовать, что она – это не она, и все происходящее к ней не относится. «Это не со мной, – подумала девушка. – Это дурной сон. Он пройдет, и все будет хорошо». С этой мыслью она заснула.

Наутро Лайм встал рано и перед уходом разбудил Дейзи.

– Не знаю, во сколько сегодня получится закончить, – сказал он. – Постараюсь пораньше.

Ты куда не собираешься?

– Вроде бы, нет, – ответила девушка спросонья, улыбаясь.

– Я тебе позвоню. До свидания, любимая.

– До свидания, Лайм.

Дейзи поцеловала мужа и потянулась. Был жаркий июньский день. Спальня была залита солнцем. Все было прекрасно, Дейзи уже успела сказать это про себя, как вдруг она вспомнила проклятый доклад Лайма об эггнизме... Животный ужас сковал ее внутренности. Тем не менее она ни в чем не поменяла свой обычный утренний ритуал: сделала зарядку, умылась, почистила зубы, съела оставленный Лаймом на столе завтрак. Затем Дейзи вынула список знакомых

мужа, которых она собиралась проверить на принадлежность к эггнизму, и бумажку с куполом «Мировое яйцо». Забавно – последняя оказалась в том же ящике, в котором девушка нашла ее еще в январе. Лайм никуда ее не спрятал. Взяв оба листка, Дейзи села за компьютер. Она чувствовала одновременно решимость, апатию и усталость. «Пора кончать с этим», – сказала она себе.

Дейзи набрала адрес сайта «Мировое яйцо». «Для доступа введите пароль», – последовал ответ. Она испробовала две или три комбинации, нашла номер телефона своего провайдера и позвонила туда. Ей ответил женский голос:

- Алло, здравствуйте! USA-on-line к Вашим услугам.
- Доброе утро. Я бы хотела получить дополнительный доступ.
- Назовите Ваш номер клиента.
- 49064 с. Да-да, с, «классический».
- Какой сайт Вас интересует?

Дейзи назвала адрес.

– Да, мы можем предоставить Вам доступ, – сказала девушка из USA-on-line. – Но это платная услуга, довольно дорогая.

- Сколько?
- Пятьдесят долларов. Я Вас предупреждала.
- Нет-нет, все в порядке. Я согласна. Запишите номер моей кредитной карточки.

Дейзи продиктовала набор цифр, который знала наизусть.

- Наберите адрес. Доступ будет предоставлен в течение минуты.
- Спасибо.

Дейзи повесила трубку и нажала на кнопку «Enter.»

Сайт был хорошо оформленным и довольно удобным. Вначале шло приветствие брату-эггнисту от имени Верховного предводителя ядра 1-й степени, главы купола «Мировое яйцо» доктора Вебера. Дейзи нашла в содержании сайта пункт «Состав членов купола» и вызвала данную страницу. Список был длинным, но девушке стало все ясно с самых первых фамилий.

«Миссис Браун, генерал ядра».

«Мистер Браун, предводитель 1-й оболочки».

«Доктор Миллан, предводитель 2-й оболочки».

«Питер Сандерс, начальник 2-й оболочки 3-й степени».

«Даже Питер!» – подумала Дейзи. Было и множество других, более или менее знакомых ей людей. Среди «практикантов» числились Кейт и Боб.

Дейзи сидела, вцепившись в кулак зубами, чтобы не закричать. На листе с фамилиями, лежащем рядом, вместо трех плюсов, как раньше, стояли все пятнадцать. На экране в правом нижнем углу весело мелькало аппетитное белое яйцо. Сказки не было, ни у Лайма, ни у самой Дейзи. Недаром Питер когда-то сказал с иронией: «Да, Лайм действительно волшебник». Он знал, что это за волшебство. От этой мысли ей стало так обидно, что она заплакала. Она чувствовала полную беспомощность. Кто она? Только пешка в чужой игре. И тут же другая мысль пришла ей в голову – как долго она смогла бы петь то, что хочет? Как скоро ее бы постарались заставить плясать под эггнистскую дуду? Через полгода, через год? Может, и раньше.

Дейзи еще раз взглянула на экран. Телефон! Она же знает тот загадочный номер, который написан на старой бумажке! Это телефон президента Гарвардского университета, по совместительству главы купола «Мировое яйцо» доктора Вебера! Как же она раньше не вспомнила! Дейзи открыла на компьютере адресную книгу. Все правильно, это номер Вебера. Круг замкнулся.

Девушка выключила компьютер, взяла свадебную фотографию и включила автоответчик, чего не делала еще ни разу в жизни. Эта фотография всегда стояла у Лайма на письменном столе. Дейзи нравился этот снимок. Оба красивые, оба счастливые... На Дейзи шикарное белое

платье, расшитое розочками, Лайм в элегантном черном смокинге, белой рубашке и бабочке. Они идут в обнимку, фотограф снял их в движении. Оба чуть подались вперед, оба излучают энергию. Кажется, весь мир должен им покориться...

Дейзи отложила фотографию в сторону. Зазвонил телефон. Девушка не сдвинулась с места. «Извините, я сейчас занята, – сказал ее голосом автоответчик. – Оставьте свое сообщение после звукового сигнала».

– Алло, Дейзи? Дейзи, это я, Лайм. Я постараюсь приехать часам к восьми. Я еще перезвоню. Пока, любимая.

Дейзи продолжала сидеть на диване. Сколько времени она провела в таком положении – час, два? Очнувшись, Дейзи взяла несколько альбомов с фотографиями последних двух лет. Вот их свадебное путешествие, почти кругосветное. Кипр: Дейзи выходит из воды, на ней розовый открытый купальник, мокрые волосы спадают на плечи мелкими кудряшками. Этот снимок Лайм назвал «Моя Афродита». А на другой фотографии Дейзи в Париже, на фоне Эйфелевой башни – юбка ее летнего платья развевается, совсем как у Мэрилин Монро. Вот они в Индии, катаются на лодке по озеру в Кашмире: Дейзи в розовом сари, волосы завязаны узлом. Очень интересная была поездка на родину матери Лайма. Прошлогодние фотографии – ее сбывшаяся мечта – Рио-де-Жанейро. Дейзи на фоне Сахарной горы, Лайм снимал ее в фуникулере. Она улыбается, она счастлива.

Дейзи закрыла альбом и начала смотреть более новые фотографии. Вот они с Питером на презентации ее дебютного альбома, вместе держат ее диск. Какая забавная фотография! Они наклоняются друг к другу и в результате оба оказываются в позе дядюшки Скруджа, «попами вверх». Дейзи улыбается, но глаза ее не такие веселые, как на предыдущих снимках. А вот совсем свежие фотографии. Их прислали недавно. Это вечеринка в честь окончания съемок клипа. Дейзи делает вид, что ей весело, но если присмотреться внимательнее, ясно, что она напряжена. Она одета довольно скромно и практически не накрашена. Даже на съемках она почти не использовала тушь для ресниц.

Дейзи поставила снимки на место. Надо перекусить, уже поздно. Опять зазвонил телефон. Автоответчик снова отозвался голосом Дейзи.

– Алло, это я, Лайм. Куда же ты пропала, милая? Я скоро приеду. Целую. Жди.

Дейзи равнодушно посмотрела на телефон. Похоже, можно отключить автоответчик. Девушка перевела взгляд на стол. Рядом с компьютером лежал долгожданный контракт с Карнеги-холлом на сентябрь месяц. Его принесли, вероятно, рано утром. «Поздно, – подумала Дейзи. – Слишком поздно. Почему то, чего так долго добиваешься, получаешь именно тогда, когда это уже не нужно?» Дейзи не могла ответить на этот вопрос. Таков был закон ее жизни, особенно, до Америки. Она была уверена, что нашла свое счастье с Лаймом. Увы, это оказалось не счастье, а только одна ложь. Ложь, в которую превратилась вся ее жизнь. Ее мир был разрушен. Она сама едва ли осознавала собственное существование.

Дейзи встала, пошла на кухню и начала механически резать салат. Ей показалось, что она что-то забыла. Дейзи вернулась в кабинет, нашла старую зажигалку Лайма и подожгла «эгг-нистский список». Потом собрала золу, выбросила ее в мусоропровод, вымыла руки и пришла обратно на кухню. Девушка разделила салат на две порции, съела свою не потому, что хотела есть, просто, так было нужно, у нее с утра не было ни крошки во рту. Затем Дейзи встала из-за стола и, прислонившись к стене, стала ждать Лайма.

Он приехал, как и обещал, около восьми. Девушка открыла дверь и, даже не поздоровавшись, хотела вернуться на кухню, когда Лайм остановил ее словами:

- Дейзи, почему ты не подходила к телефону? Тебя не было дома?
- Была, – коротко ответила она.
- Тогда в чем дело? Что случилось?
- Иди ешь, потом поговорим.

– Нет, все-таки...

– Я же сказала, потом поговорим.

И Дейзи, не оборачиваясь, отправилась на кухню, где опять прижалась к стене. Пока Лайм ел, всячески выказывая свое удивление ее поведением, она стояла молча.

– Нет, Дейзи, объясни мне, в чем дело? – снова спросил он, еще продолжая жевать.

– Дожуй, – снисходительно произнесла девушка, – и выпей чаю. Я уже поела.

Лайм встал из-за стола, отправил тарелки и чашки в посудомоечную машину и повторил свой вопрос:

– В чем дело, Дейзи? Я жду объяснений.

– Хорошо. Только я отвечу вопросом на вопрос. Лайм, что тебя связывает с эггнизмом?

– Дейзи, я же тебе рассказывал. Я вступил в купол после смерти отца, чтобы поддержать мать. «Мировое яйцо» – это благотворительная организация, и она оказывает помощь...

– Хватит, – оборвала его Дейзи. – Я это уже слышала. Достаточно лжи.

– Но, Дейзи...

– Если ты не хочешь говорить правду, я ее скажу. Ты действительно вступил в купол лет пятнадцать назад, только твой отец был еще жив.

– Дейзи!

– Не прерывай меня. Они были, вероятно, очень приятными людьми, а ты был очень способным студентом. Интересно, кто беседовал с тобой – миссис Браун, а может, миссис Петерсон? Не знаю. Да и организация, в которую тебя приглашали, была вроде бы весьма уважаемой, и столько известных людей там состояло... А тебе не хотелось отказываться от широких возможностей, от блестящей карьеры. Потом уже умер твой отец, ты оказался в затруднительной ситуации, и эггнисты тебе помогли. И как тебе только совесть позволила прикрываться родной матерью, когда ты мне голову морочил своей басней! Ну, хватит об этом. Что же было потом? Подготовительный период, вероятно, как раз до той знаменитой конференции. Да, ты выступил блестяще, но ведь попасть туда тебе помогли эггнисты. И в Гарвардский университет тебя взяли не только из-за того, что ты талантливый ученый, а потому, что мистер Вебер был главой купола «Мировое яйцо». Интересно, когда ты понял, в чем суть эггнизма? Ты ведь не мог этого не понять. Но назад дороги не было – выход из организации карался смертью. Вот ты и остался, и пел эггнизму дифирамбы, вероятно, из чувства благодарности. Увы, это еще не все. Ты решил заняться и моей карьерой. Конечно, что могла понимать двадцатилетняя дурочка, к тому же не американка, у которой в жизни ничего пока не получалось? Она так любила тебя, так тебе верила, в рот тебе смотрела! Поистине нетрудно было ее обмануть. Хотя, если задуматься, чего ради было Питеру столько возиться с моим альбомом, а Брауну снимать клип за бесплатно? Только ради брата-эггниста. А теперь ответь, что я сказала не так?

– Все так, – отозвался Лайм. Он сидел за столом, уронив голову на руки. Он был раздавлен.

– Я не знаю только, как ты обо всем узнала, – добавил он.

– Я полгода занималась эггнизмом – ходила тайком в библиотеку, работала на компьютере. Ну, а чтобы сделать выводы, у меня хватило мозгов.

– Дейзи, по-моему, ты все преувеличиваешь, – неожиданно встрепенувшись, заметил Лайм.

– Преувеличиваю! Нет, это ты, кажется, снова хочешь солгать. Быть не может, чтобы ты не знал о причастности эггнистов к Балканским войнам и кризису десятых годов!

Отпираться было бесполезно.

– Да, я лгал тебе, – глубоко вздохнув, сказал Лайм. – Но разве ты сама никогда не лгала?

– Лгала, – честно ответила Дейзи, – но не по такому серьезному поводу.

– Я все делал ради тебя, Дейзи. Ты ведь хотела быть знаменитой, хотела выступать в лучших залах, хотела записать альбом, снять клип... Разве не так?

– Да, я хотела быть знаменитой. Но не такой ценой.

– Какой еще ценой? Я использовал любую возможность. Пусть они все были эггнистами, что из того? Ну да, ты же все знаешь... Да, я лгал тебе, но лгал ради тебя. Прости меня. Ты едва ли представляешь, что это за организация. Я могу тебя защитить от чего угодно, но не от них. Здесь я бессилён. Зачем тебе было это знать?

– Я никогда никому не верила, Лайм, – тихо сказала Дейзи. – А тебе поверила. Лучше бы было мне не верить!

– Дейзи, давай забудем все это, – проговорил Лайм, вставая и протягивая к ней руки. – Прости мне мою ложь. Я люблю тебя. Наверное, я был не прав, что не сказал тебе сам, как все было по-настоящему. Я хотел, чтобы ты верила в сказку. Поверь мне, я хотел оградить тебя от эггнистов.

– Ты превратил мою жизнь в ложь!

– Я не хотел, верь мне. Давай помиримся.

– Я любила тебя, а ты мне лгал.

– Перестань. Скажи, что прощаешь меня.

Лайм хотел было взять Дейзи за руку, как вдруг она взорвалась:

– Не приближайся! Не дотрагивайся до меня! Убирайся! Я не желаю тебя больше видеть! Никогда!

Она резко развернулась и ушла в ванную. Он застыл на месте, как громом пораженный.

Дейзи быстро умылась и почистила зубы, а потом заперлась в своей комнате.

– Дейзи! – позвал ее Лайм. – Стоит ли все рушить вот так? Все, что мы создали за эти два года... Прости меня, Дейзи. Я признаю, что был не прав. Прости меня.

– Я не могу простить тебя, Лайм, – с чувством сказала девушка, прислонившись спиной к двери. – Если бы я сказала, что прощаю тебя, это была бы еще одна ложь. Я не могу простить тебе ложь, Лайм. Я бы простила что угодно, может, даже измену, если бы ты честно во всем мне признался. Но не ложь. Уходи. Все кончено. Я завтра утром поеду на студию, мне надо поспать. Слава Богу, у нас в доме две спальни.

Дейзи чувствовала, что он все еще стоит за дверью. Она не открыла.

Дейзи доплелась до кровати и села на край. «Все кончено, – повторила она вслух. – *Finita la comedia*». Забавно, в их разговоре ни разу не прозвучало слово «развод». Все было и так ясно. Дейзи не нужно было говорить, что она скоро пришлет документы на расторжение брака. За этим дело не встанет.

«Кто сказал, что развод – это освобождение? – подумала девушка. – Видно, кто так считает, совсем не любил своего мужа. А если любишь, то это больно, очень больно».

Дейзи разделась и легла спать. Она чувствовала себя измотанной. Лайм давно ушел к себе, стало тихо. Дейзи заснула. Ее преследовали кошмары. Ей снилось, что она бьется в паутине из железных прутьев, и они разрывают ее сердце на тысячи частей.

Дейзи проснулась в ужасе. Уже наступило утро. Она вспомнила вчерашний разговор и содрогнулась. Лайм уже ушел, завтрак стоял на столе. Дейзи механически делала какие-то движения: умывалась, чистила зубы, но зарядку делать не стала. Она с трудом съела яйцо и выпила чашку чая. От одного вида еды ее тошнило. Потом Дейзи машинально оделась – серые брюки, белая рубашка, клетчатый пиджак, – взяла свою сумочку и села в машину.

Такой глубокой депрессии у нее никогда не было. Обычно все заканчивалось слезами, иногда даже истерикой, после чего она успокаивалась более или менее быстро. Но сейчас слез не было, Дейзи не кричала, не била кулаками о стену. Она сидела за рулем, равнодушно уставившись на дорогу, даже не задумываясь, куда едет. Вокруг не было ни души, все давно уже были на своих рабочих местах. Дейзи как будто уже не существовало. Взгляд ее некогда красивых глаз был безжизненным. Она ни о чем не думала, но одной мысли все же удалось пробить дорогу в лабиринтах ее мозга. Почему она еще жива? Зачем? Ведь все кончено. Куда она едет?

Дейзи вынула из сумочки фотографию Лайма. Он был для нее всем, но оказался всего лишь лицемером. Она поставила фотографию к лобовому стеклу.

«Прощай», – тихо сказала Дейзи.

Справа оказался обрыв. Вокруг не было ни одной машины. Сейчас один резкий поворот направо, удар... и все будет кончено. Ни кошмара последних месяцев, ни боли в груди – ничего больше не будет. Как хорошо... Ни лжи, ни лицемерия, ни эггнизма...

И вдруг в ней что-то всколыхнулось. Кончать с собой из-за эггнистов? Не слишком ли это жирно? Нужно бороться, нужно вывести их на чистую воду! Лайм ей лгал – ну и что? Пусть убирается на все четыре стороны! Дейзи проживет и без него. «Я выживу!» – именно эта песня звучала утром по радио. И Дейзи выживет! Только надо действовать. Надо стать кем-то другим. Надо умереть, но не по-настоящему. То есть, нужно, чтобы все поверили в ее смерть. Что же для этого требуется?

Дейзи притормозила. Обрыв довольно крутой, если отправить туда машину на большой скорости, она разобьется. Но взорвется ли... «Взорвется! – радостно подумала Дейзи. – У меня же газовый баллон в салоне! От удара он должен взлететь на воздух». А если машина взорвется, то и загорится. Вокруг никого нет, пока кто-нибудь проедет мимо, салон уже будет полыхать, а пока пришлют помощь, он сгорит, и Дейзи тоже. Гениально!

Дейзи сняла пиджак, вынула из сумочки кошелек и кредитную карточку, вырвала из хвоста клочок волос и разбросала их по спинке сиденья. Затем она надела на голову старую кепку и вышла из машины. Заведя мотор, она разогнала автомобиль, и он сорвался в овраг. Раздался взрыв. Дейзи перебежала дорогу и понеслась по обочине сломя голову. Затем она свернула налево, впереди показался хвост автобуса. Дейзи прибавила скорость. Пока автобус стоял на остановке, девушка успела до него добежать. Народу в салоне было немного, но Дейзи села в проходе, а не к окну. Автобус следовал на вокзал. Она опустила козырек почти на глаза и отдышалась. Слева от нее через проход сидел мужчина и смотрел газету. Сначала Дейзи не обратила на него никакого внимания, но вскоре невольно поддалась искушению почитать через плечо. У нее было отличное зрение. Ее внимание привлекла статья под заголовком «Они ехали на пикник». Дейзи не смогла разобрать каждое слово, но общий смысл поняла. Трое парней и две девушки отправились на машине из Олбани за город и попали в аварию. Четверо погибли сразу, одна выжила и находится в реанимации. Рядом была помещена фотография – пятеро молодых ребят, веселых, беззаботных, и среди них черненькая, очень сильно накрашенная девушка – вылитая Дейзи. Та самая, которая выжила. Энн Литтлвуд. «Это судьба», – подумала Дейзи. Она станет Энн Литтлвуд, пока та в госпитале. А потом будь, что будет.

Нужно было торопиться. Не пройдет и получаса, как ее сгоревшую машину найдут, и она не сможет снять со счета деньги. Ведь на нескольких долларах в кошельке Дейзи долго не продержится. Она выскочила из автобуса и побежала на вокзал, по пути купив газету с фотографией Энн Литтлвуд. Банкомат оказался свободен. Дейзи проверила свой счет, на нем находилось 8150 долларов. Она затребовала 7500. Девушка решила, что закрывать счет не следует, а Лайм точно не будет интересоваться, какая там сумма. Банкомат не желал выдавать столько наличных денег. Дейзи нетерпеливо нажимала на кнопки. Наконец посыпались крупные, пяти-сотдолларовые купюры. Девушка положила одну в кошелек, остальные засунула под майку. Бюстгальтера на ней не было. Деньги неприятно щекотали ей тело. Она выбросила кредитную карточку в первую попавшуюся урну и отправилась покупать билет до Олбани. Ближайший поезд отходил через десять минут. Дейзи вошла в вагон, села у окна и стала читать газету.

Она никогда не жила одна. Сначала Дейзи жила с матерью, потом с Лаймом. Она почти ничего не делала самостоятельно. А теперь, меньше чем за час, девушка стала другим человеком. Она сама ввязалась в настоящее приключение. Именно этого ей недоставало всю жизнь. Дейзи осознала это в те двадцать минут, в которые поезд мчался от Бостона до Олбани. Она никогда не была в этом городе. Первое, что девушка решила сделать – это позвонить в Город-

скую больницу, где, если верить газете, находилась Энн Литтлвуд. Дейзи быстро нашла номер телефона во встроенном в автомат электронном справочнике.

– Алло, это больница? Здравствуйте. Я хочу спросить, как здоровье Энн Литтлвуд. Она поступила к вам вчера. Я ее знакома.

– Мисс Литтлвуд скончалась пятнадцать минут назад.

Дейзи повесила трубку, не веря своим ушам. Умерла! Бедная девушка. Ей было двадцать два года, столько же, сколько и Дейзи. Так написано в газете. Она сирота, и те ребята тоже, они все воспитывались в одном детском доме. Какой странной иногда бывает жизнь.

Но ей некогда было переживать по поводу смерти Энн. Сама судьба привела Дейзи в Олбани. У нее очень мало времени. В больнице еще наверняка не успели сообщить властям о смерти девушки. А Дейзи нужно срочно узаконить свое новое имя. Ей необходимо выправить водительское удостоверение Энн.

Дейзи вернулась к телефону-автомату и стала искать адрес мисс Литтлвуд, а затем и полицейское управление, которое выдало ей права. Девушка понятия не имела, как туда добраться, но это было не главное. Сначала она должна была стать Энн Литтлвуд.

Дейзи пошла пешком по городу в поисках черного парика. К счастью, ей попался нужный магазин, где она купила в точности такую же паклю, какая была на голове Энн на газетном снимке. Затем Дейзи приобрела набор косметики и аптечку, которые сложила в один мешок. Оставалось самое главное – одежда. На фото Энн была в кожаной куртке, темной футболке, черных джинсах и, главное, в крысах. Дейзи терпеть не могла такую обувь даже на мужчинах. Но делать было нечего. Она купила страшную черную футболку, ужасные штаны и устрашающего вида башмаки с длиннющими носами, от которых при ходьбе раздавался отвратительный звон, ну и, разумеется, куртку-косуху. Со всей этой дребеденью Дейзи зашла в общественный туалет, плотно закрыла за собой дверцу и стала делать из себя Энн Литтлвуд. Она переоделась в только что купленные футболку и джинсы, предварительно вынув деньги из-под майки и положив их в кожаную куртку, надела крысы и занялась «приведением в порядок» головы. Дейзи в жизни не носила парика, у нее всегда были лучшие в мире волосы. Но черная пакля весьма удачно налезла на ее голову. Затем она, внимательно рассмотрев фотографию Энн, очень сильно наредила ресницы и сделала стрелки почти до середины виска. Оставались тени и помада. В качестве завершающего штриха Дейзи наклеила на лицо пару пластырей и подвязала левую руку бинтом. Посмотревшись в маленькое зеркало, она сама себя не узнала. Дейзи сложила свои вещи в мешок из-под куртки и вышла из кабины. Почему-то тяжелее всего ей было расставаться со своей старой кепкой. Тем не менее, Дейзи решительно выбросила мешок в ближайший мусорный бак.

Дейзи понятия не имела, как добраться до полицейского управления, но вопросов не задавала, чтобы не привлекать внимания. Зато она вслушивалась в речь горожан, особенно молодежи. Где-то через полчаса Дейзи наткнулась на автобус, который как раз шел в нужный ей район. Она выглядела ужасно, но своей рукой на перевязи вызывала жалость. Какой-то мужчина даже уступил ей место.

Дейзи и не представляла, что способна на такую авантюру. Она всегда в душе жутко волновалась перед тем, как идти в какие-нибудь важные организации. Дейзи и сейчас была неспокойна. Но обратной дороги не было. Было жарко, так что кожаную куртку девушке пришлось снять. Она вошла в полицейское управление уверенным шагом, хотя за минуту до этого момента у нее подкашивались колени.

– Здравствуйте! – громко и несколько развязно сказала Дейзи. – Я хочу водительские права сделать. Кто мне поможет?

– Подойдите сюда, – позвала ее девушка, сидящая за компьютером. – У Вас что, нет прав?

– Есть, конечно. Но я потеряла удостоверение. Я в аварию попала. Но за рулем меня не было, я была только пассажиркой. Можете проверить. Я Энн Литтлвуд, про нас еще в газете писали.

– Энн Литтлвуд? Сейчас проверим. Да, Вы не виноваты в аварии. Вы с четырнадцати лет водите машину?

– С рождения, как любая американка.

Этими словами Дейзи изо всех сил попыталась выказать национальную гордость.

– В происшествии Вы не попадали, – продолжала девушка-полицейский. – Жарко сегодня, не правда ли?

– Кошмар, я чуть не сдохла.

– Вы родились в Олбани пятого декабря 2022 года?

Дейзи родилась второго, но, разумеется, ответила «да».

– Учились сначала в специальной школе при детском доме, а затем...

– А затем в муниципальной этого района, – наобум продолжила Дейзи и чуть не упала в обморок от собственной наглости.

– Именно так, – подтвердила полицейская.

– В данный момент не работаю, – с еще большим нахальством сообщила Дейзи. – Но хочу начать новую жизнь. Так Вы дадите мне права?

– Сейчас, подождите секунду. Вот Ваше удостоверение.

– Спасибо Вам! – крикнула Дейзи. – Вы просто класс!

– Не за что. До свидания.

– Чао, офицер.

Дейзи вышла из управления, вертя в руках заветную карточку. Получилось! Да здравствует жара, компьютер и невнимательные чиновники! Ее теперь зовут Энн Литтлвуд, надо научиться откликаться на новое имя.

Пока девушка-полицейский обедала, на компьютер поступила информация о смерти Энн Литтлвуд. Не дождавшись команды пользователя, машина сама сделала две записи – одну о кончине мисс Литтлвуд, а другую о выдаче ей же дубликата водительских прав. Когда полицейская вернулась на свое рабочее место, компьютер работал как ни в чем не бывало и не посылал никаких запросов.

В это время Дейзи сняла перевязь и отправилась на почту. У нее как раз была мелочь на конверт в Европу. Она решила воспользоваться обычной почтой, чтобы избежать проверок. Вряд ли кто-то будет вскрывать ее ничем не примечательный конверт.

«Дорогая мама!

Когда ты получишь это письмо, я буду уже далеко. Не ищи меня. Со мной все в порядке. Не приезжай на мои похороны.

Сожги письмо вместе с конвертом.

Целую,

Дейзи».

Девушка вышла на улицу и стала думать, что делать дальше. Остаться в Олбани ей не хотелось. Она решила положиться на судьбу, поехать на автовокзал и сесть на первый междугородний автобус. Таковой нашелся довольно быстро, и направлялся он в Детройт. Дейзи было все равно. Она села на теневую сторону и наслаждалась прохладой, царившей в салоне. Девушка с утра ничего не ела, так что с огромным удовольствием выпила кофе и съела сладкую булочку.

Дейзи остановилась в Вудхавене, пригороде Детройта. Мотель оказался очень милым. Но прежде чем отдохнуть, девушка отправилась в ближайший банк открывать счет на имя Энн Литтлвуд. Она снова повесила руку на перевязь и приняла несчастный вид.

В банке ей, как и полагается, дали заполнить анкету.

– Я переехала и еще не нашла квартиру, – сказала Дейзи насчет графы «местожительство».

– Напишите старый, потом сообщите новый, – ответили ей.

– Вам, наверное, интересно, откуда у меня такая сумма, – произнесла девушка. – Я страховку получила наличными. В аварию попала.

– Сочувствую. Начинаете новую жизнь?

– Да, у меня никого нет. Все мои друзья погибли.

Дейзи выдавила из себя слезу и всхлипнула весьма правдоподобно.

– Не вешайте нос. У Вас все еще впереди. Удачи Вам.

– Спасибо, – сказала Дейзи, взяла кредитную карточку и вышла из банка. Ее душил смех, но внезапно ей стало грустно. Ведь настоящая Энн Литтлвуд умерла. Какой она была? Кого любила? О чем мечтала? «Не буду об этом думать», – сказала себе Дейзи. Так с ума можно сойти. Энн мертва, но ей нужно жить дальше. И она выживет.

Вечером Дейзи переключала каналы в поисках местных новостей. На WorldTV она не надеялась, и правильно, – она еще не стала звездой мирового масштаба. Но на ABC сообщение о ее смерти все же передали.

«Сегодня днем в автомобильной катастрофе погибла известная певица и композитор Дейзи Миллан. Тело девушки сгорело заживо. Прах Дейзи будет захоронен послезавтра. О месте и времени похорон будет сообщено дополнительно».

После официальной части включили отрывок из клипа на «Песню тебе». В конце ведущая с грустью добавила от себя: «Дейзи была прелестной и очень талантливой. Каждый, кто слышал ее хоть раз, уже никогда не забудет ее прекрасного голоса. От имени всего нашего канала я выражаю глубокие соболезнования всем ее родным и близким и, прежде всего, ее мужу доктору Миллану. Дейзи навсегда останется для всех нас маленькой американской принцессой».

Последние слова были трогательными. Дейзи улыбнулась. После смерти ее, надо признать, оценили. Девушка чувствовала почти животное удовлетворение. Ее авантюра удалась! Она спустилась поужинать в ресторан мотеля и вскоре легла спать в прекрасном настроении.

Мать Дейзи узнала о смерти дочери только на следующий день. Ей позвонили из полиции Бостона и сказали, что экспертиза только что сделала окончательное заключение. Она не верила своим ушам. Она кричала в трубку, что ее дочь не может умереть, что это бред, что она никогда этому не поверит. Ее успокаивали, но настаивали на смерти Дейзи. Мать девушки сразу же заказала билет на ближайший рейс до Нью-Йорка, но тут пришло письмо, которое ее поразило. Сама Дейзи просила ее не приезжать на похороны! Мать девушки была в растерянности. Она позвонила Лайму и поняла, что он ничего не знает, кроме того, что его жена погибла. Он сообщил, когда будут похороны, и обещал перезвонить. Мать девушки была в недоумении. Она была уверена, что Дейзи жива, но где она? Что с ней? На штемпеле стояло «Олбани», а не «Бостон», следовательно, девушка уехала из дома. Что произошло между ней и Лаймом? Наверное, что-то ужасное. Они были такой идеальной парой. Мать Дейзи вспоминала, как радовалась их браку. Еще бы, такая великолепная партия – профессор из Гарварда, никогда не был женат, хорошо обеспечен, красивый, вдумчивый и, кажется, добрый. Он понравился матери Дейзи с первого взгляда. Неужели она ошиблась? Что же случилось? Он изменил ее девочке? Вряд ли. Скорее, он оказался связанным с мафией, или с какой-то сектой, или еще с чем-нибудь... Какой ужас! А Дейзи! Что она напридумывала! Подстроить собственную смерть! Дейзи всегда была немножко странной девочкой. Даже она, ее родная мать, ее лучшая подруга, не всегда знала, что у дочери на уме. Дейзи бывала очень упрямой и порой весьма эгоистичной. Она могла заниматься целыми днями, а когда у нее ничего не получалось, говорила: «Не расстраивайся, мама, зато я многому научилась». А когда она вбила себе в голову поехать в Америку, думала ли она о матери? Пыталась ли она себе представить, как беспоко-

ятся о ней? Надо отдать должное Дейзи – она всегда звонила матери по телефону. Но сейчас девушка этого не сделала. Дейзи в опасности! Нужно срочно ехать искать ее. А вдруг от этого станет еще хуже? Мать Дейзи не знала, что и делать. Она не имеет права навредить родной дочери. Девушка запретила ей ехать в Америку. Что ж, тогда надо подождать, Дейзи должна скоро объявиться. Главное, что она жива.

Мать Дейзи сожгла письмо дочери, как та и просила. Когда позвонил Лайм, она сказала, что не сможет приехать на похороны, что у нее был сердечный приступ и врач не выпускает ее из дома. Ее зять пожелал ей здоровья и повесил трубку. Не надо этому темному человеку знать, что ее девочка жива. Так просто Дейзи бы от него не ушла, тем более, таким диким способом. Скорее бы она объявилась! Неужели она не доверяет родной матери? Что у нее за шутки! Все-таки Дейзи эгоистка, никогда не думает от других.

Дейзи думала, но ничего не могла изменить. Ей нельзя было никому звонить, тем более, матери. Девушка переживала, но держалась стоически.

В день своих «похорон» Дейзи снова ждала новостей на ABC. Как она узнала из какой-то музыкальной передачи, ее должны были хоронить на том же кладбище, где покоились мать и отец Лайма. Репортаж о Дейзи поставили в самый конец программы. Похороны производили гнетущее впечатление. Было пасмурно, царило молчание. Камера переходила с одних лиц на другие. Питер с женой, мистер Браун с матерью, Боб, Кейт, еще какие-то люди, кажется, имевшие отношение к съемкам и, наконец, Лайм. Матери Дейзи не было. Значит, она получила письмо. Слава Богу! Что-то она сейчас думает о дочери! Нет, это неважно, главное, она знает, что Дейзи жива.

Кейт плакала. Дейзи даже стало ее жалко. «Ну что ты плачешь, – так и хотелось ей сказать, – со мной же все в порядке. Это только игра». Кейт тоже была эггнисткой, как и остальные, но человек она неплохой.

Лайм был весь в черном, правда, без темных очков в отличие от других мужчин. Он не плакал, но на его лице застыло такое выражение скорби, что Дейзи стало страшно. Камера задержалась на нем, хотя он, казалось, не обращал на нее никакого внимания. В гробовой тишине неожиданно зазвучал его бередящий душу голос. Лайм читал стихотворение Кристины Россетти «Помни меня».

Помни меня, когда я уйду навек,
Уйду в далекий и безмолвный край,
Когда моя рука не будет более в твоей,
И я, остановившись, не вернусь к тебе...

Remember me when I am gone away,
Gone far away into the silent land;
When you can no more hold me by the hand,
Nor I half turn to go yet turning stay.

Remember me when no more day by day
You tell me of our future that you planned:
Only remember me; you understand
It will be late to counsel then or pray.

Yet if you should forget me for a while
And afterwards remember, do not grieve:
For if the darkness and corruption leave
A vestige of the thoughts that once I had,

Better by far you should forget and smile
Than that you should remember and be sad.¹

– Прощай, Дейзи, – произнес Лайм. – Ты любила это стихотворение...

На ее могилу дождем посыпались алые розы...

Дейзи нервным движением выключила телевизор и бросилась на кровать лицом вниз. Она захлебывалась рыданиями, и ей чуть не стало плохо. Девушка старалась не кричать, чтобы не будить соседей. Лишь усилием воли она заставила себя немного успокоиться. Дейзи изо всех сил обхватила подушку руками и уткнулась в нее лицом. Она чувствовала себя маленькой девочкой, заблудившейся в большом и очень страшном мире.

Дейзи села и, продолжая всхлипывать, взяла в руки телефонную трубку. Лайм не будет больше страдать. Она сейчас позвонит ему, будет просить прощения, говорить, что такое никогда больше не повторится... Нет, так нельзя! Нельзя сейчас проявить малодушие! Что же будет дальше, это же только начало! А Дейзи уже в истерике. Может, миссия оказалась ей не по плечу? Тогда надо было сгореть вместе с машиной или вернуться к маме и устроиться в школу учительницей музыки! Такая перспектива сразу отрезвила Дейзи. Она любит Лайма, и теперь она точно знает, что и он ее любит. Что ж, это неудивительно. Но он не должен знать, что Дейзи жива, во всяком случае, пока... Она вытащит его из эггнистской клоаки, она его спасет, разумеется, если он сам этого захочет.

Дейзи вытерла слезы, смешно размазав тушь по всему лицу. Нельзя так себя растревлять. Ей очень хотелось пожалеть себя, но язык не поворачивался назвать себя «бедной-несчастной». Ведь Дейзи сама начала эту игру. И она должна победить.

Когда произошла авария, Лайм был на экзаменах. Какой-то человек вошел прямо в аудиторию и произнес:

– Ваша жена, доктор Миллан...

В первый момент Лайм подумал, что Дейзи прислала документы на развод...

То, что последовало дальше, было похоже на кошмар. Его попросили опознать полностью выгоревшую машину. Лайм подтвердил, что это автомобиль Дейзи. Ему стали говорить, что на дороге долгое время никого не было, первая машина проехала минут через сорок после аварии, к месту происшествия было не подойти. Лайм ничего не понимал. Происходящее не укладывалось у него в голове.

– Дейзи, где она, что с ней? – повторял он, как безумный.

– Она погибла, она сгорела заживо, она не смогла выбраться из машины, удар был слишком сильным, а в салоне находился газовый баллон.

Лайм не верил, не желал верить. Он не бился в истерике, но он спорил, возражал, а когда случившееся дошло до него, он как будто окаменел. Весь день в его доме была полиция, его все время о чем-то спрашивали, Лайм отвечал, что ничего не знает, что он уехал на работу рано утром, а Дейзи собиралась на студию. Последнее подтвердил и Питер. Лайм ни словом не обмолвился о своем последнем разговоре с женой. Это было не их дело. Насчет аварии он тоже не мог сказать ничего определенного:

– Она всегда водила машину очень хорошо. Не представляю, как такое могло случиться. Может, она задумалась за рулем. Она выглядела усталой, у нее недавно закончились съемки. Это какая-то нелепая случайность.

¹ Ты помни обо мне, когда уйду / в далекий бессловесный край разлуки, / где ты не сможешь удержать за руку, / а я причин остаться не найду, / нарушу дней привычных череду, / в которых замок рушится воздушный – / Меня запомни! Но, уже не нужно / молить, скорбеть и корчиться в бреду. / Но даже если буду я забыта, / то, вспомнив, не вини себя, мой друг, / когда развеет тлен и призраки уйдут, / открою сокровенную мечту: / что лучше позабыть, храня улыбку, / чем помнить, прикусив губу (пер. с англ.)

Но сам Лайм подозревал, что авария не была случайностью. Скорее всего, Дейзи специально пустила машину под откос. Это было самоубийство. Как он мог оставить ее одну в таком состоянии, в каком она была вечером? Лайм решил, что Дейзи успокоится и сама примет решение, или о разводе, или о примирении. Она приняла решение, но другое... Если бы он только мог себе такое представить, он бы не поехал ни на какие экзамены, он бы сам отвез ее на студию! Лайм этого не сделал, и теперь чувствовал себя так, как будто это он убил Дейзи.

В первый день телефон трещал от звонков. Все были в шоке. На следующий день позвонила мать Дейзи.

– Я не знал, как Вам сказать такое... – начал было Лайм. Теща перебивала его, они пытались друг друга успокоить, и он побыстрее закончил разговор.

По электронной почте поступило несколько писем от фанатов Дейзи. Лайм и не знал, что таковые уже появились. Письма были трогательными, и все предназначались ему.

«Я видел Дейзи на концерте в Колумбийском. Это было так здорово! Не могу поверить, что ее больше нет...»

«Я была на Пасхальном концерте в Ратуше. Там выступала миссис Миллан. Я была потрясена! А сегодня в новостях я узнала, что она погибла. Этого не может быть...»

Были письма от людей, которые и не слышали Дейзи на сцене.

«Совсем недавно я видела на MTV клип. Он назывался „Песня тебе“. Я записала его на видео и показала своей маленькой дочери. Она долго расспрашивала меня о принцессе. Я узнала, что ее играет Дейзи Миллан. Я не была на концерте Дейзи, но должна сказать, что у нее незабываемый голос. Она любимая певица моей дочери. Не могу говорить о Дейзи в прошедшем времени. Невероятно, что она умерла...»

Все хором умоляли Лайма не падать духом. «Держитесь, доктор Миллан», – неслоь ото всюду. В университете ему предложили отпуск. Он отказался. Он исправно ходил на работу.

Лайм жил как в тумане. Его удивил отказ матери Дейзи приехать на похороны, но он поверил ее объяснениям. В первые дня два Лайм еще надеялся, что девушка вернется, что она каким-то образом выбралась из машины, но она не появлялась, и надежда улетучилась. Он старался не находиться дома, рано уезжал в Гарвард и возвращался поздно вечером. Выходные его пугали.

Лайм все больше и больше осознавал бессмысленность своего существования. Он все глубже погружался во тьму. Мысль, что Дейзи умерла по его вине, не выходила у него из головы. Она его так и не простила. Только в эти дни Лайм понял, что должен был сам сказать ей правду. Дейзи была максималисткой, она не смогла пережить его лжи.

Субботний вечер был особенно темным. Лайм курил, сидя в своем кабинете. При свете настольной лампы он рассматривал свадебную фотографию. Юная, беззаботная Дейзи... Скоро они встретятся... В том, ином мире, в который Лайм верил, несмотря ни на что, он найдет ее, он будет просить у нее прощения, и они будут любить друг друга и сольются в Одно. Ему стало удивительно спокойно. Лайм поставил фотографию на место, выключил лампу, докурил сигарету, прошелся по комнате, плотнее задернул шторы. Затем он вернулся к письменному столу, вынул из ящика пистолет и собирался было приставить его к виску, как вдруг чья-то до боли знакомая рука легла на его запястье.

– Не надо!

– Дейзи!!!

Пистолет упал на пол.

– Дейзи, это ты?

Она зажгла свет.

– Да, это я.

Он с трудом узнал ее в этом ужасном черном парике и с таким ярким макияжем на лице. Она балансировала на грани вульгарности, и лишь полное отсутствие разврата не позволяло ее так назвать.

– Дейзи, ты жива!

– Как видишь.

Дейзи села на стул. Она была в черной футболке и черных джинсах. Лайм смотрел на нее, не в силах выдать ни звука. Совсем не так представлял он их встречу... Неожиданно его прорвало:

– Прости меня, Дейзи, прости меня, пожалуйста. Скажи, что прощаешь меня, я так больше не могу...

Он собирался было броситься перед ней на колени, но девушка остановила его:

– Перестань, Лайм. Не надо разыгрывать мелодраму, я устала от них смертельно. Сядь, и давай поговорим спокойно.

Лайм повиновался. Дейзи внимательно смотрела на него. Ее глаза были грустными. Разговор не клеился.

– Дейзи, я все еще не верю, что это ты.

– Это я, Лайм. Но не называй меня больше «Дейзи». Меня зовут Энн Литтлвуд, я родилась в Олбани пятого декабря 2022 года. Я воспитывалась в детском доме, потом училась...

– Хватит! Я не желаю этого слушать. Что за игру ты затеяла, Дейзи?

– Зови меня Энн. У меня не было выбора.

– Дейзи, я хочу знать, что произошло на дороге.

– Хорошо, я скажу тебе. Я ехала на студию, и мне было настолько паршиво, что я готова была броситься в пропасть. Но затем я решила, что это ничего не изменит, и отправила туда машину. Дейзи Миллан погибла, Лайм, а Энн Литтлвуд днем раньше попала в аварию и умерла практически в то же время, что и Дейзи, то есть, я. Я взяла ее имя.

– Дейзи, ты затеяла опасную игру.

– Знаю. Но вообще-то я пришла по делу. Я пришла не как твоя жена, Лайм. Я пришла предложить тебе сотрудничество.

– О Господи! Ну ладно, я тебя слушаю.

– Лайм, за последние полгода я очень многое узнала об эггнизме. Я хочу знать все. Я хочу их разоблачить. Не делай большие глаза. Ты состоишь в куполе, и ты знаешь то, чего никто не знает. Я прошу тебя стать, ну, вроде как моим информатором. Шпионом. Я прошу тебя вернуться в купол, поглубже войти в эггнистские дела под предлогом того, что хочешь забыться после моей смерти. Постарайся изобразить настоящее горе... Я ведь видела свои похороны...

Ее голос дрогнул. Но Дейзи собралась с силами и продолжала:

– Потом ты выйдешь из купола, если, конечно, захочешь. Я постараюсь пробиться на телевидение и рассказать об эггнизме правду. Таков мой план. Ты согласен, Лайм?

– А что мне остается делать. Но это очень опасно.

– Я это уже слышала.

– Кстати, твоя мать знает, что ты жива?

– Да, раз она не приехала на мои похороны. Я же сама ее об этом попросила.

– Ах, вот оно что. А я еще удивлялся, почему она сначала взяла билет на самолет, а потом пожаловалась на сердце. Я как-то не обратил тогда на это внимания, но сейчас мне стало все понятно.

– Неужели ты думаешь, что моя мама не приехала бы в Америку, если бы со мной и впрямь что-нибудь случилось?

– Я не думал об этом.

– Лайм, ты никому не должен говорить о том, что я жива. Надеюсь, ты не выдашь меня.

Дейзи видела, что он обиделся.

– Ты, вероятно, считаешь меня совсем конченным человеком, – произнес Лайм. – Можешь на меня положиться.

– Прости. Как-то вырвалось. Забавно: ты причинил мне такую боль, и все же из всех людей на свете я могла пойти только к тебе...

Некоторое время они молчали. Дейзи встала, прошлась взад-вперед, чужая, новая Дейзи...

– Лайм, нам нужно о чем-то договориться, – произнесла она.

– Я же сказал, что согласен на все твои условия.

– Я рада. Иначе я бы ушла, и ты бы меня больше не увидел. Нам необходимо обговорить, как мы будем держать связь.

– Дейзи, я тебя такой не знал. Никогда бы не подумал, что ты на такое способна.

– Лайм, прошу тебя, называй меня «Энн». Иначе все пропало.

– Хорошо, Энн. Так что мы решим насчет связи?

– Некоторое время я буду обустраиваться на новом месте. Я сейчас живу в мотеле в Детройте. Я позвоню тебе во вторник в семь вечера в автомат на углу и сообщу номер своего автомата. Когда я, наконец, найду квартиру, я сообщу тебе номер другого автомата. Но не ищи меня и не звони мне домой.

Лайм попытался улыбнуться.

– У тебя изобретательный ум, Энн. Тебе бы в разведке работать. У тебя отец, часом, не шпион?

– Точно не знаю. Но прошу тебя, отнесись к моим словам со всей серьезностью. Игра опаснее, чем ты думаешь. Один неверный ход – и Бог весть, что может случиться. Мы должны быть осторожными. И еще – никакого насилия. Выброси из дома все оружие, оно и так чуть не довело тебя до греха. И не кури. Вредно для легких. Кстати, закрывай на ночь входную дверь.

Дейзи встала и поправила волосы.

– Мне нужно возвращаться в Детройт. Я взяла машину напрокат до утра. До свидания, Лайм.

– До свидания, Энн.

Она подошла к нему, обняла на прощанье и быстро вышла из дома. Физический контакт всегда сближал их. Лайм подошел к окну. Он видел, как Дейзи выходит из дома, садится в машину. Внутри у него как будто что-то прорвалось. Он разрыдался, и это были его первые слезы за все прошедшие дни. Это была разрядка. Ночь прошла. В его жизни забрезжил рассвет.

Дейзи мчалась в Детройт на бешеной скорости. Она была спокойна. Впереди было много дел, прежде всего, – поиски квартиры, но главное – разговор с Лаймом – было позади. Утреннее солнце освещало дорогу, и Дейзи невольно улыбнулась.

Часть II

Глава 1

Дейзи сидела за компьютером и искала в сети информацию о стипендиях. День был жаркий, но в ее просторной двухкомнатной квартире не было духоты. Девушка негромко напевала собственную песню на стихи Лайма, все время повторяя одно и то же место: «И если тебя любовь предала, оставайся, Дейзи, собой». В оригинале значился цветок, маргаритка, а не имя девушки, но об этом она не вспоминала. Любовь ее не предала, любовь ее ослепила... Дейзи вздохнула и внимательно посмотрела на экран. Среди заголовков газетных и журнальных статей ее заинтересовал один: «Кому помешала маленькая принцесса?» Нетрудно догадаться, что принцессой была сама Дейзи. Статья была совершенно бредовой. Смерть Дейзи в ней связывалась с разборками между ведущими американскими продюсерами. Девушка всегда была очень далека от подобных вещей. Она никогда и не слышала имен людей, упоминавшихся в статье. Один отрывок ее особенно возмутил: «Дейзи Миллан была очень самобытной и пела то, что хотела. Что именно ее пытались заставить исполнять? Мы этого точно не знаем, но нет сомнений, что это были коммерческие проекты. Вероятно, Дейзи отказалась и поплатилась за это жизнью».

«Чушь какая! – подумала девушка. – Надеюсь, Лайм как-то отреагирует на такое вранье. Как глупы люди, не понимают, что разборки – только ширма, а по-настоящему шоу-бизнес контролируют эггнисты».

Дейзи закрыла статью и продолжила поиски стипендии. Кажется, нашла! «Фонд поддержки сирот. Оплата обучения в лучших университетах страны». Дейзи взглянула на крайний срок подачи заявок – пятнадцатое августа! Сегодня десятое, впереди выходные. Нужно торопиться. Надо срочно получить аттестат Энн Литтлвуд. Дейзи стала искать электронный адрес школы, которую заканчивала покойная. И тут ее осенило – свидетельство о рождении! У нее его нет. Что же делать? Ехать в Олбани? Нет, это опасно, Дейзи могут взять с поличным. Но, может быть, документы Энн все еще в школе? Может, там сохранилась хотя бы копия ее свидетельства о рождении? Ведь фонд принимает копии. Энн, сама Энн должна помочь Дейзи!

«Помоги мне, Энн! – воскликнула про себя девушка. – Пусть все твои документы окажутся в твоей школе. Ты же знаешь, мне нужна эта стипендия, мне нужно поступить в университет. Я ведь не собираюсь там плевать в потолок, я буду заниматься эггнизмом! Ты, наверное, если бы меня встретила, плюнула бы мне в физиономию и сказала бы, что я богатая идиотка, которая бесится с жиру. Но я никогда не была очень богатой, Энн, и я попала в переплет. Я собираюсь бороться за правое дело, не ради себя, ради всех. Прошу тебя, помоги мне».

Дейзи отправила запрос в школу Энн. Ответ пришел где-то через час.

«Уважаемая мисс Литтлвуд,

Высылаем Вам электронную версию Вашего аттестата. Пакет документов, которые хранились в Вашем личном деле, включая копию свидетельства о рождении, будет отправлен Вам по почте сегодня во второй половине дня.

С уважением,

и т.д., и т.п.»

Дейзи захлопала в ладоши. Правда, когда она изучила аттестат Энн, ее радость почти исчезла. Оценки мисс Литтлвуд были более чем средними. Дейзи вспомнила свой, почти отличный аттестат. «Ладно, нечего жаловаться, – сказала про себя девушка. – На безрыбье и рак рыба. Жаль, Энн не начала учиться в каком-нибудь колледже, тогда можно было бы восстановиться». У Дейзи тоже не было высшего образования. Правда, в отличие от Энн, школу она закончила прекрасно.

На следующий день в сети появилось письмо доктора Миллана – ответ на статью «Кому помешала маленькая принцесса?» Лайм был взбешен и особо не стеснялся в выражениях. Он назвал автора статьи лгуном, ослом, который сам не знает, что несет. Лайм повторил раз пять, что у Дейзи не было врагов и никто не давил на нее в плане репертуара. Он заявил, что впервые слышит фамилии продюсеров, упомянутых в статье. «Я не позволю омрачать светлую память моей жены и спекулировать на ее нелепой и безвременной смерти», – так закончил свое письмо доктор Миллан. Разумеется, в случае, если ему не будут принесены извинения, он обещал подать в суд.

Дейзи понравилась реакция Лайма. Она несколько раз перечитала его ответ на статью, повторяя про себя: «Молодец, молодец, дорогой!» Дейзи чувствовала удовлетворение.

В конце того же дня пришли документы Энн Литтлвуд. Дейзи изучила бумаги, отобрала необходимые для получения стипендии и заполнила анкету. Оставалось только послать весь пакет документов в фонд. Дейзи успела на почту перед самым закрытием. Девушка прикинула, что, несмотря на выходные, фонд должен получить ее бумаги уже в понедельник, самое позднее, во вторник, пятнадцатого. Дейзи была уверена, что уложится в срок.

Так и произошло. Вечером пятнадцатого по электронной почте пришло подтверждение того, что документы Энн Литтлвуд получены Фондом поддержки сирот. Дейзи была довольна и на радостях проговорила с Лаймом по телефону дольше обычного. Они по-прежнему звонили друг другу из автомата в автомат во вторник в семь вечера.

– Ты читала эту чушь в сети, Энн? – спросил ее Лайм.

– Да, полный бред.

– А мое письмо? Я все правильно сделал?

– Да, мне очень понравился твой ответ. Ты молодец. Кстати, они принесли тебе извинения?

– Принесли. Обещали, что такое больше не повторится.

– Ну и хорошо.

– Что ты собираешься делать в ближайшее время?

– Получить стипендию и поступить в университет.

– Энн, ты с ума сошла! Прием закончился еще весной.

– Какие мы знающие, – язвительно заметила Дейзи. – Нет, Лайм, я поступлю в университет сейчас, я выцарапаю это, вот увидишь!

– Возможно, вполне возможно. Ты теперь не такая, как раньше. Удачи тебе, Энн.

– Спасибо. Я, наверное, не смогу позвонить на следующей неделе, буду заниматься университетом. Давай созвонимся через две недели. Ты согласен?

– А что мне остается делать. Буду ждать твоего звонка во вторник в то же время.

– Это будет двадцать девятое число. Я позвоню тебе в автомат.

– Будь осторожна.

– Ты тоже.

– Я люблю тебя.

– Я тебя тоже, – тихо отозвалась Дейзи.

– До свидания, Энн.

– До свидания, Лайм.

Дейзи повесила трубку и пошла домой. «Я люблю тебя», – снова прозвучали в ее ушах слова Лайма. Будто присказка. Ей стало грустно. Она держала свое обещание – они перезванивались каждую неделю. Но прежней близости не было. Дейзи знала, что в этом по большей части ее вина. Ее тон, то прохладный, то насмешливый, а то и вовсе официальный, – как еще на такое мог реагировать Лайм? Дейзи села за стол, выпила чашку чая. Что за неприятное ощущение у нее в животе? Девушке было не по себе. Разговор с Лаймом подействовал на нее возбуждающе. Надо же иметь такой тембр голоса! Дейзи положила на живот обе

руки. Сколько времени она не занималась любовью? Около трех месяцев? А раньше они с Лаймом были близки обычно два раза в неделю. Ее организм восстал против длительного воздержания. Но не может же Дейзи позвонить Лайму и сказать, что ее живот требует близости! Девушка представила себе его удивление, и ей стало смешно. Интересно, как он переносит разлуку с ней? Вероятно, ушел с головой в работу. Сублимация. Надо попробовать. Но сейчас она уже все сделала, а успокоиться необходимо. Нужно что-то придумать.

Дейзи поужинала и вскоре легла спать. Она вспомнила, как раньше смеялась над рассказами о женщинах, которые заболели после развода, о каких-то стимуляторах для жен моряков. Знала ли тогда Дейзи, что не пройдет и пары лет, и у нее будет та же проблема? Нет, она не докатится до стимуляторов. Самоудовлетворением Дейзи тоже никогда не занималась, чувствуя отвращение к этому способу. Зато она превосходно владела самовнушением. Дейзи легла на спину и представила, что они с Лаймом занимаются любовью так, как они не делали никогда – быстро, безо всяких прелюдий. Она успокоилась. Ей стало хорошо.

Стипендию Дейзи получила. Уведомление об этом пришло по электронной почте в понедельник, двадцать первого августа. Дейзи сразу же стала искать в сети информацию о близлежащих университетах. Ей приглянулся Мичиганский университет, колледж литературы, науки и искусства. Дейзи изучила факультетские программы, представленные в сети, и ей понравился курс истории искусств. Вот где она сможет спокойно заниматься эггнизмом. Девушка выписала адрес, выяснила, как добраться до колледжа и решила отправиться туда, как только получит бумагу от Фонда по почте. До Анн Арбора, городка, в котором расположен Мичиганский университет, было километров семьдесят. Дейзи считала, что это близко.

Во вторник днем девушка собрала все бумаги для университета, уложила их в папку, сверху засунула официальное подтверждение о получении стипендии и отправилась в путь. День был солнечный, но не жаркий, так что Дейзи надела кожаную куртку-косуху. Она выглядела, как всегда, ужасно в своей черной «униформе» – джинсах и футболке, в крысах и с «боевым раскрасом» на лице. Девушка села в свою маленькую подержанную машину ярко-красного цвета, которую купила еще в середине июля. Дейзи ехала по улицам Детройта, думая о предстоящей аванюре, третьей по счету за последние два месяца. Она вспоминала, каким испытанием для нее было раньше любое обращение к начальству, и перед ее глазами вставало недовольное лицо матери: «Опять ты мнешься у двери! Что у тебя за манеры!» Дейзи решила преодолеть этот страх раз и навсегда. Она была спокойна. Положив в рот жвачку, Дейзи вошла в здание колледжа.

– Скажите, где у вас тут комиссия по приему? – спросила девушка в информации.

Ее смерили оценивающим взглядом и объяснили, где находится нужный ей кабинет.

Дейзи встретила секретарша.

– По какому Вы вопросу?

– По поводу приема в колледж.

– Садитесь, пожалуйста. Вы подавали заявку?

– Нет.

Дейзи постаралась изобразить удивление, продолжая жевать жвачку.

– Заявку нужно было подать до первого марта, а документы – до первого июля. Вы опоздали.

– Как опоздала?

– Вот так. Приходите на следующий год.

– Какой следующий год? Да послушайте же Вы меня. У меня стипендия.

С этими словами Дейзи ловким движением выхватила из папки бумагу от фонда и положила на стол, прихлопнув сверху рукой. Вид у девушки был победоносный.

– Я рада, что Вы получили стипендию, но это не имеет значения, – ответила секретарша. – Прием на этот год закончен.

– Что значит закончен? Я сирота, и у меня стипендия, меня обязаны принять! – возмутилась Дейзи.

– Все сроки уже прошли, неужели Вы не можете понять! – пыталась объяснить секретарша, с трудом сохраняя спокойствие.

Дейзи взорвалась.

– Что за дела? – закричала она. – Я сирота, нас и так везде притесняют! Еще и Вы тут! Сроки, видите ли, прошли! У меня стипендия! Черт побери, я буду на вас жаловаться! Не дают человеку возможности учиться! Черт побери!

Дейзи еще несколько раз вспомнила черта, потрясла бумагой перед самым носом секретарши и стала носиться по кабинету, размахивая руками. Так она не вела себя еще ни разу в жизни.

– Я Вас выгоню! – заорала на нее секретарша.

– Ладно, – Дейзи остановилась и прекратила размахивать руками. – Я сейчас сяду и буду сидеть, пока Вы меня не примите.

– Можете сидеть хоть до Нового года, – пожала плечами секретарша.

Дейзи энергично жевала жвачку, периодически раздражаясь тирадами типа:

– Думаете, сиротам хорошо живется? Ничего подобного. С тех пор, как в нашей стране прошла мода на приемных детей, мы растем в детских домах. Представляете, какие нам там могут дать рекомендации!

После этого Дейзи замолкала, и на некоторое время становилось тихо. По прошествии минут десяти секретарша спросила ее:

– Вы что, так и собираетесь здесь сидеть?

– Да, – нагло ответила Дейзи.

– Вы мне надоели. Идите к декану.

– Какому декану?

– Декану по работе со студентами. Я ей позвоню.

Секретарша взглянула на Дейзи так, будто хотела сказать: «Сразу видно, где Вы выросли», и сняла трубку.

– Алло, мадам? К Вам посетительница. Как Вас представить? – спросила она Дейзи.

– Литтлвуд. Энн Литтлвуд, – четко произнесла девушка.

– Энн Литтлвуд, мадам. Она сейчас к Вам придет.

Секретарша повесила трубку и сказала Дейзи:

– Идите же. По коридору вторая дверь налево.

– Как звать-то ее? – спросила девушка.

– Кого?

– Декана.

– Миссис Андехилл.

– Спасибо.

Дейзи взмахнула рукой и пулей вылетела из кабинета. Секретарша в ужасе посмотрела ей вслед. «Ну и кадр!» – подумала она.

Дейзи ввалилась в кабинет декана без стука. Это была пожилая интеллигентная дама, правда, без надменности миссис Браун.

– Здравствуйтесь, – спокойно сказала она.

– Здравсьте, – громко ответила Дейзи. – Слушайте, я тут прихожу, а мне и говорят – прием окончен...

– Подождите, – прервала ее декан. – Объясните мне, по какому Вы вопросу.

– Я и пытаюсь. Я хочу учиться в вашем колледже.

– Похвальное желание. Но прием давно завершен.

– Опять двадцать пять! – воскликнула Дейзи. – Я это уже слышала. Но я сирота, и у меня стипендия. Ваша, ну та, как ее там, – Дейзи выразительно показала в сторону двери, – меня к Вам послала.

– Секретарь, – с улыбкой подсказала декан.

– Ну, конечно, секретарша.

– Сядьте, мисс Литтлвуд. И послушайте теперь меня.

Дейзи села напротив декана, положила ноги на стол и стала выразительно жевать.

– Вы должны были прислать заявку до первого марта, – продолжила миссис Андеhill, – и подать документы до первого июля.

– Да я в марте еще и не думала учиться, – просто сказала Дейзи.

– Это Ваши проблемы, – резонно заметила декан. – Я вообще не понимаю, почему Вы выбрали наш университет. Есть же Университет Детройта, и другие.

– Я слышала, ваш самый де-мо-кра-тич-ный.

Последнее слово Дейзи произнесла по слогам. Миссис Андеhill с трудом сдержала смех.

– Хорошо, допустим, Вы не успели прислать заявку, – сказала декан. – Но почему Вы вовремя не подали документы?

– Да не могла я их подать к первому июля! – воскликнула Дейзи, вскочив на ноги. – Я в аварию попала, чудом осталась жива. Единственная. Все мои друзья погибли. Понимаете, погибли! Я осталась одна на всем белом свете! Я сирота, у меня никого нет. Вообще никого, понимаете! Вы не теряли все сразу. Я всех потеряла, всех, кого любила, кто был мне дорог, понимаете, всех!

Дейзи остановилась посередине кабинета. Последние слова она сказала не как Энн Литтлвуд, она произнесла их от себя, и в них не было фальши. Она краем глаза заметила изменившееся лицо миссис Андеhill. Дейзи вернулась на свое место и снова положила ноги на стол.

– Я Вам очень сочувствую, – медленно произнесла декан. – Примите мои искренние соболезнования.

– Теперь Вы понимаете, что мне необходимо учиться. Мне ведь уже почти двадцать три, миссис Андеhill, а специальности все нет. Вот я и решила – надо что-то менять. Уехала из Олбани, получила стипендию.

– Уберите ноги, мисс Литтлвуд, если Вас не затруднит, – строго сказала декан. – Я не вижу Вашего лица. И не имейте привычки жевать, когда с Вами разговаривают.

Дейзи спустила ноги на пол и вынула изо рта жвачку.

– Так-то лучше. И какой же факультет Вас привлекает, мисс Литтлвуд?

– Истории искусств.

Миссис Андеhill чуть не поперхнулась.

– Да, ну у Вас и запросы.

– Возьмите меня, мэ, – взмолилась Дейзи, сильно подавшись вперед. – Я буду хорошо учиться. Вы не пожалеете, что меня приняли. И вести себя я буду хорошо. Прилично.

Миссис Андеhill прыснула.

– Покажите Ваш аттестат.

Дейзи протянула ей бумагу.

– У Вас невысокий балл. Вам бы пришлось сдавать дополнительные экзамены.

– Да я ж тогда душой была, – объяснила Дейзи. – А теперь образумилась.

– У Вас, конечно, есть стипендия, – начала было декан. Дейзи почувствовала, что победа не за горами, и, резко бросившись вперед, прямо на миссис Андеhill, выпалила:

– Возьмите меня, пожалуйста, я буду...

– Перестаньте, – прикрикнула на нее декан, отпрянув назад. – Не надо так реагировать. Скажите лучше, какой темой Вы собираетесь заниматься в колледже?

– Эггнизм в искусстве, – не моргнув глазом, ответила Дейзи, – и в литературе.

Декан чуть не подавилась.

– У каждого свои увлечения, – добавила девушка.

– Ладно, – выдохнула декан, – считайте, что Вы зачислены.

– Спасибо, мэм! – крикнула Дейзи, подпрыгнув на стуле от радости. – Вы не бю-ро-крат-ка.

Это слово девушка выговорила с трудом.

– Нет, я не бюрократка, – с улыбкой сказала декан. – Идите сейчас к секретарю, заполните анкету. Спросите ее, как пройти в департамент истории искусств, посмотрите расписание. В этом году занятия начинаются первого сентября.

– Спасибо, мэм, – повторила Дейзи.

– Да, кстати, оставьте свои документы у меня на столе, прежде всего, подтверждение о получении стипендии.

Дейзи положила всю папку. Она уже собралась уходить, когда миссис Андеhill спросила ее:

– Вам говорили, что Вы похожи на Дейзи Миллан?

Сердце девушки ушло в пятки, но она не подала вида.

– Все уши мне об этом прожужжали, – отозвалась она. – Кажется, Дейзи погибла на следующий день после того, как я попала в аварию. Она была такой молодой, красивой...

– Дейзи Миллан была прелестной, интеллигентной, с такой высокой культурой, – промолвила декан. – Боюсь, Вам до нее далеко.

– Я и не хочу быть на нее похожей, – сказала девушка. – Я хочу быть собой. Энн Литтлвуд.

– Что ж, Энн Литтлвуд так Энн Литтлвуд. До свидания, мисс Литтлвуд.

– До свидания, и спасибо, мэм. Вам не придется за меня краснеть.

С этими словами Дейзи вышла из кабинета декана. Миссис Андеhill покачала головой. Ну и перл! Краски на лице – на пять человек хватит, а одежда, а обувь! А манеры – ноги на стол, жвачку жует, даже когда говорит! И как ей удастся не подавиться! Танк, а не девица. И все-таки что-то в ней есть, что-то, чего миссис Андеhill не находила даже в студентах-отличниках. Похоже, скучать больше не придется.

Дейзи с победоносным видом вернулась к секретарше, потребовала анкету и тайком показала ей язык. Затем она нашла департамент истории искусств, переписала расписание и вышла на улицу. Настроение у нее было превосходное. Какой сегодня веселый и счастливый день! Дейзи побежала по улице, высоко подпрыгивая и подбрасывая шарик от жвачки! Она студентка! Она смогла это сделать!

Девушка села в машину и стала на радостях отбивать на руле марш. Она была счастлива. Теперь нужно найти какую-нибудь работу, ведь деньги скоро кончатся. Дейзи не сомневалась, что ее найдет.

Казалось, весь город утопал в солнечном свете. Дейзи дышала полной грудью. Она чувствовала, что полюбила Детройт. Какой-то парень помахал ей рукой из соседней машины, девица вида проститутки сказала ей на улице «Привет». Дейзи улыбалась всем. Ей было наплевать, кто они, – они отвечали на ее радость. Даже бабули пуританского типа смягчились при виде ее счастья. Дейзи впервые чувствовала себя своей. На нее больше не смотрели как на инопланетянку. Если бы не эггнисты, девушка считала бы себя совершенно счастливой. Она не может не победить.

Глава 2

Дейзи лежала на диване, закрыв глаза. Она пыталась расслабиться. На улице было шумно, люди возвращались с работы. Сентябрь подходил к концу.

Неожиданно зазвонил телефон. Дейзи с удивлением сняла трубку.

– Алло!

– Алло, Энн! Это я, Лайм.

– Лайм?!

Дейзи села на стул.

– Лайм, как ты узнал мой телефон?

– Через сеть, разумеется.

– Лайм, сегодня, по-моему, не вторник. И вообще, я же просила тебя не звонить мне домой.

– Во вторник мы не разговаривали.

– Я же предупредила, что у меня важная лекция.

– Энн, как твои дела? У тебя усталый голос.

– У меня все хорошо. Я отдыхала.

– Я за тебя беспокоюсь. Чем ты сейчас занимаешься?

– Я работаю на почте. И учусь. Ты же знаешь, что я поступила.

– Да, я поздравлял тебя. Поздравляю еще раз. Подожди, где ты работаешь? На почте?

Во сколько ты встаешь?

– Рано.

– Энн, ты же никогда рано не вставала!

– Ничего, уже привыкла.

Это не было чистой правдой, но Дейзи не собиралась жаловаться.

– Энн, ты угробишь себя! Давай я оплачу тебе квартиру на год вперед. И вообще, я могу тебя содержать.

– Я не возьму от тебя ни цента, – твердо ответила девушка.

– Энн, это глупо. Зачем тебе такая работа? Учись себе на здоровье.

– Я уже сказала – я ничего от тебя не возьму. Если ты пришлешь мне деньги, я отправлю их тебе обратно. Не звони мне сюда больше. У тебя все в порядке?

– Да. Но, Энн...

– Тогда до свидания. До вторника.

Дейзи бросила трубку. Сумасшедший! Их же могут подслушать! Он, видите ли, беспокоится о ней. Квартиру ей оплатить хочет! Нет, так не пойдет. Дейзи больше ни от кого не будет зависеть. Она всего добьется сама. От Лайма помощь требуется в другом – в сборе информации об эггнизме. Они ведь договорились действовать вместе. А он забивает себе голову всякой чепухой.

Наутро в полседьмого Дейзи была уже на почте. Она забрала корреспонденцию и начала «обход территории». Девушка не пользовалась ни машиной, ни велосипедом, предпочитая ходить пешком. Жалоб на нее пока не поступало. Напротив, ее считали доброжелательной и ответственной, хоть и некрасивой.

Девушка отказалась от формы почтальона – заявила, что будет носить свою одежду, а в другой ей неудобно. Дейзи произнесла целую речь по поводу того, что пора отказываться от глупых традиций. Не все были с ней согласны, но, тем не менее, ей разрешили одеваться так, как она хочет.

Дейзи шла по улице, звеня «шпорами» на «крысах». Ее черные волосы были зачесаны за уши, а челка почти полностью закрывала низкий лоб. Никто и не догадывался, что девушка носит парик. Дейзи этим гордилась.

Неожиданно ее окликнули:

– Энн!

Девушка отступила от края тротуара.

– Энн!

Дейзи узнала этот голос. Она остановилась и обернулась. Из окна джипа выглядывал Лайм. Он улыбался. Дейзи бросило в дрожь от мысли, что он не спал всю ночь. Лайм похудел, у него появилась седина, но в целом он выглядел потрясающе. Дейзи не смогла скрыть радости и невольно улыбнулась в ответ.

– Лайм, ты напугал меня, – сказала она. – Зачем ты приехал?

– Хочу оплатить твою квартиру, – просто ответил он.

– Но я не хочу. Мне кажется, вчера мы все обсудили.

Ее радость исчезла. В голосе появилось раздражение.

– Если это месть, – произнес Лайм, – то она тебя недостойна.

– Это не месть, – возразила Дейзи. – Просто я не нуждаюсь в твоей помощи. Я всего добьюсь сама. Если тебе некуда девать деньги, купи что-нибудь, ну, манускрипт на санскрите, например.

Лайм проглотил ее оскорбление.

– Сейчас семь часов утра, – спокойно сказал он. – В это время ты обычно еще спишь. Я не могу видеть тебя на работе в такую рань. Ты надорвешься. Я не могу этого допустить. Я не видел тебя три месяца, я не знаю, как ты живешь...

– Как я живу? – переспросила Дейзи. – Я живу прекрасно. Я встаю в полшестого утра, да, очень рано. Но я и ложусь теперь намного раньше. Утром я хочу спать, но я всегда делаю зарядку, а потом завтракаю. Я чувствую себя свободным человеком, понимаешь? Я прихожу на почту в полседьмого и работаю до девяти. Потом я отправляюсь в университет, там же обедаю и часто возвращаюсь домой уже вечером. Раз в два дня я хожу в спортивный зал, раз в неделю – в бассейн. Вечером я занимаюсь, смотрю новости, ужинаю и иду спать. Устаю ли я? Да, устаю. Но у меня легко на сердце. Я жила в заколдованном мире, Лайм, и ты его заколдовал. А теперь я живу в реальном. Я знаю, каким образом я попала в университет, как я нашла работу. Я живу как нормальный человек.

– Что ж, я рад, – коротко отозвался Лайм. – Но все равно, нам нужно поговорить.

– О чем нам говорить, Лайм? Я просила тебя не звонить мне домой – ты позвонил. Я просила тебя не приезжать – ты приехал. Зачем ты это делаешь? Хочешь меня подставить? Уезжай, Лайм, нам с тобой не о чем говорить, во всяком случае, сегодня.

Дейзи пошла дальше, машина ее мужа двигалась параллельно.

– Твоя мать приезжала, – произнес Лайм. – Она искала тебя. Ее видели на кладбище. Она явно избегает меня. Тебе это интересно?

– Да, – на лице Дейзи не дрогнул ни один мускул. Она превосходно владела собой.

– Вероятно, ты сказала ей обо мне что-то ужасное.

– Нет, этого не было.

– Тебе не кажется, что я должен сказать ей правду?

– Нет. Она знает, что я жива.

– Энно, это жестоко.

– Может быть. Но я запрещаю тебе что-либо ей говорить. По-моему, мы об этом договаривались.

– Энно, садись в машину. Так очень неудобно разговаривать.

– Тебе надо – ты и выходи из машины. Я не понимаю, зачем ты приехал. Я звоню тебе каждый вторник, если не могу позвонить, то предупреждаю заранее. Попробуй скажи, что это не так.

– Да, ты держишь свое слово, – резко сказал Лайм, выйдя из машины и сильно хлопнув дверью. – Ты стараешься все делать правильно.

– Так в чем проблема?

– Да в том, что мне осточертел твой официальный тон!

Дейзи взглянула на него с удивлением.

– Я не понимаю, о чем ты.

– Прекрасно понимаешь. Ты держишь обещание, но на меня тебе наплевать. Ты исполнишь свой долг. Я давно не слышал от тебя ни одного теплого слова, одни дежурные фразы: «Как у тебя дела? У тебя все в порядке? Как работа?» Ты должна их произносить – ты их производишь. Я устал так жить, Энн.

– Лайм, мы партнеры, – жестко сказала Дейзи. – Мы делаем общее дело, и чувства здесь не при чем. Не нужно их сюда примешивать.

– Чувства! – воскликнул Лайм. – Какие чувства, Энн? У тебя нет ко мне никаких чувств. Признайся себе честно, Энн – ты больше не любишь меня. Ты не можешь меня простить. Я могу валяться у тебя в ногах – это ничего не изменит. Ты тогда сказала, что не желаешь меня больше видеть. Это было правдой.

– Я сказала это в бешенстве, – ответила девушка. – Я могла сказать тогда все, что угодно.

– Нет, Энн, это была правда. Я не знаю, зачем ты вернулась.

Дейзи стояла молча, маленькая и колючая, как дикобраз.

– Я устал так жить, – повторил Лайм. – Ты не любишь меня.

– Прекрати ныть. Ты ведешь себя, как отвергнутый любовник.

– Мое положение еще глупее.

– Считай как знаешь.

– Ты хочешь победить во что бы то ни стало. И ты решила меня использовать.

Лайм видел, как Дейзи изменилась в лице.

– Я тебя не использую, – медленно произнесла она. – Но если ты хочешь выйти из игры, так прямо и скажи. Можешь всем рассказать, кто я. Вряд ли мне дадут за подлог большой срок. Года два, не больше, а может и год условно. Только если ты это сделаешь, знай, что я сразу потребую развода. Может, я успею вернуться к матери до суда. Правда, что мне там делать? Вероятно, придется искать еще один овраг...

– Ты издеваешься надо мной! – взорвался Лайм. – И получаешь от этого удовольствие!

Дейзи продолжала намного спокойнее:

– Лайм, мы вместе делаем дело. Знаешь, что такое партнерство? Это доверие, это уважение друг к другу...

– И свое наплевательское ко мне отношение ты называешь уважением? – перебил ее Лайм.

– Мне не наплевать на тебя. Но когда люди вместе работают, они не должны примешивать сюда свои личные отношения. Они должны полагаться друг на друга как на самих себя. Они должны доверять друг другу, держать слово. Вот что такое для меня партнерство.

Дейзи сказала это очень гладко, и Лайм заметил неожиданно:

– Мне кажется, ты уже кому-то говорила эти слова.

– Нет, но хотела сказать, – коротко ответила Дейзи.

– Что, первая любовь?

– Скорее первая большая глупость. И предательство. Я хорошо знаю цену человеческой неблагодарности.

Дейзи замолчала. Она больше не была вызывающе-неприступной Энн Литтлвуд. Она была простой девчонкой, еще совсем юной, которой вдруг напомнили о чем-то очень неприятном. Лайм смотрел на нее с изумлением. Все его раздражение вмиг исчезло.

– Прости меня, Энн, – тихо сказал он. – Я наговорил кучу глупостей.

– И ты меня прости, – отозвалась Дейзи. – Я тоже была хороша.

– Тогда до вторника, – сказал Лайм, протягивая ей руку.

– До вторника, – повторила Дейзи, пожимая ее.

– До свидания, Энн.

Лайм вернулся в машину, положил локти на руль и посмотрел вслед Дейзи. «Я хорошо знаю цену человеческой неблагодарности», – звучали в его ушах слова девушки. Что у нее случилось в жизни, из-за чего она стала такой недоверчивой? Почему он об этом ничего не знает? С какой горечью Дейзи произнесла эти слова! Кто принес ей такое разочарование? Кто был тот негодяй?

Задаваясь этими вопросами, Лайм поехал обратно в Бостон. Дейзи продолжала идти по улице, вцепившись в сумку почтальона. Воспоминания волной нахлынули на нее. «Ты меня используешь», – увы, не впервые Дейзи бросали в лицо эти жестокие слова. Но Лайм, почему Лайм их сказал? Разве не хватило ей той, юношеской боли? Словно кинжалом в сердце. Другое лицо, другой голос, но те же самые обвинения.

Любовь? Нет, то была не любовь, то была прежде всего жалость. Но обида на несправедливость была огромной, и именно тогда у Дейзи был единственный в жизни сердечный приступ. «Он тебя недостойн, – кричала на нее мать. – Что ты из-за него переживаешь? Может, ты еще плакать из-за него будешь?» А Дейзи плакала и никак не могла понять – за что? Почему ее предал человек, которого она считала своим другом и которому она вроде бы нравилась? Разве она не была честной с ним?

От этих мыслей Дейзи чуть не расплакалась. Но на сей раз она сумела взять себя в руки. «Никаких слез», – сказала она себе. Неприятный осадок от разговора с мужем остался у нее до вечера. Правда, в конце Лайм притих и попросил прощения. Дейзи тоже чувствовала себя виноватой. Что у нее за характер? Чуть-чуть обозлится – и тут же забирается в раковину, как улитка, и начинает метать оттуда стрелы. Если бы Лайм не заставил ее вспомнить прошлое, она могла бы потерять его навсегда. При этой мысли у Дейзи сжалось сердце. Как он только мог подумать, что она его не любит! Дейзи была не из тех, кто умеет просить прощения. Правда, на этот раз все было по-другому, и девушка вполне ясно представила себе объяснение с Лаймом и свои извинения.

Ночью ей приснился кошмар в образе пистолета, о котором она запретила себе думать в тот самый вечер, когда увидела его дуло. Мысль о том, что было бы, если бы Дейзи вошла тогда в комнату на минуту позднее, девушка похоронила в самом дальнем уголке своей души. В ее сне, однако, проклятый пистолет стрелял сам во все стороны, пока не исчез в темноте, а Дейзи не оказалась рядом с Лаймом. Она цеплялась за его плечи, кто-то будто отгаскивал его от нее, и кричала: «Я люблю тебя, я люблю тебя!» В конце концов Лайм рассмеялся и сказал: «Знаю, знаю, детка, ты меня любишь, и я тебя люблю». На его лице засияла улыбка, которую Дейзи так любила, и они оба вдруг оказались в солнечном Анн Арборе. Девушка проснулась с ощущением счастья, но вскоре горечь вернулась, и оставшиеся до вторника дни были для нее непростыми, особенно выходные.

– Кто был тот человек? – таков был первый вопрос, который Лайм задал Дейзи по телефону.

– Какой человек?

– Тот, который тебя предал.

– Лайм, какая разница, это было почти восемь лет назад.

– Но все-таки...

– Это долгая история.

– Я готов слушать.

– Нет, не по телефону. Как-нибудь расскажу, потом.

– Эмм, я должен это знать.

– Это совсем не интересно.

– Мне интересно.

Дейзи стала надоедать его настойчивость.

– Лайм, не надо на меня давить, я все равно сейчас ничего не скажу. Это было очень давно.

С минуту они молчали.

– Ты очень обидел меня, Лайм, когда сказал, что я решила тебя использовать, – проговорила девушка.

– Прости меня. Я не хотел тебя обидеть. Я считал, что должен сказать тебе правду.

– Я понимаю. Ты спросил меня, почему я вернулась. Я вернулась, потому что я тебя люблю, – Дейзи произнесла эти слова со слезами в голосе. – Я не могу без тебя.

– Я без тебя тоже, – сказал Лайм с чувством. – Я люблю тебя.

– Лайм, давай больше не будем обижать друг друга.

– Не будем.

– Что бы ты ни говорил, а нам вместе работать.

– Разве я возражаю?

– Нет, но ты наверняка все еще дуешься на меня.

– Что за глупости, Энн! Я на тебя не обижаюсь.

– Лайм, я бываю резкой, жесткой, я могу сказать грубость, но несмотря ни на что, ты знай, – я тебя люблю, я думаю о тебе, беспокоюсь о тебе...

Раздался звук, очень похожий на всхлипывание.

– Энн, ты что, плачешь? Успокойся, прекрати немедленно!

Дейзи глубоко вздохнула и ответила довольно твердо:

– Со мной все в порядке. Я не плачу. Я спокойна.

– Энн, кто, все-таки, был тот человек?

– Какой же ты упрямый! – воскликнула девушка. – Ничего я тебе не скажу! Может, при встрече. Только ты не должен приезжать!

– Ладно, Энн. Прости меня за всю ту чушь, что я тебе тогда наговорил. Мне самому очень больно оттого, что я тебя обидел.

– Забудь. Проехали. Прости меня тоже.

– Мне тебе нечего прощать.

– Тогда и мне тоже. Есть новости по нашему с тобой делу?

– Пока ничего нового. Если что-нибудь будет, обязательно сообщу.

– Тогда счастливо. Будь осторожен.

– Ты тоже. До свидания, дорогая.

– До свидания, Лайм.

Дейзи повесила трубку и высморкала нос. Да, нервы у нее все-таки иногда шалют. Ей вдруг вспомнился давний разговор с матерью. «Как Лайм к тебе относится?» – спрашивала Дейзи мама. «Прекрасно. Я чувствую себя принцессой. Я вообще не представляю, чтобы он мог сказать грубое слово, повысить голос. Он относится ко мне с удивительной чуткостью». Чуткость... Лайм был с ней достаточно чутким во время этого разговора, но ведь и назойливым: «Кто был тот человек? Кто был тот человек?» А она была искренней. Его явно растрогали ее извинения.

Дейзи пришла домой, изо всех сил сдерживая слезы. Она совсем не такая сильная, какой хочет быть. Правда, у нее еще все впереди. Она сама должна себя перевоспитать. Именно сейчас Дейзи поняла, насколько она ранима и как просто ее обидеть. Она преодолет эту свою слабость. Ее плаксивое настроение начало потихоньку проходить. Остаток дня Дейзи провела за компьютером, а к ночи и вовсе успокоилась.

На следующий день после занятий девушка поставила машину в гараж и отправилась в ближайший супермаркет. Она как раз собиралась положить в корзину пару йогуртов на ужин, когда увидела, что в магазин входит Лайм Миллан. Он был в элегантном черном костюме, в котором всегда ходил на работу, и выглядел великолепно. Дейзи заметила, каким хищным

взглядом проводила его кассирша. Девушка скрылась в глубине зала и стала прикидывать, может ли кто-нибудь в Детройте узнать Лайма в лицо. «Вряд ли, – подумала Дейзи. – Мои похороны показывали довольно давно, и не все их видели. Авось обойдется».

Лайм двигался вполне уверенным шагом. Видно, он заметил Дейзи, еще когда входил в магазин.

– Здравствуй, Энн, – сказал он с улыбкой.

– Привет, Лайм, – насмешливо ответила девушка. – Как ты меня нашел?

– Ну, это уже мой пятый супермаркет.

Оба рассмеялись.

– Зачем ты приехал? – спросила Дейзи, делая вид, что рассматривает товары.

– Энн, кто был тот человек?

Дейзи посмотрела на него с недоумением.

– Лайм, ты же никогда меня не ревновал!

– Не было повода. А, впрочем, это не ревность. Это простое любопытство.

Дейзи усмехнулась.

– Любопытство? Не слишком ли опасно являться сюда из простого любопытства? Лайм, я ведь сто раз просила тебя не приезжать.

– Я приехал. И теперь тебе придется все мне рассказать.

– Раз уж ты приехал, будь добр, делай вид, будто мы только что познакомились.

– Разве я веду себя иначе? Я же могу заговорить с понравившейся мне девушкой!

– Вернее, пристать к незнакомому тебе человеку, – поправила его Дейзи.

– Энн, ты стала очень ядовитой, – заметил Лайм.

– Жизнь заставила, – парировала девушка.

– Ты мне расскажешь, наконец, что у тебя произошло тогда? Кто был тот человек? Я это знать должен, – последние слова Лайм произнес раздельно.

– Что ж, раз ты так настаиваешь, расскажу, – равнодушно сказала Дейзи. – Мне было пятнадцать лет, я училась в школе в последнем классе. Он был моим учителем. Он был всего на пять лет меня старше. Я считала его своим другом. Я думала, что нравлюсь ему. Честно говоря, не только я так думала. Мы с ним решили взяться за общее дело – кое-какие школьные реформы. Сначала все шло, вроде бы, хорошо, но затем...

Дейзи говорила с усилием.

– Что было затем? – спросил Лайм.

– Затем мы стали ссориться. Начались какие-то дурацкие обиды. Он обвинял меня в том, что я его использую. В конце концов, он донес на меня начальству.

– Господи! – вырвалось у Лайма.

– Я обозвала его ничтожеством прямо в школьном коридоре, – продолжала Дейзи. – И он опять на меня донес. В результате я не получила аттестата с отличием.

Воцарилось молчание.

– Ты любила его? – спросил Лайм.

– Не знаю, – ответила Дейзи. – Я его жалела. Его считали плохим человеком, а я думала – не может он быть таким плохим, как про него говорят, ведь с ним бывает так интересно разговаривать. Это была не любовь, это была потребность любить, заботиться о ком-то. Мне кажется, похожее чувство и тебя привело ко мне на прошлой неделе.

– Ты не права. Я ведь люблю тебя по-настоящему.

– Может, я и не права, – пожав плечами, согласилась Дейзи. – Одно только знаю – я никогда не чувствовала к нему того, что чувствовала к тебе. Я никогда не любила его так, как тебя. К тому же, между нами ничего не было, я имею в виду, близости...

– Ну это-то я знаю, – выразительно произнес Лайм.

Тут Дейзи прорвало.

– Это был какой-то маразм! – воскликнула она. – Если тебе нравится девушка, как можно на нее доносить! Я ведь была с ним честной, вела себя, как порядочный человек! Ты ведь мужчина, Лайм, объясни мне, почему он так себя повел?

– Я не могу тебе этого объяснить. Я бы никогда так не поступил.

Дейзи взглянула на мужа, и, о чудо! В его глазах было не недоумение, не жалость, а понимание.

– Почему ты мне раньше об этом не рассказывала? – спросил Лайм.

– Не хотела омрачать нашу безоблачную совместную жизнь, – с грустной иронией ответила девушка.

– Все могло бы быть по-другому, – задумчиво произнес Лайм.

– Не знаю, что меняет мой рассказ, – сказала Дейзи, отвернувшись.

– Очень многое.

Лайм накрыл ее руку своей. От этой ласки девушка чуть не разрыдалась.

– Верь мне, Энн, если бы я знал, как важна для тебя моя правда, моя честность, все было бы иначе.

– Верю.

Они медленно шли к кассе. Лайм бросил в свою корзину жестяную банку сока в дорогу и предложил Дейзи оплатить ее покупки. Она отказалась.

– Что я могу для тебя сделать? – спросил Лайм на выходе.

– Проводи меня, – просто сказала Дейзи, – и носи мои кульки.

Девушка вручила ему два больших бумажных пакета и пошла рядом. Они казались странной парой – несколько бледная Дейзи с чересчур ярким макияжем и элегантный, необыкновенно красивый Лайм.

– Ты очень боишься предательства, – заметил он.

– Боюсь, как и всякий нормальный человек.

– Я тебя не предаю. Ох, попался бы мне этот твой учитель – я бы переступил через свой гуманизм.

– Не беспокойся, он тебе не попадет.

Некоторое время они шли молча. Дейзи воспрянула и будто снова стала настоящей Энн Литтлвуд. Лайм подивился столь быстрой перемене и сказал:

– Я с ума схожу, когда думаю о том, как ты живешь одна. Раньше ты была замужней женщиной и тебя защищал твой имидж, а теперь ты выглядишь так вызывающе...

– Теперь меня защищает моя собственная сила, – весело ответила девушка. – Я свой парень. Меня можно похлопать по плечу, но я никому не позволю себя лапать – дам по морде, а может, и еще куда-нибудь. Правда, пока ни у кого таких поползновений не было.

Лайм рассмеялся.

– И все-таки, как плохо мы знали друг друга, – сказал он серьезно.

– У нас просто не было возможности друг друга узнать, – ответила Дейзи. – Мы слишком хорошо жили.

Они остановились недалеко от дома Дейзи.

– Вот мы и пришли, – сказала девушка. – К себе не приглашаю, так что давай прощаться.

Лайм улыбнулся и отдал ей пакеты.

– Буду ждать во вторник твоего звонка, – произнес он. – Ты ведь дойдешь до автомата?

– Конечно. В семь, как всегда. Будь осторожен и не беспокойся обо мне.

Лайм легонько коснулся ее плеч.

– Ты тоже будь осторожна. Береги себя. Много не работай.

– Это уж как получится, – рассмеялась Дейзи.

– Не хочу, чтобы ты уставала.

– Буду стараться не уставать. Иди же, Лайм, тебе ведь еще нужно добраться до Бостона.

- Я доберусь. До свидания, Энн.
- До свидания, Лайм. Подожди, я хотела тебя спросить – что ты чувствуешь ко мне? Он удивился такому вопросу.
- Не знаю, как и сказать... – Лайм мялся и никак не мог сформулировать свою мысль.
- Ты хочешь меня? – такую откровенность Дейзи позволила себе впервые в жизни.
- Да! – выпалил Лайм.
- Что ж, я рада, что тебе не безразлична. А теперь до свидания.
- До свидания, дорогая.

Несколько ошарашенный, Лайм развернулся и пошел обратно к своей машине. Дейзи продолжала стоять посередине тротуара с пакетами в руках, провожая его взглядом. Наконец, он скрылся за поворотом, и девушка отправилась домой.

Дейзи оставила пакеты на кухне и села за компьютер. Надо заниматься. Но картины из прошлого продолжали ее преследовать. Лица учителей, одноклассников... Ее звали «Дейзи-певица». «У нее голос, как у соловья», – говорил каждый, кто хоть раз слышал ее в коридоре, вестибюле или актовом зале. Ее поступление в музыкальный лицей на факультет теории музыки после окончания школы никого не удивило. Но этот выбор оказался не лучшим. Дейзи была не сильна в гармонии, и, хотя она сочиняла прекрасные мелодии, аранжировки к ним она делала весьма средние. Преподаватели отмечали ее голос, однако принимали в штыки ее нежелание петь в опере. К двадцати годам у Дейзи был диплом лицея, не слишком нужный в Белостоке, небольшом польском городе на границе с Белоруссией, и провал на вступительных экзаменах в Варшавскую консерваторию. Девушка считала себя хронической неудачницей. Мать Дейзи разводила руками, говорила, что не знает, что еще можно предпринять, и убеждала дочь в том, что на платное обучение у них денег нет и никогда не будет. Поездка в Америку казалась девушке последним шансом. Дейзи собиралась продолжить там обучение. Разумеется, когда она приехала, все сроки подачи документов давно уже вышли. Встреча с Лаймом, любовь, замужество, блестящая карьера и, в конце концов, крах – все это уложилось в последние два года.

Мысли Дейзи вновь обратились к школе. Та девочка, которая рыдала тогда в классе от обиды и нестерпимой боли, – та девочка должна была погибнуть в аварии. От нее ведь не осталось и следа. Но нет – прошлое давало о себе знать, и все еще оставались в нем эпизоды, при воспоминании о которых на глазах у Дейзи появлялись слезы. Но сейчас она не плакала, просто сидела за столом и все порывалась отвлечься от грустных мыслей, углубившись в поиски по сети. «Стоп! – строго сказала себе девушка. – Это похоже на бегство. Если есть проблема, надо ее решить». Ей будет только двадцать три года, а у нее шлейф из прошлого, как будто ей восемьдесят! Ее не ценили, ее обижали, ее предавали, ее обманывали – пускай! Это было раньше. Это прошло. Дейзи теперь уже не та интеллигентная, нерешительная девушка из Белостока. Ее зовут Энн Литтлвуд, она сирота без роду и племени, и у нее больше нет прошлого. Она давно уже не цепляется за свои английские корни – единственное наследство от отца. Нужно и в остальном себя преодолеть. Ведь Дейзи хочет победить, не больше не меньше, как эггнистскую систему.

Девушка встала и прошлась по комнате. Чего она хочет? Она хочет, чтобы к ней относились, как к нормальному человеку, чтобы ее не зажимали, чтобы ее любили, в конце концов! Дейзи никогда не пыталась специально вызвать к себе любовь. И сейчас она вовсе не собирается этого делать. Подлизываться она ни к кому не будет. Дейзи одинока, у нее по-прежнему нет друзей, но у нее есть Лайм. Она вспомнила его красивые умные глаза, его понимающий взгляд. Он ее любит, любит так, как никто ее не любил. Она интересна ему как женщина, она видела сегодня огонь в его глазах. Раньше Дейзи боялась страсти, но теперь все стало иначе. Ее любят, и она счастлива. Девушка рассмеялась. Долой прошлое, у нее есть настоящее и будущее!

Дейзи посмотрела на себя в зеркало. Какая некрасивая девица, просто страшная! Ну ничего, всем без исключения придется принять ее именно такой.

Дейзи снова села за компьютер. Теперь можно заняться подготовкой к семинару по литературе Средних веков. Надо только не забыть поужинать.

Глава 3

В библиотеке колледжа Дейзи проводила даже больше времени, чем на занятиях. Наверное, если бы была такая возможность, она бы ходила туда и в выходные. Девушка училась с утра до вечера. Стояло прекрасное «индейское лето», и люди устремлялись за город, на озеро, а Дейзи сидела за письменным столом, лишь изредка выглядывая в окно. За два года, проведенных в Америке, девушка так и не смогла привыкнуть к ярким краскам здешней осени. Она смотрела на золотые листья клена, который рос перед ее домом, и пыталась вспомнить, как называется дерево, чьи листья алели, словно языки пламени. У себя на родине в Польше Дейзи в жизни не видела такой красоты.

К середине ноября листья опали, краски потускнели. Дейзи по-прежнему вставала ни свет ни заря, потом ехала в колледж, где оставалась до вечера, так как после занятий шла в читальный зал. Однажды девушка чувствовала себя особо уставшей и решила немножко подремать. Ее разбудил знакомый голос:

– Мисс Литтлвуд!

Дейзи вмиг проснулась, помотала головой и подняла глаза. Над ней возвышалась миссис Андехилл.

– Здравствуйте, мисс Литтлвуд! – сказала декан. – Простите, что разбудила Вас.

– Ой, здарсьте, мэм, – ответила Дейзи, поправляя волосы. – Правильно сделали, что меня разбудили. Кстати, сколько сейчас времени?

– Полпятого.

– Представляете, хотела отдохнуть минут пять, а проспала целых полчаса

Миссис Андехилл присела напротив Дейзи.

– Где Вы работаете, Энн, что умудрились заснуть прямо в библиотеке?

– На почте, мэм. Подъем в полшестого. Но жить-то надо.

– Я слышала о Ваших успехах. Давно хотела поздравить Вас. Вы ведь сдаете экзамены уже за второй год обучения. Не задирайте нос, но, должна признать, что о Вас хорошо отзываются.

– Спасибо, мэм, – улыбнулась Дейзи. – Я же говорила, что Вам не придется за меня краснеть. Спасибо, что приняли меня.

– Не за что.

Девушка внимательно смотрела на свою пожилую собеседницу. В колледже миссис Андехилл любили, но почему-то считали строгой. По слухам, она давно уже была вдовой, у нее был сын-офицер, который погиб в какой-то миротворческой операции. Остались невестка и двое внуков. Потери не ожесточили эту светлую женщину. Внешне она была похожа на обычную пожилую американку: химическая завивка, умеренный макияж, – но глаза у нее были просто удивительные, лучистые. С ней было тепло и спокойно.

– Энн, я за Вас беспокоюсь, – сказала декан. – Вы неважно выглядите. Я знаю, Вы очень много занимаетесь, но Вы себя выматываете. Вы оказались очень собранной, по Вашему виду и не скажешь.

– Я занимаюсь карате, – вставила Дейзи.

– Это я тоже знаю. Но я боюсь, как бы Вы не заболели. Ваша работа до добра не доведет.

– Вы очень добры ко мне, мэм, – с чувством проговорила Дейзи. – Но ведь мне надо на что-то кушать!

– Я все понимаю, Энн, – ответила декан. – Мне сейчас пришла в голову идея насчет Вас. У нас в библиотеке собирается увольняться одна девушка. Вы могли бы поступить на ее место. Сколько Вы получаете на почте?

– Тысячу двести долларов.

– В библиотеке будете получать не меньше. Извините, я еще не спросила Вас, согласны ли Вы работать в библиотеке?

– Конечно, согласна, мэм, – с улыбкой ответила Дейзи. – Вы так добры ко мне.

– Тогда я поговорю насчет Вас. Когда место освободится, сразу Вам сообщу. Будете работать в отделе информации.

– Спасибо, – выдавила из себя девушка, потрясенная добротой миссис Андеhill. Никто из чужих людей никогда не относился к Дейзи с таким участием.

– Вижу, Вы занимаетесь по книгам, – заметила декан. – Не доверяете компьютеру?

– Нет, доверяю, конечно, просто в книгах иногда можно найти такие вещи, каких в сети и не сыщешь.

– Вы добросовестная девушка.

– Не знаю, как Вас и благодарить. Вы так добры ко мне, – эту фразу Дейзи произнесла уже несколько раз, но готова была повторять снова и снова.

– Я чувствую за Вас ответственность, – промолвила декан, вставая. – Я Вас сюда приняла, и я не могу допустить, чтобы Вы надорвались.

– Если бы я могла как-нибудь Вас отблагодарить! – воскликнула Дейзи.

– Что за разговоры, мисс Литтлвуд! – с притворной строгостью произнесла декан. – Вы же знаете, что я не беру подарков.

– Я не то имела в виду, – с улыбкой сказала Дейзи.

– Я пошутила. Я знаю, что Вы честная девушка. Хоть это и непедагогично, должна Вам сказать, что Вы мне нравитесь.

– Вы заставляете меня краснеть, – рассмеялась Дейзи. – Я лопну от гордости. Как видите, я изменилась. Я больше не жую, когда с Вами разговариваю, и не кладу ноги на стол прямо перед Вашим носом.

Миссис Андеhill засмеялась.

– Вы хотите сказать, что это я Вас перевоспитала!

– А кто же еще!

– Вы мне льстите. Что ж, мне пора, мисс Литтлвуд.

Дейзи неуклюже встала, громыхнув стулом.

– Сидите, сидите, – остановила ее декан. – Не старайтесь специально быть вежливой, у Вас это выходит смешно. Желаю Вам успехов.

– Спасибо, мэм.

– До свидания, Энн.

– До свидания, миссис Андеhill.

Декан направилась к выходу, по пути здороваясь с другими студентами. У нее была очень легкая походка для ее почтенного возраста. Дейзи смотрела ей вслед. Похоже, миссис Андеhill решила сделать девушке подарок на день рождения. Работа в библиотеке! Скорей бы! Можно будет вставать на два часа позже! Мечта, да и только! Дейзи блаженно потянулась, не обращая внимания на окружающих. Пусть будет счастлива миссис Андеhill, эта чудная женщина! Интуиция подсказывала девушке, что декан не эггнистка и до своей должности дослужилась сама.

В последний понедельник ноября миссис Андеhill позвонила Дейзи домой.

– Место освободилось, мисс Литтлвуд, – сказала она. – С завтрашнего дня можете приступать к работе.

– Спасибо, мэм, – ответила девушка. – Во сколько мне завтра прийти?

– Приходите в полдевятого. Вообще-то, библиотека открывается с девяти, но на первый раз приезжайте пораньше. Познакомитесь с коллегами.

– Обязательно, мэ. Спасибо Вам за все.

– Не стоит благодарности. Успехов Вам, Энн. До свидания.

– До свидания, мэ.

Первый рабочий день на новом месте прошел легко. Единственное, что волновало Дейзи, – как ей успеть к семи в автомат позвонить Лайму. Девушка была любезной со всеми читателями, к каждому отнеслась с должным вниманием, а в свободное время работала в сети и читала нужные ей самой книги. После закрытия библиотеки Дейзи села в машину и понеслась в Детройт. Она влетела в автомат минуты две восьмого, но была уверена, что Лайм еще не ушел. Услышав его голос, девушка сразу стала извиняться за свое опоздание.

– Ничего страшного, дорогая, – сказал он. – Главное, что ты позвонила.

– У меня для тебя хорошая новость, – весело сообщила Дейзи. – Сбылась твоя мечта – я больше не работаю на почте.

– Где же ты теперь работаешь? – удивился Лайм.

– В библиотеке! Меня устроила декан. Она удивительная женщина. Положительно, мне впервые так повезло с начальством.

– Поздравляю. Слава Богу, теперь ты не будешь так уставать. Я хотел поговорить насчет субботы, – сказал Лайм, понизив голос. – Я уже боюсь об этом с тобой заговаривать, чтобы ты не закатила скандал, но, может быть, мы все-таки встретимся по случаю твоего дня рождения?

– Правильно боишься, – со смехом произнесла Дейзи. – Мы не встретимся.

– Теперь ты скажешь, что, если я приеду, ты мне не откроешь дверь и станешь утверждать, что знать меня не знаешь, – в тон ей добавил Лайм.

– Ты все правильно понимаешь. Все было бы именно так.

– Так что же делать? Я же хочу поздравить тебя с днем рождения!

– Придумай что-нибудь сам.

– Ладно, у меня есть одна идея. Давай созвонимся в субботу. Я поздравлю тебя и сделаю какой-нибудь сюрприз.

– Ой, только не надо присылать никаких посылок! – воскликнула Дейзи. – А то, если увидят, от кого... Меня ж на почте все знают. Бог весть, что тогда может случиться.

– Энн, ты ставишь такие условия, что мне и не развернуться, – произнес Лайм.

– Перестань жаловаться. Ты знал, на что шел.

– Ладно, не будем спорить. Давай лучше договоримся, во сколько я позвоню тебе в автомат.

– Давай часов в двенадцать.

– В двенадцать? Хорошо, согласен. Мне очень плохо без тебя.

– Я тоже по тебе соскучилась.

– Что-то не заметно.

– Ты ко мне несправедлив.

– Пойми меня, Энн, ты живешь одна, я не знаю, что с тобой, кто у тебя бывает...

– Ты что, решил меня оскорблять? Ты же знаешь, что я занимаюсь с утра до вечера!

– Прости, прости меня, Энн, пожалуйста. Просто вырвалось.

Дейзи тяжело вздохнула.

– Я ведь тоже не знаю, как ты живешь, – сказала она, – и с кем ты бываешь.

– Я живу один, – ответил Лайм. – У меня дома уже давно никого не было. Я задерживаюсь на работе допоздна, кроме вторника, разумеется. Ты тоже меня оскорбляешь, если сомневаешься в моей честности.

– Лайм, давай не будем раскисать, – бодро сказала Дейзи. – Давай доверять друг другу. Все будет в порядке, если мы не будем друг в друге сомневаться. Я люблю тебя. Думай, что я с тобой.

– Ах, Энн, Энн, я пытаюсь. Я люблю тебя. Хорошо, что ты больше не будешь так рано вставать. Я тебя целую. С днем рождения заранее не поздравляют, но я надеюсь, что ты не забудешь про субботу.

– Не забуду. Знаешь, я давно хотела тебе сказать, – неожиданно добавила Дейзи, – я еще при нашей встрече заметила, что у тебя появились седые волосы.

– Странно, что с тобой я еще не стал весь белый, как лунь, – рассмеялся Лайм.

– Кстати, тебе идет.

– Спасибо, Энн.

Они распрощались, и девушка, как всегда, отправилась домой.

Второго декабря Дейзи проспала до одиннадцати, быстро позавтракала и стала прогуливаться по улице в ожидании звонка от Лайма. Вокруг никого не было – все соседи уехали на выходные. Разумеется, Лайм позвонил ровно в двенадцать, как договаривались. Он поздравил жену с днем рождения и сюрприз посоветовал искать на специальном сайте. Дейзи записала адрес и поблагодарила.

– Конечно, я с большим удовольствием сводил бы тебя в ресторан и подарил бы тебе что-нибудь стоящее, – сказал он, – но в таких рамках, в какие ты меня поставила, сеть оказалась последним шансом.

– Лайм, это очень мило с твоей стороны – так беспокоиться по поводу моего дня рождения, – произнесла девушка довольно кокетливо, – но, поверь мне, у меня все есть.

Они болтали некоторое время о всякой чепухе, пока Лайм не сказал:

– Мы говорим о чем угодно, кроме нашего дела.

– А что, есть новости?

– То-то и оно, что нет. На заседаниях купола – одно сплошное словоблудие. Ничего определенного. Правда, мои труды не пропали даром – у меня уже лежит штук семь приглашений на различные рождественские мероприятия, причем в пяти случаях меня приглашают как мужа покойной Дейзи Миллан.

Девушка прыснула.

– И ты пойдешь? – спросила она уже серьезно.

– Не знаю. Хотел с тобой посоветоваться.

– Я бы советовала сходить.

– На все? Это ж с ума можно сойти.

– Туда, где есть нужные нам люди. Послушай кулуарные беседы. Я думаю, это весьма интересно.

– Энн, мне надоело изображать горе. Боюсь, я однажды сорвусь и сболтну лишнее.

– Не сболтнешь, если меня любишь, – твердо сказала Дейзи.

– Я люблю тебя. Я хочу, чтобы все вышло по-твоему. Но мне очень тяжело лишний раз видеть физиономии людей, которые отняли тебя у меня.

– Ты говоришь глупости, – произнесла девушка. – Никто меня у тебя не отнимал. Ложь, которую ты нагородил, – вот что нас с тобой разъединило.

– Не будем об этом вспоминать, – тихо сказал Лайм. – По-моему, я уже достаточно наказан. Прости меня. Я хотел казаться лучше, чем был на самом деле.

– Как говорится, слова не мальчика, но мужа, – рассмеялась Дейзи. – Все идет хорошо, Лайм. Работай, устанавливай контакты. А я пока буду готовиться к оставшимся экзаменам за второй год обучения.

– За второй год? – воскликнул Лайм. – Энн, ты меня поражаешь.

– Надеюсь, я еще сумею тебя удивить, – весело отозвалась Дейзи. – Но мы совсем заболтались. Я хочу скорее увидеть твой подарок.

– Будь счастлива, дорогая.

– Ты тоже.

Дейзи прибежала домой, села за компьютер и набрала адрес сайта. На заглавной странице выскочили сердечко и рука помощи. Девушка нажала на сердечко. Появилась очень красивая картинка. Сверху было написано «Поздравляю», а в центре были нарисованы два белых лебедя, взлетающие к солнцу. Все цвета – желтый, оранжевый, голубой – радовали глаз. Дейзи и раньше знала, что Лайм создавал на компьютере чудные вещицы, но эта открытка ей особенно понравилась. Девушка включила принтер и стала смотреть вторую страничку. Там находились очень полезные ссылки на отличные сетевые новинки. Дейзи сохранила информацию на своем компьютере и взяла лист с открыткой. Как красиво! Девушка улыбнулась. Какие необыкновенные тона! Прямо изнутри светится. А лебеди, какой интересный ракурс – грудка к грудке, друг напротив друга. Символично – они ведь с Лаймом тоже, как лебеди, один без другого жить не могут. Двое влюбленных, стремящихся к солнцу правды... Новое, незнакомое ей прежде чувство охватило Дейзи. Она смотрела на открытку с каким-то умилением. Как приятно осознавать, что тебя любят! Дейзи повесила картину над монитором и блаженно растянулась на кровати. Как хорошо!

Вечером девушка накрыла на стол, опустила жалюзи, сняла парик и привела лицо в порядок. На ней было серебристое платье до середины колена, такого же цвета туфли на высоком каблуке и никаких украшений. Ей пришлось довольно коротко подстричься из-за парика, поэтому теперь ее великолепные золотые волосы не доходили и до середины шеи. Тем не менее, она выглядела восхитительно. Взглянув на себя в зеркало, девушка осталась собой довольна. Хорошо это или плохо, она не Энн Литтлвуд, она Дейзи Миллан.

Впервые девушка отмечала свой день рождения в полном одиночестве. От мысли о матери у нее защемило сердце. Дейзи села за стол и стала крутить в руках пустой бокал. Перед ней стояла бутылка лимонада. Вина не было. Первый за многие годы «безалкогольный» день рождения... На Новый год Дейзи уже припасла бутылку шампанского, но не представляла, как одолеет ее в одиночку. А пока девушка налила в простой изящный бокал лимонад и отпила немного. Стояла редкая тишина. Дейзи включила музыку, встала и вместе с бокалом стала танцевать под мелодию «Feelings.» Меньше всего в этот вечер ей хотелось слушать собственные песни.

Про то, что во вторник был день рождения Энн Литтлвуд, Дейзи вспомнила уже на выходе и по этому случаю нарядилась еще ярче обычного. Когда она вошла в библиотеку, две девушки из отдела и заведующая встретили ее с заговорщеским видом. Они подмигнули друг другу и запели не слишком стройно: «С днем рождения, дорогая Энни!» Дейзи застыла на месте, но быстро оправилась от удивления и рассмеялась. Ох уж эта хитрая миссис Андехилл! Кто же еще мог сказать про день рождения мисс Литтлвуд!

– Энн, мы тебя поздравляем, желаем тебе счастья, здоровья и успехов во всем!

– Да что вы, не надо было так беспокоиться, – с улыбкой сказала Дейзи. – Я и не собиралась праздновать свой день рождения.

– Перестань, Энн, – оборвали ее. – Прими лучше от нас маленький подарок.

С этими словами ей вручили огромного Микки-Мауса. Дейзи села на свое место, поставила игрушку рядом и проговорила, энергично жестикулируя:

– Спасибо, конечно, это все очень мило, но я же совсем недавно здесь работаю... Вы меня застали врасплох...

– Дорогая Энн, – с улыбкой сказала одна из девушек, – мы все тебя очень любим. Забудь, что с тобой тогда произошло. Мы слышали про аварию. Ой, извини, пожалуйста, ты, конечно,

не хочешь об этом вспоминать. Но, поверь, у тебя все впереди. Ты прекрасно учишься, ты очень многого добьешься, у тебя обязательно все получится.

Дейзи была растрогана до глубины души. Она со всеми расцеловалась и сказала с чувством:

– Спасибо вам за все. Я вас всех очень люблю. Постараюсь не подкачать.

Появились первые читатели, и бурный поток поздравлений, наконец, прекратился.

После работы Дейзи долго играла на улице со своим Микки-Маусом. Она то плясала вместе с ним, то сажала его на плечи, то вела его за руку. Дома, в Польше, у нее была одна игрушка примерно таких размеров – мишка. Правда, это было давно. А вот была ли такая игрушка у Энн Литтлвуд? Как бы последняя отнеслась к такому подарку? Эти вопросы поставили Дейзи в тупик. Нужно на все реагировать так, как отреагировала бы Энн. Но что вообще было в жизни сироты из Олбани? Друзья, детский дом, что еще? Дейзи стало грустно, как бывало всегда, когда она вспоминала про погибшую девушку. Она посадила игрушку на переднее сидение и сказала:

– Ну что, Микки, поехали домой.

Дейзи подумала, что для замужней женщины она ведет себя совсем как ребенок. Правда, слово «замужняя» ее смутило. Еще бы, когда целыми днями тебе говорят «мисс»! Нет-нет, это ведь только игра, она жена Лайма, и она его любит. Может, ей не следовало так рано выходить замуж? Она ведь играла в куклы чуть ли не до последнего класса школы! От этой мысли Дейзи едва не расхохоталась. Все-таки с тех пор она повзрослела, как-никак, два года была замужем. «Вернее, жила с мужем, – поправила себя девушка. – Я ведь и сейчас замужем. О, Лайм, если бы ты вовремя сказал правду, мы сейчас были бы вместе».

Неделя прошла без особых событий. Дейзи с головой погрузилась в учебу, и перемены принес только следующий вторник. Говоря по телефону с Лаймом, девушка почувствовала тревогу в его голосе.

– Мое сближение с куполом ни к чему хорошему не приведет, – произнес он.

– А что случилось?

– Вебер поручил мне вербовку новых членов.

Дейзи отреагировала не сразу.

– Почему именно тебе? – спросила она.

– Вероятно, это награда за хорошую службу, – с горьким смешком ответил Лайм.

– Что ты будешь делать?

– Ума не приложу. Мне еще поручили сделать доклад о современной молодежи на очередном заседании купола. Бред какой-то.

Впервые за последние полгода Дейзи стало по-настоящему страшно.

– Ты сам хочешь, чтобы в организации появились новые люди?

– По моей вине? Боже упаси, конечно, нет.

– Ты можешь сказать Веберу, что не видишь в данный момент достойных кандидатов?

– Могу, но он наверняка проверит. Блестящих студентов у меня сейчас действительно нет, но хорошие есть. Это будет вранье.

– Почему ты не отказался?

– Я пытался, но он настаивал.

– У вас ведь дисциплина как в армии, попробуй не выполнить приказ?

– Именно так. Я, конечно, мог бы подкинуть им кого-нибудь, что мне неприятен, но это мерзко.

– Лайм, чем я могу тебе помочь? – упавшим голосом спросила Дейзи.

– Не знаю. Знаю только, что никто не должен пострадать.

– Как верный член организации, кого бы ты им порекомендовал?

– Конечно, тебя! – воскликнул Лайм. – Человека, который за один семестр заканчивает четыре! Честное слово, Энн, я не знал, что ты такая умная.

Дейзи рассмеялась.

– Похоже, ты меня мало уважал, – заметила она.

– Как ты можешь жаловаться на недостаток уважения? – возмутился Лайм. – Разве я когда-нибудь с тобой не считался?

Упрек был справедливым.

– Речь сейчас не о нас, – спокойно сказала Дейзи. – Нужно что-то придумать, а у меня ни одной мысли в голове.

– Если бы это было год назад, я бы выполнил задание, даже не задумываясь, – произнес Лайм. – Но теперь... Пойми, наконец, Энн, ты затеяла опасную игру. Она лишь кажется забавной. Это ведь только начало, а мы уже не можем найти выход.

– Выход есть всегда, – твердо сказала Дейзи. – Я обещаю думать только об этом деле до завтрашнего вечера. Позвони мне в то же время, и я скажу, что мне удалось придумать.

– Еще не хватало, чтобы из-за меня ты не спала ночь!

– Теперь ты меня послушай, – строго произнесла девушка. – Мы друзья, Лайм. Твои проблемы – мои проблемы. Наоборот, надеюсь, так же.

– Не надо меня поучать, – в тон ей ответил Лайм. – И не надо все время говорить о дружбе. Ты прекрасно знаешь, что ради тебя я могу пожертвовать всем.

– Лайм, дорогой, не надо громких слов. Давай делать дело. Не думай ни о чем. Позволь мне решить эту задачу, раз уж я такая умная, как ты говоришь.

– И какой черт тебя дернул придумать такую игру! – воскликнул Лайм. – Не жилось тебе спокойно.

– По уши в дерьме – нет, не жилось, – резко ответила Дейзи.

– Энн, тебе не идет употреблять такие слова, – строго сказал Лайм. – Не нужно передо мной играть оторву.

– Я твоих замечаний не заслужила, – гордо произнесла Дейзи. – Я не хотела жить во лжи, не хочу и не буду.

– Извини, Энн. Я устал, к тому же Вебер не выходит у меня из головы.

– Забудь про него. Ложись спать. Сегодня мой черед работать. Я что-нибудь придумаю. Ты же знаешь, я свое слово держу.

В который раз Лайм был поражен столь странным для молодой девушки понятием о чести.

Как Дейзи и обещала, весь оставшийся вечер она провела за компьютером. В два часа ночи девушка, наконец, нашла то, что ей было нужно, и пошла спать.

– Лайм, я давно хотела тебя спросить: чем ты раньше занимался в куполе? – этим вопросом Дейзи начала на следующий день разговор с мужем.

– Наукой занимался, – с усилием произнес он, – в определенном направлении. Но вербовкой – никогда.

– Ладно, мы как-нибудь поговорим об этом отдельно. Заранее не радуйся, но у меня есть одна идея.

И Дейзи изложила свой план.

В четверг в одном из низкопробных журналов выходила разгромная статья об эггнизме. Лайму нужно было купить этот журнал и подкинуть в то место, где обычно собираются его лучшие студенты. Оставалось дождаться их негативной реакции на само слово «эггнизм» и тогда смело идти к Веберу с предложением их кандидатур.

– Главное, чтобы тебя никто не заметил, – несколько раз повторила Дейзи.

– Допустим, у меня это получится, – сказал Лайм. – Завтра у меня как раз семинар в моей лучшей группе. Но что мне им ответить, если они спросят меня насчет этой статьи?

– Не говори об эггнизме, говори о журнале. Скажи, что не доверяешь этому изданию, потому что там писали ложь о твоей покойной жене. Это так и было.

Лайм задумался.

– Как ты думаешь, в этой статье будет хоть доля правды? – спросил он.

– Вряд ли, – весело ответила Дейзи. – Если только самая маленькая. Скорее всего, сплошные небылицы.

– Мои студенты, они ведь неглупые люди, – медленно произнес Лайм. – А вдруг они не отреагируют на подобную чепуху?

– Я думаю, отреагируют. Главное, чтобы они начали говорить об эггнизме гадости. Тогда мы победили. Надеюсь, Вебер проверит их кандидатуры по своим каналам.

– Хотелось бы надеяться. Вроде бы, все придумано гениально. Ты молодец, Энн. Спасибо тебе. Только бы все вышло, как надо.

– Все будет в порядке, – уверенно сказала девушка. – Эта статья – наш шанс, а правда на нашей стороне.

План Дейзи сработал от начала до конца. Когда в канун Рождества Лайм встретился с Вебером, тот сообщил, что, к сожалению, среди тех студентов, о которых говорил доктор Миллан, бушуют антиэггнистские настроения. «Ну вот видите, какой из меня агитатор», – с улыбкой ответил Лайм. Они расстались весьма мило.

Первая победа над эггнизмом стала для девушки лучшим подарком к Рождеству. Она воодушевилась и с легкостью сдала два экзамена на оценку «А» – высший балл. Лайм неустанно благодарил жену за помощь и хотел было на радостях приехать к ней на праздники, но Дейзи вовремя остановила его. «Это будет слишком подозрительно», – заметила она.

В Рождественскую ночь шел снег. Дейзи сидела на кровати, скрестив ноги, и смотрела телевизор. Она весь вечер провозилась с индейкой и в результате чуть не уснула прямо на диване. На улице кто-то пел «Тихую ночь». Дейзи обожала эту песню, но такое отвратительное исполнение ее раздражало. Она громче включила телевизор. Днем девушка сумела поймать у здания колледжа миссис Андехилл и вручить ей букет цветов с еловой веткой. Декан сначала рассердилась: «Я же предупреждала – никаких подарков!», но цветы все-таки взяла и с чувством поблагодарила девушку за внимание к своей скромной персоне.

По телевизору начиналась трансляция концерта из зала «Нового театра» на Бродвее. В прошлом году Дейзи была вместе с Лаймом на подобном мероприятии. Сейчас девушке казалось, что это было в какой-то другой, прошлой жизни. Она даже не могла точно припомнить свои впечатления.

Ведущей концерта была высокая стройная блондинка в умопомрачительном наряде с кукольным лицом. Она говорила дежурные слова, и лишь конец ее «приветственной речи» был интересен.

«Сегодняшнее Рождество мы впервые встречаем без Дейзи, – грустно сказала ведущая. – В прошлом году она была восходящей звездой, этим летом стала нашей принцессой. Смерть, нелепая, безвременная, жестокая, отняла ее у нас. Нет нужды еще раз повторять, какой была принцесса Дейзи. Имею честь сказать, что в зале присутствует ее муж, доктор Миллан».

Лайм поднялся со своего места в бельэтаже. Дейзи подалась вперед, стараясь получше его разглядеть. Для вдовца он выглядел ослепительно, правда, не улыбался. Лайм умел держать себя на публике, он вел себя с достоинством раджи. Он молча поклонился и остался стоять.

«Мы часто забываем, – продолжала ведущая, – что доктор Миллан – не только муж Дейзи и выдающийся ученый, но и автор прекрасных текстов ко многим ее песням. Без него не было бы и ее шедевра – „Песни тебе“».

Лайм ничего не ответил, только еще раз поклонился, приложив руку к сердцу, и сел на место. Среди его соседей Дейзи смогла разглядеть только Брауна.

Новый год девушка тоже встречала одна. Они с Лаймом договорились созвониться уже утром, когда люди разойдутся по домам. А пока Дейзи сидела на подоконнике в новом черном платье для коктейля с бокалом шампанского в руках и смотрела, как на улице пускают фейерверки. «С Новым годом», – сказала она вслух себе, окну и телевизору. Удача, в этом году ей нужна, прежде всего, удача.

Глава 4

Конференция в Сиракузах под громким названием «Мировая культура в прошлом и настоящем: проблемы глобализации» стала лакомым кусочком для многих молодых культурологов и искусствоведов Мичиганского университета. Время ее проведения было назначено на середину марта. Проблема заключалась в том, что заявку нужно было подать за месяц, то есть сразу после зимней сессии. Многие этого сделать просто не успели. В результате осталось всего несколько кандидатов, среди которых, разумеется, была и Дейзи. Она подготовила тезисы доклада и саму заявку, нужно было еще получить рекомендацию от начальства, то есть от заведующей кафедрой истории искусств. Последняя относилась к Дейзи, вернее, к Энн Литтлвуд с симпатией, но в колледже существовало правило – не посылать на подобные конференции студентов первого курса. Лишь тот факт, что девушка уже сдала экзамены за два года, а также лестные отзывы о ней декана Андеhill заставили заведующую нарушить это правило. Дейзи получила рекомендацию и отправила бумаги в Сиракузы.

Девушка по-прежнему работала в библиотеке и занималась с утра до вечера, не сбавляя темпа. На нее стали смотреть как на феномен. Внешне Дейзи выглядела как всегда – та же «боевая раскраска», те же черные джинсы, только «крысы» пришлось сменить на такого же вида сапоги и вместо кожаной куртки носить пуховую. На работе она всем улыбалась, охотно рассказывала о своих успехах. В библиотеке Дейзи стала чем-то вроде местной достопримечательности – некоторые просто приходили на нее посмотреть. В какой-то момент девушке это надоело, и она сердито объявила, что больше не будет перечислять все экзамены, которые сдала и что ее случай не такой уж исключительный, так как у нее отнюдь не все отличные оценки. Дейзи сказала, что готова говорить с читателями на любую тему, кроме своей собственной персоны. К счастью, на нее не обиделись, ведь она по-прежнему отпускала колкости и рассказывала смешные и самые неприличные анекдоты из тех, которые знала. За ней закрепилась репутация острой на язык девицы и прозвище «танк».

В спортивном зале, занимаясь карате, Дейзи становилась серьезной и сдержанной. Ее склонность к излишней жестикуляции по поводу и без повода исчезала бесследно. Девушка собиралась в кулак и оттачивала приемы почти до совершенства. Регулярное отжимание на костяшках не испортило ее пальцев. Дейзи не считала свои руки красивыми: почти квадратные ладони, матовая кожа, довольно короткие ногти из-за игры на пианино. Раньше она использовала розовый и голубой лаки, теперь перешла на ярко-красный и даже черный. Вообще-то, черный был не ее цвет, но за последние полгода девушка к нему привыкла. Зато на тренировки Дейзи надевала бежевое кимоно, стирала часть краски с лица и становилась более похожей на себя прежнюю, чем на Энн Литтлвуд. Она концентрировалась на каждом движении и одновременно как будто отстранялась и смотрела на себя со стороны. Студенты-выходцы с Востока восхищались ее мастерством.

В результате на конференцию из колледжа поехало человека четыре. Странным образом Дейзи оказалась среди них самой молодой – остальные были докторантами последнего года. Девушка не знала их лично, поэтому в поезде села отдельно. С собой она взяла только кожаную сумку средней величины. Деньги, кредитную карточку, водительское удостоверение и ключи от квартиры Дейзи носила либо на поясе, либо во внутреннем кармане куртки, если не соби-

ралась снимать последнюю. Девушка вышла из поезда и направилась к специальному микроавтобусу для участников конференции.

- Привет, – сказала она забавному экранчику на входной двери.
- Ваше имя? – ответил компьютер скрипучим голосом.
- Энн Литтлвуд.
- Проходите.

Дейзи села в автобус, поставила сумку на пол и стала рассматривать салон. У каждого сиденья находился мобильный телефон с выходом в сеть. Звонить Дейзи никому не собиралась, так что едва ли не самое популярное техническое достижение последних пятидесяти лет ей не понадобилось. Каким-то чудом наряду с мобильными все еще существовали обычные домашние телефоны и телефоны-автоматы. Конкуренция была жестокой, но благодаря низкой абонентской плате вторые сумели удержаться. Кроме того, некоторых людей мобильные телефоны раздражали, а о том, что они небезвредны, было известно всем. Дейзи тоже не любила это чудо техники, хотя и понимала, что через некоторое время ей придется им обзавестись.

В начале салона был установлен экран, на котором высвечивалась информация о достопримечательностях, мимо которых проезжал автобус. Дейзи с интересом смотрела в окно и думала о предстоящей конференции. Три дня в Сиракузах – это были не просто три дня просиживания штанов и проживания в прекрасной гостинице «Университетская башня» всего за семьдесят долларов (оргвзнос). Это были три дня с Лаймом, что называется, на законном основании. Доктор Миллан был членом оргкомитета и председателем «восточной» секции. Он клятвенно обещал Дейзи, что не будет искать с ней встреч, но предупредил, что на ее выступление придет обязательно.

На первый день в плане стояла только пленарное заседание в десять часов утра. Поезд из Детройта прибыл в 9.05, и микроавтобус доставил Дейзи вместе с другими участниками прямо в университет, миновав отель. Расселение было назначено на два часа дня. Девушка оставила сумку в автобусе, причесалась и отправилась на регистрацию. Люди смотрели на нее с немым вопросом: «Откуда взялось такое нечто?» И впрямь, ее куртка-косуха, крысы и стрелки до середины виска были совершенно не к месту. Раньше на подобных мероприятиях Дейзи кланялись, целовали руку, говорили: «Вы прекрасно выглядите, миссис Миллан». Теперь на нее смотрели косо, шушукались у нее за спиной, и девушке даже удалось услышать реплику какой-то дамы: «Бедные эггисты, если ими заинтересовалась такая девица!» К началу заседания, однако, на Дейзи глазеть перестали. Она спокойно заняла свое место в середине зала и стала с гордостью рассматривать программу, в которой красовалось имя «Энн Литтлвуд». Ей предстояло выступить на следующий день перед обеденным перерывом.

Вела себя Дейзи довольно развязно, хотя жвачку не жевала и класть ноги на спинку впереди стоящего стула не пыталась. Зато она изо всех сил звенела молниями на куртке, которую не сняла, и болтала ногами. Правда, во время выступлений девушка сидела тихо.

Лайм был, несомненно, самым привлекательным из всех участников-мужчин. Он сидел в президиуме, и Дейзи заметила, что глаза большинства женщин были устремлены на него. Лайм старался не смотреть на девушку, но пару раз она все-таки поймала его взгляд. Он выступал сразу после председателя оргкомитета. Его речь лилась свободно, Лайм говорил не торопясь, как будто беседовал с залом. Дейзи впервые позавидовала его ораторскому таланту, и ей захотелось выступить не хуже него. Она также почувствовала их неравенство – он был здесь звездой, она – никому не известной простой участницей. Раньше на таких конференциях девушка была гостьей, к ней относились с уважением как к жене доктора Миллана. На сей раз ей придется это уважение заслужить.

В маленьком перерыве Дейзи вышла в коридор и встала у окна. Неожиданно до нее донеслись слова одной из женщин:

- Доктор Миллан, как всегда, был великолепен.

Девушка сделала вид, что изучает программу, и наострила уши.

– Ты, конечно, права, – ответила другая, – но смерть жены его явно подкосила. Помнишь, года полтора назад, он был самым веселым человеком на свете. А теперь он даже не улыбается.

– Похоже, работа его спасла, – послышался первый женский голос. – Многие опасались, что он ее гибели не переживет. У них ведь была Любовь с большой буквы. Но он пережил. Правда, других женщин он как будто и не видит.

Дейзи стало неприятно. Как легко обсуждать чужие отношения! Лишь последние слова дамы ее успокоили, хотя девушка и старалась уничтожить на корню любые ростки ревности.

– А ты что, хотела бы, чтобы доктор Миллан уже завел себе любовницу? – возмущенно спросила вторая женщина. – Если бывают на свете сказки, то история Дейзи и Лайма точно одна из них.

Продолжения их разговора девушка не слышала, так как дамы отправились обратно в зал. Сказка! Хорошо им говорить! Сказок нет! А вот жизнь идет дальше.

Дейзи честно просидела на второй части заседания. Выступления были скучными, Лайм молчал, погрузившись в себя, девушка старалась не заснуть, тоскливо переводя взгляд с одного члена оргкомитета на другого. Когда заседание, наконец, закончилось, Дейзи откровенно зевнула и буркнула: «Ну и скучища!» На нее посмотрели неодобрительно. Девушка закинула сумку в номер, – ей достался одноместный, на десятом этаже, с видом на автостраду, – переодела футболку и спустилась в ресторан обедать. Лайм уже там был, но сделал вид, что не обратил на нее никакого внимания. Дейзи, напротив, взглянула на него с интересом и даже спросила соседку по столу насчет доктора Миллана. Девушка на всякий случай запомнила, в каком номере остановился Лайм, и он, в свою очередь, узнал такую же информацию о мисс Литтлвуд, как бы невзначай просматривая списки участников. В бассейне, куда Дейзи пришла перед ужином, они снова встретились и снова сделали вид, что друг друга не знают. Девушка выглядела весьма привлекательно в своем черном закрытом купальнике, у нее была отличная фигура, и на нее смотрели с интересом, но Лайм взглянул на жену лишь мельком. В последние восемь месяцев Дейзи плавала только в резиновой шапочке и в очках.

Ужинать девушка отправилась в скай-бар, где наслаждалась видом на город. За целый день они с Лаймом даже не поздоровались.

На следующий день Дейзи с самого утра была на своей секции. Доклады были довольно интересными, но далекими от темы, которой занималась девушка, то есть от эггнизма. Дейзи волновалась: она впервые участвовала в научной конференции, в колледже она прочла всего три доклада на семинарах, к тому же здесь ей предстояло выступать перед Лаймом. Он вырвался со своей секции где-то за полчаса до обеда. Девушка видела, как он входил, с каким уважением на него посмотрела председательница. Лайм был в сером костюме и, вероятно, поэтому казался смуглее обычного. Дейзи, напротив, с утра была несколько бледной, но теперь раскраснелась. Доклад свой она знала наизусть, но зачем-то повторяла про себя отдельные места. Наконец объявили:

– Мисс Энн Литтлвуд, Мичиганский университет, Колледж литературы, науки и искусства, кафедра истории искусств, первый год обучения. Название доклада: Эггнизм и мировое искусство.

Дейзи встала, сняла куртку и направилась к трибуне, не оглядываясь по сторонам. В наступившей тишине был слышен лишь звон ее «крыс». Девушка не считала себя хорошим оратором. Она выступала редко, говорила чересчур быстро, отрывисто. Правда, на семинарах Дейзи читала доклады вполне прилично, но там была другая обстановка, меньше ответственности. И все-таки она сможет, она должна выступить хорошо. «За всех тех, в кого не верили и кого зажимали», – сказала себе девушка. Это было чем-то вроде девиза. Она встала на трибуну, выставила вперед правую ногу, чтобы лучше был виден носок «крысы», улыбнулась, поздоровалась и четко повторила название своего доклада. А потом начала читать.

Лайм слушал и не верил своим ушам. Действительно ли это Дейзи? Действительно ли это его жена, которая никогда не давала интервью, никогда не выступала на пресс-конференциях? Он вспоминал, какой нездешней она раньше казалась, и сравнивал ее с той, что сейчас говорила с трибуны. Дейзи превосходно владела голосом, то повышая его, то понижая. Она мгновенно установила контакт с публикой, прежде всего благодаря своей доброжелательности и паре совершенно уместных шуток. Ее доклад был обзорным, но девушка читала его интересно и со знанием дела. Дейзи не была на трибуне принцессой, она была земной, открытой и вместе с тем значительной. Лайм никак не мог оправиться от изумления. Откуда у Дейзи такой ораторский дар? Когда она успела так великолепно овладеть материалом?

Ей устроили овации. Это были ее первые аплодисменты почти за целый год, к тому же ее приветствовали не как певицу, а как молодого исследователя, ученого. Дейзи видела улыбку удивления на лице Лайма. Он явно был поражен. Ей задавали вопросы – она отвечала с авторитетом, умело обходя острые углы. В целом Дейзи постаралась обозначить свое отношение к эггнизму как нейтральное. В конце концов и Лайм решил задать ей вопрос. Председательница встретила его желание с большой радостью.

– Доктор Миллан, – сказала она подобострастно, – для нас огромная честь видеть Вас здесь...

Он знаком попросил ее не продолжать и поднялся со своего места. Мгновение они с Дейзи молча смотрели друг на друга. Это был поединок двух пар глаз. Правда, он продолжался какой-то миг, и со стороны трудно было понять его истинный смысл.

– Лайм Миллан, Гарвардский университет. Мисс Литтлвуд, Вы рассматриваете эггнизм только как явление западной культуры?

Его голос звучал твердо. Взгляды присутствующих обратились к Дейзи. Она не ступала, несмотря на то, что впервые ей нужно было отвечать Лайму как ученому, к тому же, на публике.

– Доктор Миллан, я рассматриваю эггнизм как скрытый катализатор глобализации культуры, – сказала девушка, не моргнув глазом. – И этот процесс в прошлом веке коснулся не только Запада, но и Востока. Эггнизм как философское течение нельзя считать чисто европейским явлением, так как его истоки можно найти, в том числе, и в индийской философии.

Это было похоже на реверанс. Дейзи чуть наклонила голову в знак уважения. Лайм улыбнулся. Однако пассаж насчет двадцатого века его удивил. Девушка никогда не проявляла интереса к искусству этого периода. Ему было любопытно, что она ответит.

– Мисс Литтлвуд, Вы считаете, что в пестрой картине стилевых течений двадцатого века можно найти закономерности и связать их с влиянием эггнизма?

– Я на это рассчитываю, – уверенно ответила Дейзи. – Поймите, доктор Миллан, я еще в самом начале пути. Но я полагаю, что первая половина двадцатого века – самый благотворный период для изучения влияния эггнизма на искусство и литературу, на культуру в целом. Дали и Гессе – два имени, которые я могу назвать по этому поводу, даже не задумываясь.

– Вас удовлетворил ответ мисс Литтлвуд? – спросила председательница. Дискуссия несколько затянулась, нужно было уложиться до обеда.

– Да, спасибо, – сказал Лайм. – Желаю Вам успехов, мисс Литтлвуд.

– Спасибо Вам, доктор Миллан, – вежливо ответила девушка. – Спасибо всем.

Дейзи села на свое место. Председательница объявила перерыв. Девушка надела куртку, с улыбкой приняла поздравления от других участников и направилась к выходу. Там ее ждал Лайм.

– Позвольте поздравить Вас с Вашим успехом, мисс Литтлвуд, – громко сказал он. – Мне очень понравился Ваш доклад.

– Благодарю Вас, доктор Миллан, – с улыбкой произнесла Дейзи.

– Вы пойдете обедать? Можно составить Вам компанию?

– Да, конечно, – согласилась девушка, продолжая улыбаться. Лайм отвесил ей легкий поклон, и они вместе отправились в кафе.

Отойдя на достаточное расстояние от остальных участников, Лайм быстро заговорил:

– Энн, ты была великолепна. Я тебя поздравляю от души. Никогда не думал, что ты так умеешь говорить.

– Что ж, я рада, что смогла тебя удивить.

– Еще как! – воскликнул Лайм. – Ты была лучшей. Иногда я даже думал – ты это или не ты? Ты ведь никогда не любила говорить на публике. В компании тебя всегда было очень интересно слушать, но сегодня это была фантастика!

– Лайм, ты, видно, думал, что я в колледже дурака валяла, – со смехом заметила Дейзи. – А я, между прочим, училась и к тому же поставила себе целью сегодня выступить хорошо.

– Энн, ты не права. Я прекрасно знаю, как много ты занимаешься. Я тобой горжусь. Но ты не боишься, что тебя раскроют? Подумай сама – откуда такие способности у сироты из Олбани?

– Нет, не боюсь, – беззаботно ответила Дейзи. – Конечно, если ты все не испортишь и не будешь обращаться со мной так, чтобы все видели, что мы с тобой прожили вместе два года.

– Да я же к тебе даже не прикасаюсь! – возмутился Лайм. – Мы только что познакомились, я это знаю.

Они сели за стол.

– Ты будешь горячее? – спросил Лайм.

– Нет, я так рано не обедаю. Буду кофе с чем-нибудь. С какой-нибудь булочкой.

– А кофе тебе не поздно? – шутливо спросил Лайм. Дейзи никогда не пила кофе во второй половине дня.

– Нет, еще не вечер, – в тон ему ответила девушка. – Скажи, я совсем на себя не похожа?

– Нет, не похожа, – рассмеялся он. – Я бы сам тебя, наверное, не узнал. Честно говоря, ты выглядишь ужасно.

Дейзи рассмеялась.

– Спасибо за откровенность. Мне кажется, я умело использую недостатки в своей внешности. Я выставляю напоказ свои большие уши, я ношу прическу, которая мне не идет, чересчур сильно крашусь.

– К тому же ты явилась на конференцию в косухе и крысах, – продолжал Лайм. – Здесь никто так не одевается.

– Я иду против всех правил, – подтвердила Дейзи. – Я бросаю вызов.

– Ты уже победила. И все-таки, как жаль, что они не знают, какая ты на самом деле красивая!

– Мне нравится быть некрасивой. Хотя, конечно, в таком случае женщина теряет большой козырь. И я его, несомненно, потеряла.

Они болтали о всякой всячине весь перерыв. В конце обеда Лайм заметил:

– Не знаю, как мне тебя величать, Энн. Бывшей женой, что ли?

– Ну, положим, мы с тобой не в разводе, – возразила она. – Я твоя любимая женщина. Разве не так?

– Моя любимая девушка, – поправил ее Лайм. – Пусть будет так.

Они разошлись по своим секциям. К концу дня стало ясно, что доклад Энн Литтлвуд был лучшим. Девушка знала, что ее уже начали обсуждать, и главной темой было не ее выступление, а ее обед с доктором Милланом. Дейзи это веселило. К сплетням и зависти она решила относиться с юмором.

После ужина девушка снова поднялась в скай-бар, выпила стакан сока и вышла на открытую смотровую площадку. Там было всего несколько человек, и среди них, разумеется, Лайм.

Он подошел к Дейзи, они поприветствовали друг друга и стали вместе смотреть на ночные Сиракузы.

– Завтра наш с тобой последний день, – задумчиво произнес Лайм.

– Ну зачем так грустно? – возразила Дейзи. – Теперь мы официально знакомы, через некоторое время – повторяю, через некоторое время, – мы сможем иногда видеться. Тебя это не радует?

– Радует, конечно, – улыбнулся Лайм. – И все-таки, я так давно тебя не видел, и снова ждать. Сколько ждать? Так бы и схватил тебя и не отпускал до утра!

– Лайм, ты, похоже, решил погубить мою и без того не идеальную репутацию! – игриво заметила Дейзи, чуть отодвигаясь от мужа.

– Терпеть не могу эту твою новую смесь кокетства и нахальства! – воскликнул Лайм. – Не было в тебе раньше ни того, ни другого! Не беспокойся, я тебя не трону, здесь люди. Доктор Миллан не может открыто приставать к девушке, с которой только что познакомился. Надоело мне ломать комедию, Энн. Скоро год будет, как мы живем невесть как.

– Знаю. Мне, может, тоже все это надоело. Но дело есть дело. Оно движется не так быстро, как хотелось бы. У нас пока недостаточно улик. Но время у нас еще есть. Не будем торопить события. Пойдем спать.

– Спокойной ночи, Энн, – Лайм пожал ей руку. – Я люблю тебя.

– Я тебя тоже. Спокойной ночи, дорогой.

Дейзи вошла в номер, опустила жалюзи, сняла парик и легла на кровать прямо в одежде. Одно ее слово – и эту ночь она могла бы провести с Лаймом. Но благоразумие советовало отказаться, ведь такая откровенная связь, возможно, вызвала бы подозрения. Энн Литтлвуд, скорее всего, была способна на что-нибудь подобное, но вот доктор Миллан... Затащить к себе в номер девушку, с которой познакомился несколько часов назад, – это было на него совершенно не похоже.

Дейзи нырнула в постель и накрылась с головой одеялом. Интересно, Лайм не обиделся из-за ее отказа? «Так бы и схватил тебя и не отпускал до утра». Она бы, наверное, не отпустила его до самого вечера. Девушка стала считать по пальцам, сколько месяцев она не занималась любовью. Восемь с половиной, почти девять! Она явно не среднестатистическая американка. Дейзи прыснула. И все-таки она счастлива, ее выступление стало ее триумфом.

Заключительное заседание началось несколько позже, чем в предыдущие дни – в половине двенадцатого. Сначала на публику вылился целый поток дежурных фраз. Дейзи изнемогала от скуки. Она стала думать о том, как бы повела себя настоящая Энн Литтлвуд, и решила, что ей нужно проявить интерес к Лайму. Девушка положила ногу на ногу, стала вертеть носком от «крысы» и косо поглядывать на доктора Миллана с полуулыбкой на лице. Лайм сначала посмотрел на нее с удивлением, но быстро включился в игру и взглянул на нее весьма строго. Наконец начали подводить итоги конференции. Было предложено выступить председателям всех секций. Отмечали высокий уровень участников, выделяли лучших. Пришло время говорить и председательнице секции, где выступала Дейзи.

– Все доклады были очень интересными, – сказала эта немолодая дама, – но особенно хотелось бы выделить доклад мисс Энн Литтлвуд «Эггнизм и мировое искусство». Это самая юная участница нашей конференции, к тому же из Мичиганского университета, что вдвойне приятно, ведь это уважаемое учебное заведение традиционно специализируется в области естественных наук. Думаю, большинство из тех, кто участвовал вчера в работе нашей секции, согласится, что выступление мисс Литтлвуд было самым ярким. Не могу не добавить, что она уже сдала экзамены за три курса и, насколько мне известно, намерена закончить в этом году.

– Да, если мне разрешат, – громко сказала Дейзи с места.

– Разрешат, – уверенно произнесла председательница. – Мы все, – она выразительно окинула взглядом президиум, чуть дольше задержавшись на докторе Миллане, – мы все желаем Вам всяческих успехов.

Воцарилась тишина. Все ждали, что скажет девушка. Дейзи поднялась со своего места, осмотрела зал и произнесла с улыбкой:

– Вероятно, сейчас мне нужно держать ответную речь. Что ж, ладно, только пусть вас не шокирует то, что я сейчас ляпну. Я благодарна, прежде всего, самой себе...

Зал вздрогнул. Это был верх наглости.

– ... за то, что достойно отстояла честь своего университета и своего колледжа. Я благодарю также заведующую кафедрой истории искусств, которая дала мне рекомендацию, несмотря на то, что я еще не проучилась и года. Я благодарю своего декана и всех преподавателей, которые меня подготовили. Я благодарна библиотеке, где я работаю. И, конечно, я благодарю всех вас за то, что так тепло меня приняли и оценили мой доклад.

Дейзи чуть наклонила голову. Ей вежливо зааплодировали. Она села на место, громыхнув всеми своими молниями. Дейзи было приятно, что ее похвалили, но она оставалась невозмутимой.

После заседания к ней подошел Лайм. Он поклонился и произнес весьма громко:

– Мисс Литтлвуд, позвольте проводить Вас на вокзал.

– Позволяю, – весело сказала Дейзи. – Только мне надо забрать сумку из отеля.

Они шли пешком до гостиницы и вместе поднялись на лифте на десятый этаж. Лайм остался в коридоре, Дейзи повесила на плечо сумку, взяла в руки папку и закрыла номер.

– Энн, давай сюда свой баул, – со смехом сказал Лайм.

– Брось ты, она легкая, – отмахнулась Дейзи. Лайм почти обиделся.

– Слушай, Энн, ты можешь меня представить рядом с женщиной, которая несет сумку таких размеров?

Дейзи развела руками и поставила вещи на пол.

– Бери, – сказала она. – Знаешь, я так привыкла все делать сама, что принимать помощь даже как-то непривычно.

Лайм взял ее сумку и произнес:

– Дело не в правилах хорошего тона. Просто я не могу позволить женщине носить тяжести.

– Сумка не тяжелая, – настаивала Дейзи.

Он рассмеялся, покачал головой и вызвал лифт.

Они вели себя сдержанно. На стоянке было много народу, и все смотрели на них. Лайм молча поставил вещи Дейзи на заднее сидение, а ее саму усадил на переднее. Девушка чувствовала себя неудобно. Это был тот же самый джип, что и год назад. Воспоминания как будто парализовали Дейзи. Перед ее глазами стояло лицо Лайма в то зимнее утро, когда она впервые спросила его об эггнизме. Девушка сжала губы и взглянула на мужа. Он молчал. Уже подъезжая к вокзалу, Лайм взял ее левую руку и сказал:

– Я скоро куплю новую машину.

– Правильно, – одобрила Дейзи. – Сейчас можно найти хорошие модели. Но моя развалюха пока ездит, так что я не буду менять шило на мыло.

Странное дело, но по пути на вокзал они практически ни о чем больше не говорили. Выйдя на улицу, оба оживились и стали обсуждать конференцию. Наконец, Дейзи спросила о том, что мучило ее с прошлого вечера:

– Лайм, ты, надеюсь, понимаешь, что я тебе вчера отказала не потому, что не хотела быть с тобой. Я очень хотела. Ты мне веришь?

Он взглянул на нее с юмором.

– Я тебя за два года все-таки изучил и знаю, когда и чего ты хочешь. Полагаю, если бы я вчера очень настаивал, ты бы сломалась.

– Я тут посчитала, – задумчиво сказала Дейзи, – что мы не были близки уже почти девять месяцев.

– Решила отметить годовщину? – спросил Лайм со смешком. – Не беспокойся, я выдержу, похоже, мое терпение беспредельно.

– Я всегда говорила, что любовь – это не только секс, – заявила девушка.

– Мы с тобой два ископаемых, – рассмеялся Лайм. – Когда-то я считал, что любовью следует заниматься только для зачатия ребенка.

Дейзи вздрогнула. Это была болезная тема.

– Думаю, сейчас не время говорить о ребенке, – холодно произнесла она.

– Не знаю, когда оно наступит, и наступит ли вообще. Я сам раньше с тобой соглашался в том, что надо сначала стать знаменитой, а потом уже заводить ребенка. Но, я полагаю, если бы у нас были дети, ты бы от меня не ушла.

– Еще как ушла бы! – возразила Дейзи. – Причем вместе с детьми. Неужели ты думаешь, что я позволила бы своим детям жить во лжи!

Лайм остановился и взглянул ей прямо в лицо.

– Ты ко мне беспощадна. Я иногда спрашиваю себя: когда мы закончим наше так называемое дело, вернешься ли ты ко мне?

– Вернусь, если не будешь меня изводить, – твердо сказала Дейзи. – А если будешь ныть, не буду тебе звонить.

– Я теперь сам буду тебе названивать, – весело парировал Лайм, – домой.

– Я брошу трубку.

– Тогда я буду присылать тебе письма по электронной почте, – не унимался Лайм, – причем самого официального содержания. «Дорогая мисс Литтлвуд! Разрешите мне еще раз поздравить Вас с Вашим успехом на конференции. И т.д., и т.п.» Я завалю тебя подобной официальнойщиной!

Дейзи расхохоталась.

– Лайм, знаешь, что ты хочешь сейчас сказать? – спросила она. – Ты решил мне отомстить.

– Ты глупая девчонка, – снисходительно произнес он. – Я решил тебе отомстить! Ну и бред! Скажи лучше, что у тебя в папке?

– Рекомендации для поступления в докторантуру.

– Давай я дам тебе рекомендацию. Я тебя слушал, и мое слово пока кое-что значит.

– Этого не требуется.

Девушка собрала уже целую пачку рекомендательных писем от видных культурологов, присутствовавших на конференции. Бумага от доктора Миллана ей действительно не слишком была нужна.

– Понятно, – сказал Лайм. – Итак, верх моих мечтаний – это заплатить за тебя в ресторане. Ладно. Кстати, я не знаю адреса твоей электронной почты. Ты мне его продиктуешь?

– Да, конечно. Записывай.

Лайм записал.

– А твой электронный адрес не изменился? – спросила девушка.

– Нет, все тот же.

Дейзи на всякий случай записала его еще раз.

Они попрощались за руку. Девушка помахала Лайму с подножки и вошла в вагон. Он остался на перроне. Поезд тронулся.

Они не сказали друг другу очень многого. Дейзи не призналась, что, когда ложится спать, всегда представляет себе Лайма. Она не сказала ему, какую нежность к нему чувствует, как

хотелось ей там, в машине, обнять его за шею, зарыться лицом в его мягкие черные волосы. Лайм не рассказал ей, как тяжело ему бывает порой в их большом пустом доме, когда воспоминания душат его, и работа действительно становится единственным спасением. Дейзи, в свою очередь, забыла сообщить мужу о том, что отказалась от публикации своего доклада. Она не хотела, чтобы над ее статьей стояло чужое имя – Энн Литтлвуд. Девушка надеялась, что однажды снова станет собой.

В поезде к Дейзи подседа Рейчел, докторантка с кафедры английского языка и английской литературы. Они познакомились на конференции. В колледже они встречались едва ли пару раз.

– Как вижу, тобой заинтересовался доктор Миллан, – заметила Рейчел.

– Заинтересовался? Ну это ты загнула! – возразила Дейзи с неподражаемой интонацией Энн Литтлвуд. – Доктор Миллан угостил меня кофе. Ему понравился мой доклад.

– Ты явно скромничаешь. Он ведь проводил тебя до поезда, а вчера вечером вас видели на смотровой площадке.

– Ну и что же мне теперь, нельзя выйти подышать свежим воздухом! – возмутилась Дейзи. Этот диалог начинал ее забавлять, но она твердо решила играть роль Энн Литтлвуд. – Мы случайно столкнулись, когда я вылезла из скай-бара.

– Не отпирайся, Энн, – сказала Рейчел. – Ты понравилась доктору Миллану. И позволь мне дать тебе дружеский совет – не рассчитывай на что-нибудь серьезное.

Дейзи чуть не умерла со смеху, но сдержалась и вместо этого сделала большие глаза.

– Я тебя не понимаю, – недоуменно произнесла она.

– Слушай, Энн, ты должна знать, что прошлым летом у доктора Миллана погибла жена. С тех пор он не смотрел ни на одну женщину. И вот он встретил тебя. Ты похожа на Дейзи Миллан, ты ему ее напомнила, и он обратил на тебя внимание. К тому же ты способная и по-своему привлекательная...

– Это чушь! – перебила ее Дейзи. – Я прекрасно знаю, что я некрасивая.

– Ладно, не будем спорить. В общем, он увидел в тебе свою покойную жену и решил за тобой поухаживать.

Дейзи едва не расхохоталась. Она представила себе физиономию Рейчел, если бы та узнала, что перед ней сидит законная жена Лайма Миллана. Но девушка прекрасно понимала, что ее собеседница смотрит на нее как на Энн Литтлвуд, и нужно было вести себя соответственно.

– Поухаживать? – повторила Дейзи. – Нет, Рейчел, ты перегибаешь палку. Доктор Миллан угостил меня кофе и проводил на вокзал. Что из того?

– Энн, не строй из себя дурочку. Не обижайся, но я хочу тебе признаться – я бы не хотела оказаться на твоём месте. Не очень интересно быть второй.

Дейзи вытаращила глаза и начала говорить, оживленно жестикулируя:

– Рейчел, ты делаешь из мухи слона! Доктор Миллан приятный, обходительный человек, мне было интересно с ним побеседовать. Но он до меня даже не дотронулся, и болтали мы с ним только о конференции да о моем докладе. И вообще, я же не собираюсь с ним спать!

Последнее было сказано грубо и являлось совершенной неправдой. Однако Дейзи произнесла эти слова с таким чувством оскорбленного самолюбия, что трудно было ей не поверить. Рейчел внимательно посмотрела на девушку и медленно сказала:

– Знаешь, девочка, думаю, не солгу, если заявлю, что большинство женщин с конференции хотело бы оказаться в постели с доктором Милланом. Но это невозможно. Он слишком любит свою покойную принцессу.

Дейзи выслушала эту тираду, затем воздела руки к небу и сказала:

– Господи, как у вас все сложно! Я вспоминаю, как мы жили в Олбани, ты ведь знаешь, что я оттуда. Так вот, в нашей компании любой парень мог подойти к любой девчонке,

или наоборот, и спросить: «Хочешь провести со мной вечер?» или прямо: «Хочешь заняться любовью?» Оставалось только ответить «да» или «нет». И никаких проблем. Никто ни на кого не обижался. А у вас...

– А у нас, собственно говоря, то же самое, – призналась Рейчел. – Но доктор Миллан – не тот случай. Это была любовь, которой в нашем прозаическом мире и быть-то не должно. Я, помнится, смотрела кусок похорон Дейзи, он читал ей стихи, так я ревела. Нет, Энн, это был не просто брак, это была сказка.

Дейзи притихла и смотрела на собеседницу с глуповато-серьезным выражением лица.

– И все-таки, доктор Миллан просто угостил меня кофе и похвалил мое выступление, – сказала она. – А больше ничего не было.

Глава 5

После возвращения в Детройт для Дейзи снова начались будни: работа, подготовка к экзаменам за четвертый курс, лекции и семинары в колледже. Преподаватели поздравляли ее с блестящим дебютом на конференции, миссис Андехилл сказала, что гордится ею. Девушка не успевала всех благодарить.

Лайм, как и обещал, звонил довольно часто. Они с Дейзи смогли, наконец, отказаться от звонков из автомата в автомат, правда, договорились быть сдержанными хотя бы в первое время, памятуя о возможном подслушивании. При необходимости у них оставался старый способ связи. Письма по электронной почте Лайм присылал почти ежедневно. Дейзи обычно ограничивалась ответами типа «жива-здорова», но однажды сама проявила инициативу и отправила два довольно длинных «послания», в которых подробно рассказывала о своих занятиях и своих исследованиях. Оба письма заканчивались словами «Люблю, Энн». Девушка всегда использовала такую концовку, не вкладывая в нее ничего особенного. Лишь изредка она употребляла выражение «с наилучшими пожеланиями» и еще реже «искренне Ваша».

В отличие от предыдущей, эта весна радовала Дейзи. Девушка была веселой как никогда. Даже вечером, после работы она вприпрыжку носилась по квартире, не чувствуя усталости. Дейзи открывала все окна и наслаждалась весенними ароматами, благо воздух в ее районе был чистым. Она спала как младенец, а утром делала зарядку, с начала апреля на балконе. Сколько раз Дейзи жалела, что в ее доме под Бостоном не было лоджии! Теперь у нее был небольшой балкончик, с которого она осматривала окрестности и здоровалась с соседями. С последними девушка старалась не сближаться, но и не ссориться. Дейзи жила весьма обособленно, за все то время, что она провела в Детройте, то есть почти за год, у нее в квартире ни разу не было гостей.

Вскоре после того, как девушка отослала мужу по электронной почте два больших сообщения, он позвонил ей, и в его голосе звучало беспокойство. Новость, которую сообщил Лайм, была не из приятных: кто-то вскрыл его электронный ящик.

– Там было что-нибудь важное? – спросила Дейзи.

– Да нет. Твои два письма, письма по работе... Кому все это может быть интересно, ума не приложу.

– Действительно, очень странная история, – задумчиво произнесла девушка. – Посмотрим, во что она выльется.

Через несколько дней в одном из ведущих американских журналов появилась статья под заголовком «Мы считали их идеальной парой». В ней рассказывалось о любви Дейзи и Лайма. Разумеется, это была официальная версия. В центре была помещена их фотография. Девушке стоило большого труда вспомнить, что это за снимок. Похоже, их сфотографировали на выходе из Ратуши после пасхального концерта в прошлом году. Заканчивалась статья своеобразной

сенсацией. Впрочем, какая статья не сообщает чего-нибудь экстраординарного? Итак, не прошло и года со смерти Дейзи, как у доктора Миллана появилась женщина.

«Ее зовут Анна, она студентка Мичиганского университета, весьма способная. Они познакомились недавно, однако она уже пишет доктору Миллану нежные письма...»

Далее шли цитаты из тех двух посланий, которые девушка недавно отправила Лайму. Это были просто формулы вежливости.

«... Что касается внешности, то она страшненькая, манеры у нее развязные, что наводит на мысли о ее поведении. За свою редкую наглость эта сирота из Олбани получила прозвище „танк“. Удивительно, что эта грубая, некрасивая девица, в которой нет и сотой доли обаяния принцессы Дейзи, могла понравиться доктору Миллану».

Девушка была немало озадачена. «Эти писаки совсем, что ли, обалдели! – подумала она. – Уже и за свободных людей взялись!» Дейзи раздирали противоположные чувства. С одной стороны, она была довольна, что Энн Литтлвуд никак не отождествляют с ней самой. С другой стороны, пренебрежительный тон статьи ее задел. Может, она переиграла? Дейзи посмотрела на себя в зеркало. Не такая уж она и страшная, не хуже других. И манеры у нее не развязнее, чем у остальных американок. Могут не беспокоиться, она будет защищаться как Энн Литтлвуд. В конце концов Дейзи рассмеялась. Все-таки люди удивительно слепы! Не видят, что «сирота» из Олбани и певица из Бостона – одно и то же лицо.

Лайм позвонил ей в тот же вечер.

– Энн, нам нужно встретиться, – коротко сказал он. – Ты можешь завтра часов в восемь утра на вокзале Анн Арбора?

– Да, могу, – так же коротко ответила Дейзи.

– Тогда до завтра. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Дейзи снова прочитала статью. На сей раз ей стало весело. Впервые в жизни она попала в скандальную хронику! Да еще в двух лицах – как прелестная принцесса Дейзи и наглая Энн Литтлвуд! Вот так история!

Девушка нашла мужа в зале ожидания. Он был взбешен. Они отошли в самый дальний угол, Лайм бросил журнал на стол и спросил:

– Ты это читала? Какая мерзость!

– Чего ты так переживаешь? – удивилась Дейзи.

– Чего я переживаю? Нет, ты, похоже, не читала статью!

– Лайм, я сначала тоже была обескуражена, но потом подумала: ведь это хорошо, что все воспринимают меня как двух женщин, а не как одну.

– Куда уж лучше! Мы с тобой попали в скандал.

Дейзи улыбнулась.

– Но ведь это смешно, – заметила она.

– Очень смешно. Между прочим, о тебе там пишут самые большие гадости. Ну а что будут думать обо мне, и говорить не хочется. Когда я прочитал эту мерзость, так противно стало.

Он говорил нервно и быстро. Дейзи внимательно на него посмотрела и села за столик.

– Лайм, давай поговорим спокойно. Я не считаю, что должна изменить свое поведение из-за того, что кто-то считает меня развязной. Я веду себя вполне прилично. Я к тебе на шею не вешалась!

– Энн, тебя я ни в чем не обвиняю. Я вчера звонил им и сказал, что недопустимо писать о порядочной девушке в таком тоне. В общем, я их обругал. И все-таки, в кого они хотят меня превратить? В любителя молоденьких девушек?

Дейзи прыснула.

– Бедный Лайм! – воскликнула она. – Теперь твои студентки не будут оставаться с тобой наедине, опасаясь, как бы ты их не соблазнил!

– Попридержи свой чересчур острый язычок, Энн Литтлвуд! – оборвал ее Лайм. – Я порядочный человек! Если тебе нравится, чтобы о тебе писали гадости, то мне это отвратительно!

– Успокойся, Лайм, – сказала Дейзи. – Давай взглянем на эту историю с другой стороны. Забудем, что Энн и твоя жена – одно и то же лицо. Пусть это будет другая девушка. Тогда именно ее, а не твоя репутация пострадает больше всего. У этой девушки может быть парень, что он после такой статьи о ней подумает!

Лайм бросил на нее выразительный взгляд.

– Ах, Лайм, да нет у меня никого, кроме тебя! – со смехом воскликнула Дейзи. – Но у Энн Литтлвуд-то мог бы быть!

Лайм помотал головой.

– Ты меня совсем запутала. Надоели мне твои игры. Ты получаешь от них удовольствие, а я чувствую себя в дурацком положении.

– Ладно, – произнесла девушка, – давай поставим вопрос ребром: ты спал с Энн Литтлвуд?

– Не имел чести, – усмехнулся Лайм. – Сия достойная особа мне отказала.

Дейзи рассмеялась.

– Ну вот и ответ. Значит, на девушку клеветают, и ты должен ее защищать.

– Не тебе учить меня правилам чести! – воскликнул Лайм. – Хорошо, я позвоню в редакцию еще раз и поговорю уже спокойно, без нецензурных выражений. Потребую, чтобы они перед тобой извинились. Пригрожу, что иначе мы оба подадим в суд.

– Правильно. Я пригрожу им со своей стороны тем же самым. Устроим большой шум, думаю, они извинятся.

Лайм несколько успокоился и взглянул на жену довольно лукаво.

– Ну ты и чертенок, – заметил он. – Хочешь, чтобы я доказывал, что не изменял тебе с тобою самой!

Дейзи расхохоталась, но затем добавила серьезно:

– Чем больше ты будешь так думать, тем хуже. Для всех я не твоя жена. Забудь об этом. Но, пожалуйста, не надо меня ревновать. Я твоя женщина, только твоя.

– Знаешь, я вроде бы уже привык, – заметил Лайм. – Но вот прочитал эту гадость, и сразу поползли мысли: а вдруг у тебя кто-то есть, о ком я не знаю? Вдруг ты меня обманываешь?

– Лайм, что за глупости! – возмутилась девушка. – Как ты только мог такое придумать! Между прочим, там писали о тебе и обо мне, и больше ни о ком.

Он вздохнул.

– Извини. Моя мама говорила, что ревность – проклятие нашей нации. Я стараюсь держать себя в руках. Я очень тебя люблю, иначе зачем мне было бы участвовать во всех твоих представлениях? Но я уже немолод для таких поворотов, как эта статья.

Дейзи оглядела его с головы до ног.

– Ты, и немолод? – произнесла она. – Посмотри на себя в зеркало! Да от тебя все женщины без ума!

Лайм взглянул на нее с удивлением.

– Знаю из проверенных источников, – весело добавила девушка. – Если ты будешь обращать на меня внимание, мне будут завидовать черной завистью.

Лайм рассмеялся. Дейзи посмотрела на него с нежностью.

– Ну вот, наконец-то ты смеешься, – сказала она. – Не нужно принимать всякие глупости так близко к сердцу. Раз в жизни о нас написали неуважительно – ну и что? Будем защищаться как порядочные люди. Но будем помнить, что чем больше мы будем все отрицать, тем больше будет о нас слухов. Так что готовься.

– Я уже готов, – ответил Лайм.

– Вот и хорошо. Не беспокойся обо мне. Будем веселиться, ведь на дворе весна. Правда, мне сейчас некогда, надо готовиться к экзаменам.

– Как всегда, – заметил Лайм. – Скорей бы уже ты закончила!

– Скоро, скоро. Ладно, я побежала, а то на работу опоздаю. Пока, Лайм.

– Счастливо, Энн.

Дейзи влетела в библиотеку ровно в девять. Когда она вошла, девушки из ее отдела притихли и посмотрели на нее многозначительно. На одном из компьютеров лежал журнал.

– Меня обсуждаете? – громко спросила Дейзи. – Журналисты совсем с ума спятили, личные электронные ящики вскрывать начали, деловые письма выдают за любовные!

Ей ничего не ответили. Дейзи демонстративно сняла куртку и села на свое место.

– Какой-то идиотизм! – воскликнула она. – С каких пор неженатый мужчина незамужнюю девушку не может спокойно до поезда проводить!

На нее смотрели с любопытством. Наконец, одна из девушек подошла к Дейзи с горящими глазами и спросила:

– Ну а если честно, Энн, было что-нибудь, или нет?

– Ты что, совсем меня не уважаешь? – возмутилась Дейзи. – Вообще ничего не было, он до меня даже не дотронулся!

– А он тебе нравится? – не отставала ее собеседница.

– Начинается. Доктор Миллан приятный человек, выдающийся ученый и все такое прочее, он всем нравится.

– А какой он, такой же привлекательный, как по телевизору?

Дейзи пожала плечами. Последний раз она видела Лайма на экране на Рождество, и он был неотразим, но и в жизни от него было невозможно отвести глаза.

– Он очень обаятельный, – сказала она. – В общении очень простой. С ним легко.

– А что он думает по поводу статьи?

– Разведка еще не донесла? – улыбнулась Дейзи. – Мы встречались час назад. Доктор Миллан был вне себя. Он обещал меня защищать. С его стороны это очень благородно, хотя я не принцесса и не слишком нуждаюсь в его рыцарском отношении.

– Здорово.

Воцарилась тишина. Дейзи окинула всех внимательным взглядом.

– Вы все равно мне не верите, – произнесла она. – По-вашему, только знаменитые любят друг друга как в сказке и не могут друг друга забыть. Может, я тоже не могу забыть своих друзей? Может, я сейчас вспоминаю прошлую весну и как нам было хорошо вместе? Может, у меня тоже есть свои чувства! Наверное, и доктор Миллан сейчас вспоминает свою жену, но ведь и я тоже думаю о тех, кого любила! Я тоже теряла близких людей, я тоже страдала, и сердце у меня болело!

Дейзи говорила искренне и прекрасно знала, что такой ее тон всегда производил впечатление на слушателей. И на сей раз ее слова подействовали. Девушка, которая сидела рядом с ней, подошла к ней, обняла и проговорила:

– Прости, Энн. Мы не думали, что ты воспринимаешь все так серьезно. Ты была такой веселой в последнее время. Мы думали, что ты и забыла про аварию.

Дейзи улыбнулась и сказала с грустью:

– Оскорбить человека нетрудно. Одно-два грубых слова – и один становится развратником, а другая – распушенной женщиной. Но я не собираюсь огорчаться из-за каких-то идиотов. Я была веселой? Так я такой и буду. Не собираюсь раскисать! Но я никому не позволю марать мое имя и изображать из меня девушку легкого поведения!

– Мы ничего такого никогда о тебе не думали! – дружно возразили ее коллеги.

– Спасибо, девчонки. В общем, из нас троих больше всех повезло принцессе Дейзи. Судя по статье, она была просто святой.

– Наверное, она такой и была.

Впервые девушка говорила о себе как о чужом человеке. У нее было странное ощущение, и ей захотелось поскорее прекратить эту болтовню.

– Скорее всего, она была женщиной, которая любила, страдала, как и другие, – сказала Дейзи. – Но, наверное, она действительно была счастлива.

Некоторое время все молчали. Атмосфера в библиотеке была тяжелой. Дейзи решила разрядить обстановку. Она встряхнулась, приняла свой обычный насмешливый вид и произнесла:

– Слушайте, девчонки, знаете, что они хотели сказать этой статьей? Что я увела доктора Миллана у его покойной жены!

Раздался дружный хохот.

– Пожалейте нас с доктором Милланом, – умоляющим тоном добавила девушка. – Нам ведь теперь расхлебывать всю эту бредятину!

Дейзи дождалась второго взрыва хохота и отправилась писать электронное письмо в редакцию злополучного журнала.

То, что у нее в конце концов получилось, было форменным безобразием:

Меня зовут Энн, а не Анна,
Я сирота, но не болван.
Внешность у меня не Мэрилин Монро,
Но не вам, ищейки, судить обо мне.
Не ваше дело, господа,
Кто бывает у меня
И с кем я ночью сплю.
Человека оболгать для вас так же легко,
Как зубы почистить с утра.
Но на сей раз напали вы не на ту,
Я могу за себя постоять.
Если вы не извинитесь,
То вами, писаки,
Займется федеральный суд.
Без уважения,
Энн Литтлвуд.

Стихи были полнейшим кошмаром, но Дейзи именно этого и надо было. У нее не было никаких способностей к поэзии, и в данном случае она руководствовалась принципом «чем хуже, тем лучше». Она отправила письмо и почувствовала удовлетворение.

Прямо перед закрытием в библиотеку зашла секретарша декана.

– Мисс Литтлвуд, – позвала она. – Миссис Андехилл просила Вас к ней зайти.

– Я сейчас приду.

Дейзи собрала сумку, выключила компьютер и сказала на ходу:

– Ну вот, меня уже вызывают к начальству. Черт бы побрал этих журналистов!

– Удачи тебе, Энни.

– Спасибо.

Декан ходила по кабинету взад-вперед с чрезвычайно серьезным видом. Дейзи вошла и с порога сказала громко:

– Здасьте!

– Здравствуйте, Энн, – произнесла декан.

– Вы позвали меня из-за статьи?

– И из-за нее тоже.

– Я не знаю, что Вам сказать. Я не собираюсь ни в чем оправдываться.

– Я от Вас этого не жду, – заметила миссис Андехилл. – Я хочу, чтобы Вы знали, что мне было очень неприятно читать про Вас гадости.

– Спасибо, – чуть наклонив голову, сказала Дейзи. – Я второй день думаю об этой статье и не могу определить, как к ней отношусь. Иногда я начинаю смеяться до упаду, а иногда мне становится жутко противно.

– Я Вас понимаю. Есть от чего.

Они замолчали. Впервые Дейзи чувствовала неловкость в обществе декана. Но именно этой уважаемой женщине она должна была в очередной раз поведать легенду о чистоте своих отношений с Лаймом.

– Миссис Андехилл, может, хоть Вы мне поверите, – начала Дейзи, – но на той конференции у нас с доктором Милланом вообще ничего не было. Он даже до меня не дотронулся. Мы простились за руку, это все видели...

– Энн, в чем Вы хотите меня убедить? – с улыбкой спросила декан. – В том, что доктор Миллан – порядочный человек? В этом я не сомневаюсь.

Дейзи тоже улыбнулась.

– Я вообще не понимаю, о чем эта статья, – сказала девушка. – Я не вижу, откуда здесь может вылезти скандал. Я ведь не сделала ничего дурного. Даже если бы в этой истории была хоть доля правды, что в этом особенного? Я ведь не разбиваю семью, не отрываю отца от детей. Они цитировали мои письма, и каков их козырь? Я написала доктору Миллану «Люблю, Энн». Но я же всем так пишу! Слушайте, миссис Андехилл, если бы я Вам написала «Люблю, Энн», они, что, подумали бы, что мы лесбиянки?

Декан рассмеялась, но ответила весьма серьезно:

– Вы, конечно, правы, Энн. Но история Дейзи и Лайма Милланов, действительно, была сказкой, и его неожиданный интерес к Вам всех удивил. Все ждали чуда, не знаю, как Вам объяснить... Скажите лучше, что Вы собираетесь предпринять?

– Мы встречались сегодня утром с доктором Милланом, – сказала Дейзи, – и решили, что, если нам не принесут извинения, мы оба подадим в суд. Доктор Миллан обещал меня защищать. Я уже отправила электронное письмо в редакцию, где выразила свое отношение к статье.

– Вы все сделали правильно, – одобрила декан. – Я рада, что доктор Миллан Вас поддерживает. Не зря его женой был принцесса Дейзи. Если понадобится моя помощь, можете на меня рассчитывать. Если Вы все-таки подадите в суд, можете вызвать меня в качестве свидетельницы. Я им все скажу, что о них думаю! Я покажу им, как обижать человека, которого и так не баловала судьба!

Дейзи едва не вздрогнула. Последние слова декана ее задели. Как она ошибается! Как жаль, что ей нельзя знать, что перед ней не Энн Литтлвуд, а знаменитая Дейзи Миллан, которая бросила все, чтобы открыть правду об эггнизме. Увы, это было невозможно, и девушке пришлось продолжать играть свою роль.

– Спасибо за Вашу доброту, миссис Андехилл, – сказала она с чувством. – Надеюсь, что до суда дело не дойдет.

– Надеюсь, – ответила декан. – Но я вызвала Вас не только из-за этой статьи. Вы собираетесь заканчивать учебу в этом году?

– Да, собираюсь. Мне осталось всего несколько экзаменов.

– Очень хорошо. Мы все хотели бы, чтобы эта сказка стала явью.

– Я не верю в сказки, – резко сказала Дейзи. – Я верю в свой труд.

– Называйте это как хотите, – пожала плечами декан. – Но если Вы действительно к этому стремитесь, уходите с работы.

– А на что я буду жить? – резонно спросила Дейзи.

– Эмм, библиотека отнимает у Вас слишком много времени. Понимаю, Вам нужны деньги. Я слышала, Вы превосходно владеете компьютером. Я Вам один раз помогла, помогу и еще раз. Я найду Вам какую-нибудь подработку.

– Не знаю, как Вас и благодарить, – произнесла Дейзи. – Но раз уж речь зашла о моей учебе, давайте я сразу отдам Вам рекомендации на мое поступление в докторантуру.

Дейзи вынула бумаги из сумки и положила на стол декану.

– Молодец, что принесли, – сказала та. – Думаю, с докторантурой все будет в порядке. Вы нам нужны.

– А как мне получить стипендию?

– Об этом не беспокойтесь. Оплатой Вашего обучения займется колледж. На Вас возлагают большие надежды.

Дейзи онемела. Исполнялась ее мечта – у нее появился шанс стать доктором философии, не получая степени магистра. Декан посмотрела на нее с улыбкой.

– Что же Вы не радуетесь? – удивленно спросила она. – Эта глупая статья совсем выбила Вас из колеи?

– Нет, дело не в этом, – проговорила Дейзи. – Просто своей добротой Вы меня обезоруживаете.

– Право, благодарите саму себя за свои способности, как Вы это сделали на конференции, – рассмеялась декан. – Я просто отдаю Вам справедливость.

Они расстались очень тепло. Дейзи села в машину, все еще не в силах поверить, что ее тайная мечта стать доктором, а возможно, и профессором университета может сбыться. Плевать на слухи, сплетни и т.п.! Она будет уважаемым человеком, и у нее будет доступ к информации. На мгновение Дейзи почувствовала себя по-настоящему взрослой. Она станет профессором, вот это да! Но весна за окном не настраивала на серьезный лад, и у Дейзи быстро отпала охота быть важной дамой. Ей захотелось быть любимой. Она так давно не обнимала, не целовала Лайма, не чувствовала под своими пальцами его тело. Скорей бы уж закончилась эта эпопея со статьей!

Наутро Дейзи получила целых два письма – простое и электронное – от редакции журнала.

«Уважаемая мисс Литтлвуд!

Примите наши извинения за те оскорбления, которые были нанесены Вам в статье «Мы считали их идеальной парой» в №... от..2046 г. Глубоко сожалеем, что эта статья появилась в нашем издании. Искренне желаем Вам успехов.

Автор статьи лишен гонорара, и сейчас решается вопрос о его увольнении.

Искренне Ваши.

И т.д., и т.п.»

В конце шел довольно длинный список фамилий – от главного редактора до мелких сотрудников. Лайм получил примерно такое же письмо.

Они созвонились сразу после работы. Оба были в отличном настроении и большую часть разговора смеялись.

– Представляешь, я им такого понаписала, – рассказывала Дейзи. – Честное слово, как-нибудь тебе покажу! У них, наверное, волосы дыбом встали!

– Ну а от меня, – встрял Лайм, – от меня у них тем более должны были волосы дыбом встать! Чего я им только не говорил, когда звонил первый раз! Как это они еще не выпустили статью под громким названием «Доктор Миллан ругается нецензурными словами»!

– О, Лайм, я от тебя в жизни бранного слова не слышала!

– И не услышишь. Но если кто-нибудь еще скажет про тебя гадость, он непременно услышит!

Наконец Дейзи заметила уже серьезно:

– Кстати говоря, мы оказались не такими уж беззащитными перед клеветой.

– Верно, учитывая, что раньше мы с тобой с такими вещами не сталкивались.

– Надеюсь, что и в будущем не столкнемся. Но, я думаю, в крайнем случае мы справимся и с настоящей травлей.

– Справимся, Энн, обязательно справимся.

Победа окрылила Дейзи. Она была на подъеме. Экзамены девушка сдавала легко, хотя и не всегда на «отлично». «Я не гонюсь за оценками, – повторяла она, – мне нужно закончить». С мая Дейзи больше не работала в библиотеке. Миссис Андеhillл сдержала свое обещание – без денег девушка не осталась. Дейзи занималась дизайном новых электронных страниц колледжа, печатала какие-то бумаги, работала с библиотечной базой данных. В результате ее доходы были не меньше, чем в предыдущие месяцы. Девушку это радовало, так как ей предстояло еще жить июль, август и часть сентября. С нового учебного года ее обещали взять на кафедру в качестве ассистента.

Дейзи получила диплом прямо перед Днем Независимости. Один из главных американских праздников в университете отмечали с размахом: парады, духовые оркестры, огромное количество воздушных шаров, цветов, национальных флагов. Было весело, вечером молодежь отправилась на дискотеки, но Дейзи за весь день жутко устала и поехала домой.

На следующий день ее разбудил телефонный звонок. Мужской голос вежливо сообщил, что ему нужно передать ей цветы. Дейзи очень удивилась, быстро надела парик, наложила тампоны от кругов под глазами, чтобы ее случайно не узнали, накинула халат и пошла открывать дверь. На пороге стоял симпатичный парень с огромным букетом розовых роз. Он оказался служащим цветочной фирмы. Юноша вручил ей букет, поздравил с прошедшим праздником и удалился.

Дейзи стояла посередине прихожей, с удивлением смотря на розы, хотя она прекрасно знала, от кого они. И действительно, в букет была вложена записка:

«Дорогая Энн!

Поздравляю с блестящим окончанием колледжа.

Целую,

Лайм».

Девушка улыбнулась, поставила цветы в вазу и повалилась обратно на кровать. Было уже двенадцать, но вставать с постели не хотелось. Она дотянулась до телефонной трубки и набрала номер Лайма. Он был дома и весьма удивился ее звонку, тем более, с утра.

– Спасибо за цветы, – сказала Дейзи.

– Я рад, что они тебе понравились.

– Очень.

– Поздравляю тебя с окончанием и с праздником. Ты уже бакалавр, похоже, скоро станешь доктором.

Дейзи рассмеялась.

– Спасибо, Лайм. Что ты сейчас делаешь?

– Пишу рецензии на книги. Пять штук.

– Книжки-то интересные?

– Как сказать. Вроде, ничего. Может, кому-то и пригодятся. А ты чем занята?

– Ничем. Валяюсь в постели. Твой юноша с букетом меня разбудил.

– Неужели? Ведь уже первый час!

– Проспала. Вчера устала веселиться. А вообще-то, странно, что ничего не надо делать.

Так бы и не вставала с постели весь день!

– Так кто тебе не дает! – со смехом сказал Лайм. – Отдыхай. Хочешь, я к тебе приеду? Этот вопрос явно был задан безо всякой надежды на положительный ответ.

– Давай завтра, – неожиданно произнесла Дейзи. – Если у тебя, конечно, будет время.

– На тебя у меня всегда есть время, – сказал Лайм. – Где и во сколько?

– Давай в час дня. А вот где, сейчас придумую. Может, в центре, на Вудворд-авеню, у входа в Палмер-Парк?

– Хорошо.

– Можем провести вместе целый день.

– И отпраздновать окончание твоей учебы.

– Договорились. Тогда до завтра.

– До завтра, дорогая.

Дейзи повесила трубку и растянулась на кровати. Она уже давно не говорила с Лаймом так беззаботно. Неужели сегодня, действительно, не нужно ничего учить, готовиться к экзаменам, сидеть за компьютером до ночи? Какое счастье! Дейзи приподнялась на локте. Надо вставать, делать зарядку, завтракать. Но нет – ей хотелось еще полежать и ни о чем не думать.

Почему у нее раньше не было таких дней? Чего ей раньше не хватало? Два года Дейзи жила как принцесса, у нее был красивый дом, любящий муж, который никогда ее рано не будил. Но ведь она работала, порой, до вечера: готовилась к выступлениям, делала запись, снималась в клипе. И, вместе с тем, за исключением последних месяцев, все было хорошо. Она была счастлива. Дейзи поймала себя на том, что не ощущает себя замужней женщиной. Она вернулась в то состояние, в котором была до брака. Дейзи вспомнила свое девичество и поняла – именно тогда у нее не было многого, что есть у каждой второй девчонки. У нее не было парня, которому она могла бы с утра позвонить, чтобы просто поболтать ни о чем. Она не ходила на свидания. Она никогда не была предоставлена самой себе.

Дейзи и раньше, бывало, вставала поздно. Но, пожалуй, ни разу до брака у нее не было с утра такого ощущения счастья. Ей никогда не присылали цветы. Даже Лайм раньше этого не делал. Правда, он дарил ей розы довольно часто, а на отдыхе всегда приносил ей кофе в постель и клал у изголовья какие-то удивительные букетики с чудным ароматом. Да, они были очень счастливы. Но она была женой, на нее смотрели с уважением как на супругу знаменитого профессора из Гарварда. Если бы она не ушла от Лайма, чего бы не было в ее жизни? Дейзи стала вспоминать прошедший год. Она бы никогда не почувствовала на своей шкуре, что такое вставать каждый день в полшестого утра. И ей бы не подарили Микки-Мауса. Она бы не узнала, что значит отмечать праздники в одиночестве. Она бы не участвовала в серьезной научной конференции. Она, возможно, никогда бы не познакомилась с миссис Андеhill и не узнала, что бывают на свете такие начальницы. Вряд ли Дейзи собралась бы получить высшее образование. Неизвестно, проснулся бы в ней тот интерес к культуре, который был у нее сейчас. Ее бы не прозвали «танком». И, главное, Дейзи, возможно, так бы и не поняла, что в человеке и, особенно, в женщине заложены такие силы, о каких она и сама не догадывается, что имидж можно изменить радикально и стать неузнаваемой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.